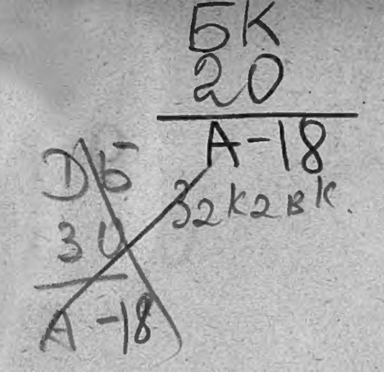
С. Л. АВАЛІАНИ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

Т. III.

Поселянская реформа и реформа сословно-поземельныхъ отношеній въ мусульманскихъ провинціяхъ.

ОДЕ... —1914.

С. Л. АВАЛІАНИ.

Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ.

Т. III.

Поселянская реформа и реформа сословно-поземельныхъ отношеній въ мусульманскихъ провинціяхъ.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1914.

Съ изданіемъ настоящаго тома, посвященнаго изслѣдованію поселянской и сословно-поземельной реформы въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья, заканчивается первая историческая часть предпринятаго нами изслѣдованія крестьянской и поземельной реформы въ Закавказьѣ. Эта половина должна явиться преддверіемъ къ обслѣдованію крестьянскаго вопроса въ Закавказьѣ съ точки зрѣнія динамической, т. е. дальнѣйшему изученію будутъ подлежать тѣ же вопросы въ его развитіи, но по преимуществу со стороны экономической.

Настоящій томъ, какъ и предыдущіе, основанъ на неизданномъ матеріалѣ, извлеченномъ изъ Архива Намѣстника на Кавказѣ. См. Дѣло канцеляріи по дѣламъ объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника Кавказскаго св. 7—д. 29/108; 12—№ 1/1, ч. I, II; 13—24/23; 15—14/19; 39—11/2, ч. I, II; 39/20—50/24;—13/20; Дѣло Деп. Главн. Упр. Нам. Кавк. Горскаго Упр., св., 7634, № 28--84—44.

С. А.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Основы Положенія 28 декабря 1847 г.

Въ Высочайшемъ манифестѣ Имп. Александра I отъ 1801 г. всѣмъ народностямъ Закавказья, которыя присоединялись къ Россіи, торжественно объявлялось, что ихъ права и собственность останутся неизмѣнными и неприкосновенными. Однако, вскорѣ мѣстная высшая власть стала предпринимать рядъ мѣръ, которыя въ значительной степени измѣняли вѣковыя туземныя отношенія и правовыя понятія; новыя мѣропріятія въ значительной степени преслѣдовали, якобы цѣли водворенія строгаго законнаго порядка въ областяхъ, которыя пользовались архаическимъ обычнымъ правомъ. Но всѣ новыя мѣропріятія явились столь неожиданными, что туземное мусульманское населеніе не было въ состояніи разобраться въ ихъ цѣлесообразности и нововведенія въ общемъ порождали слишкомъ большое смятеніе, неувѣренность въ твердости своихъ правъ среди малокультурнаго населенія, и они отнюдь не способствовали сближенію новыхъ подданныхъ, мусульманъ съ русской властью, а наоборотъ, создавали слишкомъ непріязненныя отношенія. Нельзя умолчать относительно реформаторскихъ затѣй русской власти и скрыть того, что въ большинствѣ случаевъ новыя мѣропріятія далеко не вытекали изъ внимательнаго изученія мѣстныхъ условій, а скорѣе являлись результатомъ канцелярскаго измышленія и, маложизненныя, они вскорѣ отмѣнялись, замѣняясь другими, что еще болѣе сбивало съ толку населеніе. Намъ и раньше приходилось отмѣчать, что въ политикѣ русской власти въ Закавказьѣ не было единства дѣйствія, строго продуманной системы, все было случайно и хаотично, что неоднократно признавала и высшая мѣстная и центральная власть.

Отсутствіе системы, продуманной программы обнаружилось въ очень серьезномъ вопросѣ объ организаціи бековъ, агаларовъ и вообще высшаго сословія въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья, въ Эриванской, Елизаветпольской, Бакинской губ. и въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ Тифлисской губ. Главноуправляющій Грузіей ген. Ртищевъ, не изучивъ достаточно объективно правъ и обязанностей агаларовъ, не представляя отчетливо состава этого класса населенія, спеціально изданными распоряженіями въ 1813 г. сразу ограничилъ и измѣнилъ отношеніе агаларовъ къ поселянамъ, живущимъ на ихъ земляхъ. Прежде всего ген. Ртищевъ рѣшилъ „опредѣлительно установить отношенія агаларовъ къ поселянамъ соотвѣтственно ихъ древнимъ правамъ", поэтому въ 1816 г. разрѣшилъ агаларамъ взимать съ поселянъ только денежный и хлѣбный сборъ въ размѣрѣ 1/10 махты или казенной подати; это распоряженіе, уменьшавшее доходы агаларовъ, вызвало въ средѣ агаларовъ „не только ропотъ, но даже колебанія въ вѣрности правительству"; въ то же самое время ген. Ртищевъ приказалъ моуравамъ (правители селеній) татарскихъ дистанцій, чтобы они „лишняго ничего не требовали съ поселянъ". Это распоряженіе „дало поводъ моуравамъ по прихоти стѣснять агаларовъ". А. П. Ермоловъ для успокоенія агаларовъ рѣшилъ издать „положеніе" о правахъ агаларовъ сообразно съ древними обычаями, что и было сдѣлано въ 1818 г. Г. Ермоловъ мотивировалъ изданіе положенія тѣмъ, что онъ желаетъ „оградить самовластіе агаларовъ"; „правительство не только не имѣетъ намѣренія", указывалъ Ермоловъ, „удалять агаларовъ отъ управленія деревнями, но, напротивъ того, всею властью ограждаетъ ненарушимость постановленія своего насчетъ свободы, правъ и преимуществъ имъ предоставленныхъ". Начальникъ гражданскаго управленія ген.-лейт. Ладинскій, на котораго было возложено проведеніе этого положенія утверждаетъ, что „древнія права агаларовъ, сохраненіе которыхъ въ неприкосновенности торжественно обѣщано имъ было" Высочайшими манифестами 18 января и 12 сентября 1801 г. „въ частностяхъ и даже въ самой основѣ были нарушены", потому что „новымъ положеніемъ начальство предоставило себѣ право назначать агаларовъ

по своему усмотрѣнію и по уваженію заслугъ ихъ предъ правительствомъ"; задача правительства въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, чтобы „держать агаларовъ въ желаемомъ повиновеніи и возбудить въ нихъ больше усердія къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей".

Съ введеніемъ Положенія 1818 г., выработаннаго ген. Ермоловымъ, закавказская высшая власть стала на совершенно неправильную точку зрѣнія; начальство разсматриваетъ агаларовъ какъ временныхъ правителей деревень. Агаларское званіе дается тѣмъ изъ мусульманъ, считавшихъ себя за агаларовъ, которые своимъ поведеніемъ и отношеніемъ къ правительственной власти заслужили таковое; слѣдовательно, мѣстная власть считала вполнѣ основательнымъ по личному усмотрѣнію передачу агаларскихъ правъ заслуживающимъ его, между тѣмъ, агалары представляли грамоты бывшихъ владѣтелей, которыми утверждались въ потомственномъ пожалованіи агаларскаго званія; признанія наслѣдственности своего званія постоянно домогались агалары, ибо слишкомъ „глубоко" чувствовали нарушеніе „коренныхъ правъ" своихъ. По утвержденію ген.-лейт. Ладинскаго, мѣстная власть не приняла „въ соображеніе документовъ агаларскихъ" и слѣдствіемъ такого положенія „родилось несообразное понятіе о значеніи" агаларскаго сословія. Для русскаго правительства было совершенно неясно, каково юридическое содержаніе понятія *агаларъ;* агаларъ въ мусульманскую пору владычества въ татарскихъ и армянскихъ селеніяхъ, какъ и беки, за различныя заслуги предъ правительствомъ, за храбрость и отвагу, проявленную ими въ дѣлахъ, жаловались селами и деревнями, съ правомъ управлять пожалованнымъ имѣніемъ и всѣмъ наличнымъ населеніемъ; *ага*—правитель, есть господинъ, подчасъ съ весьма широкими полномочіями, вплоть до права смертной казни; часто агаларъ или бекъ получалъ цѣлыя провинціи съ титуломъ султана; пожалованія подобнаго рода были потомственнаго характера; каждый новый правитель особыми грамотами не только признавалъ права бековъ и агаларовъ, но утверждалъ наслѣдственную передачу сихъ званій; изъ права управленія деревнями и селами вытекало естественное право пользованія доходами съ имѣній, право

на трудъ земледѣльца; право пользованія доходами съ имѣній не было равнозначнымъ праву собственности на землю; право собственности на землю принадлежало верховному повелителю мусульманъ; право агаларовъ и бековъ на земельные доходы составляло держаніе земли отъ султана, хана съ весьма широкими полномочіями; для русской власти Закавказья возникло одно, весьма серьезное затрудненіе при опредѣленіи правъ бековъ и агаларовъ на поселянъ пожалованныхъ имъ селъ и деревень; ген.-лейт. Ладинскій, который въ обстоятельномъ изслѣдованіи обнаружилъ весьма солидное знакомство съ общимъ положеніемъ вещей и тотъ впадалъ въ очень крупную ошибку; признавая за беками и агаларами „право пользованія доходами съ имѣній", онъ полагаетъ, что это право „нисколько не отличалось бы отъ правъ помѣщиковъ грузинскихъ и безспорнаго наслѣдственнаго владѣнія", если бы не вліяніе религіи, „запрещающей мусульманамъ имѣть кого нибудь въ рабствѣ, за исключеніемъ идолопоклонниковъ", а съ другой, если бы не обычное право, „по которому всякій новый государь подтверждалъ грамоты предшественниковъ при переходѣ наслѣдства отъ отца къ сыну"; это утвержденіе весьма и весьма ошибочное; совершенно справедливо, что религіозная этика мусульманина не допускала крѣпости личной и исключала личныя крѣпостныя отношенія между владѣльцемъ земли и крестьяниномъ, но изъ того факта, что на землѣ владѣльца сидятъ люди обрабатывающіе ее, извлекающіе пользу, вытекали поземельныя отношенія между землевладѣльцемъ и поселяниномъ. Эти поземельныя отношенія, скрѣпляемыя обычными нормами и понятіями были разнообразны, они не задѣвали личности, поэтому мусульманинъ земледѣлецъ приближается къ арендатору агаларской или бекской земли, лицо юридически свободное въ предѣлахъ договора съ владѣльцемъ земли, а въ договоръ можно было вносить разнообразные пункты, какъ пунктъ о доставленіи личной прислуги господину, но прислуга эта не составляла дворового въ понятіи русскаго или даже грузинскаго крѣпостного права, наоборотъ, въ мусульманскихъ провинціяхъ прислуга—только форма натуральнаго вознагражденія владѣльца земли и на срокъ; и домашняя прислуга, по от-

бытіи срока своей службы, лицо совершенно свободное и независимое; бекъ или агаларъ не можетъ быть приравниваемъ къ помѣщику въ специфическомъ понятіи періода крѣпостного права еще и потому, что они не имѣютъ права собственности на занимаемыя ими земли, они не собственники земель, а только наслѣдственные держатели; быть можетъ, въ послѣдующихъ поколѣніяхъ и фиксировалось въ сознаніи, въ силу давности, понятіе о собственности, но реально этого не могло быть, такъ какъ періодически возобновляемыя утвержденія пожалованія напоминали и говорили о природѣ правъ агалара и бека на пожалованныя имъ земли. Слѣдовательно, приравниваніе агаларовъ къ помѣщикамъ совершенно не вытекало изъ природы вещей; еще меньше было основаній разсматривать поселянъ, какъ крѣпостныхъ; съ пожалованіемъ беку или агалару селенія, провинціи переходили къ нему, какъ держателю извѣстныхъ административныхъ дѣленій и все живущее населеніе, по отношенію къ которымъ онъ становился верховнымъ держателемъ. Между тѣмъ, многіе изъ главноуправляющихъ агаларовъ „признавали не только высшимъ сословіемъ между мусульманами, но и помѣщиками“, но этотъ взглядъ по утвержденію ген.-лейт. Ладинскаго, не находилъ поддержки среди низшихъ административныхъ чиновъ, которые не признавали въ агаларахъ ни помѣщиковъ, ни представителей мусульманской знати; нѣкоторые изъ главноуправляющихъ соглашались съ такимъ толкованіемъ, „а послѣ переходили опять къ первой мысли, неоднократно противорѣча, такимъ образомъ, самимъ себѣ, отчего на агаларовъ и утвердился взглядъ, какъ на лицъ, *замѣняющихъ только полицейскихъ чиновниковъ*“; признавъ въ агаларахъ полицейскихъ управителей, стали ихъ смѣшивать съ грузинскими моуравами, низшими полицейскими чиновниками въ казенныхъ селеніяхъ, уничтоженныхъ кн. Циціановымъ въ 1804 г. Неправильное толкованіе правъ агаларовъ со стороны высшей власти Закавказья явилось слѣдствіемъ недостаточно внимательнаго анализа тѣхъ грамотъ, на которыя агалары основывали свои претензіи. Представители высшей центральной власти, однако, не раздѣляли точки зрѣнія мѣстныхъ властей. Военный министръ кн. Чернышевъ полагалъ,

что „деревни съ опредѣленными по обычаямъ края доходами жаловались агаларамъ (однимъ потомственно, другимъ временно) въ награду за заслуги или въ знакъ царской милости, *а полицейское управленіе было уже какъ бы слѣдствіемъ или принадлежностью пожалованія*". Точка зрѣнія кн. Чернышева болѣе близка къ истинѣ. Агалары, какъ полноправные правители въ пожалованныхъ имъ селеніяхъ, въ числѣ многихъ другихъ функцій и обязанностей, несли и полицейскую, поелику такая служба вытекала изъ объема агаларамъ предоставленной власти.

Признавъ агаларовъ только представителями полицейской власти и приравнявъ ихъ къ простымъ полицейскимъ чиновникамъ, закавказская высшая власть сдѣлала изъ такого рѣшенія соотвѣтствующій выводъ. Въ первую очередь возникалъ вопросъ, если агалары только полицейскіе чиновники, то на какомъ правѣ они распоряжаются населенными землями. Совѣтъ Главнаго Управленія 28 февраля 1839 г. далъ на этотъ вопросъ исчерпывающій отвѣтъ, а именно, деревни, населенныя армянами, были освобождены отъ агаларскаго управленія, въ числѣ доводовъ въ пользу такого рѣшенія приводилось соображеніе, что армяне какъ христіане не могутъ находиться подъ управленіемъ агаларовъ мусульманъ; въ 1841 г. послѣ ревизіи сен. Гана было рѣшено уничтожить управленіе агаларовъ деревнями и вмѣсто доходовъ, получавшихся ими отъ управленія деревнями, выдавать особое вознагражденіе. Высочайшимъ повелѣніемъ 28 мая 1841 г. агалары были устранены отъ управленія деревнями, а поселяне должны были платить повышенныя подати прямо въ казну. Приведя въ исполненіе эту мѣру 13 февраля 1842 г., Главное Управленіе обратило вниманіе на положеніе наслѣдниковъ агаларовъ, должности которыхъ упразднялись. Для рѣшенія вопроса былъ учрежденъ комитетъ, который предложилъ надѣлить агаларовъ землями въ такомъ количествѣ, чтобы доходы съ нихъ оказались равными тѣмъ, которые получали алагары съ бывшихъ въ ихъ управленіи имѣній; эта точка зрѣнія не нашла поддержку и слѣдующій комитетъ находилъ неудобнымъ надѣленіе агаларовъ землей въ потомственную собственность по техническимъ основаніямъ, въ виду неразмежеванности

земель; но совершенно достаточнымъ комитетъ полагалъ предоставить агаларамъ и ихъ родственникамъ потомственную галлу (натуральную повинность) съ тѣхъ деревень, которыми они управляли и предоставить имъ же земли въ потомственную собственность подъ хозяйственными заведеніями, однако и это предложеніе не собрало большинства, тогда комитетъ предложилъ третье рѣшеніе: кромѣ утвержденія за агаларами въ потомственное владѣніе участковъ земель, которые были подъ ихъ хозяйственными заведеніями, и состояли въ пользованіи агаларовъ по положенію А. П. Ермолова и предоставленія знатнѣйшимъ изъ агаларскаго сословія права получать *нукеровъ* (слугъ), предоставить всему агаларскому сословію право получать изъ казны 10-лѣтнюю сложность доходовъ съ деревень, прежде ими управляемыхъ. Послѣднія предположенія комитета были утверждены Совѣтомъ Главнаго Управленія. Императоръ Николай I полагалъ къ тому же, что агалары должны быть надѣляемы правомъ потомственнаго пользованія землями и угодіями въ достаточномъ количествѣ съ предоставленіемъ агаларамъ правъ давать эти земли подъ поселенія казеннымъ крестьянамъ на особыхъ условіяхъ. Главноуправляющій Нейдгардтъ, не возражая по существу, не находилъ, однако, возможнымъ осуществить Высочайшее пожеланіе въ виду неразмежеванности края, съ одной стороны, и непригодности многихъ земель къ обработкѣ, съ другой, но въ то же самое время Нейдгардтъ полагалъ, что Высочайшая воля можетъ быть осуществлена въ томъ лишь случаѣ, если агалары будутъ надѣляться землями въ неопредѣленное время, не выходя изъ предѣловъ прежнихъ татарскихъ дистанцій. Но всѣ эти рѣшенія представлялись Николаю I лишь частичными, не обнимающими правового положенія агаларскаго сословія въ цѣломъ, поэтому Главноуправляющему были переданы въ мартѣ и февралѣ 1844 г. для разработки слѣдующіе вопросы: 1) сравнить личныя права агаларовъ съ правами бековъ, 2) „изъискать вѣрные способы къ обезпеченію существованія агаларовъ и къ возможному уравненію, какъ взаимныхъ выгодъ агаларовъ въ частности, такъ и вообще всего сословія бековъ, равныхъ имъ по происхожденію и по политическому значенію въ народѣ“, 3) пожизненное денежное

содержаніе агаларовъ ограничить не временемъ смерти настоящаго получателя, а временемъ отвода земель, въ замѣнъ выдаваемаго агалару денежнаго содержанія, 5) нарѣзывать агаларамъ постепенно земли, не прибѣгая къ переселеніямъ и не вовлекая казну въ значительные расходы, 6) обратить въ надѣлъ агаларамъ пустопорожнія земли, предоставляя имъ право добровольныхъ соглашеній съ крестьянами для заселенія получаемыхъ агаларами земель, если бы въ этомъ оказалась надобность. Совѣтъ Главнаго Управленія и составилъ проектъ устройства агаларскаго сословія на Высочайше преподанныхъ основаніяхъ 30 декабря 1844 г. и представилъ на Высочайшее утвержденіе.

Для правительства стало очевиднымъ, что дальнѣйшее положеніе бековъ и агаларовъ безъ существеннаго измѣненія ихъ правового и экономическаго положенія существовать не можетъ, наконецъ сталъ постепенно выясняться и характеръ допущенныхъ неправильныхъ толкованій юридическихъ правъ агаларскаго сословія; къ пересмотру вопроса особенно указывалъ ропотъ и безпокойство и вообщее глухое броженіе среди агаларскаго сословія, что было крайне нежелательно въ виду вообще бурнаго настроенія среди мусульманскаго населенія Кавказа и настойчиваго желанія русской власти замирить Кавказъ. Миролюбивую тенденцію русской власти въ связи съ стремленіемъ ввести агаларское сословіе въ законныя юридическія нормы особенно хорошо выразилъ ген. лейт. Ладинскій, по порученію кн. М. С. Воронцова изучавшій положеніе агаларовъ, онъ полагалъ, что утихомирить населеніе возможно лишь „правотою дѣйствій, соблюденіемъ привилегій и установленіемъ связей, основанныхъ на взаимныхъ выгодахъ подданныхъ и правительства, дабы все это можно было потомъ обращать въ орудіе усыпительнаго дѣйствія верховной власти, распоряжающейся неминуемо черезъ лицъ, которымъ ввѣрено управленіе частями и близкихъ къ народу“.

Со вступленіемъ М. С. Воронцова вопросъ о реорганизаціи положенія агаларовъ и бековъ сталъ усиленно дебатироваться. Новый намѣстникъ Кавказа исходилъ въ своей системѣ управленія изъ необходимости признанія мѣстныхъ правовыхъ условій, которыя должны были послужить базой

реформы. М. С. Воронцову извѣстна была Высочайшая точка зрѣнія на желательное преобразованіе положенія агаларовъ. М. С. послѣ совѣщанія съ почетнѣйшими беками изъ Карабагскихъ и Шекинскихъ провинцій составилъ окончательный проектъ положенія объ устройствѣ агаларовъ и бековъ, проектъ былъ одобренъ Совѣтомъ Главнаго Управленія Намѣстника. Въ первую очередь проектъ призналъ неотложно необходимымъ возвратить бекамъ и агаларамъ земли „ошибочно и съ большимъ вредомъ“ отнятыя; далѣе М. С. Воронцовъ признавалъ необходимымъ торжественно объявить, что „крѣпостного владѣнія здѣсь не было и быть не можетъ“, почему въ проектѣ крестьяне названы *поселянами, живущими на владѣльческой землѣ* „съ назначеніемъ опредѣленныхъ повинностей“; М. С. даже проектировалъ предоставить владѣльцамъ изъ ханскихъ фамилій право въ принадлежащихъ имъ деревняхъ „избирать имъ самимъ кевховъ (старшинъ) и перемѣнять ихъ безъ участія земской полиціи“; 2) нукеры же, которые воспитывались съ малыхъ лѣтъ владѣльцами, снабжены ими всѣмъ необходимымъ, по мнѣнію М. С. Воронцова, не должны получить права уходить отъ владѣльцевъ, въ случаѣ же ухода, все ихъ недвижимое имѣніе и $1/2$ движимаго, кромѣ одежды, должно остаться у владѣльца; 3) освободить нукеровъ, состоящихъ въ услуженіи при домахъ ханскихъ фамилій отъ платежа податей въ казну, но это право проектируется сохранить пожизненно для находившихся въ живыхъ ханскихъ фамилій; эти исключенія М. С. Воронцовъ считаетъ крайне желательными въ видахъ политическихъ, они должны были показать народу „то предпочтеніе, которымъ они (мусульманская знать) пользуются у правительства .... что правительство имѣетъ къ нимъ особое уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе обяжетъ ихъ благодарностью и привлечетъ ихъ на нашу сторону“; отстаивая мысль о надѣленіи агаларовъ и бековъ землями, отстаивая возвращеніе отнятыхъ земель, М. С. Воронцовъ, помимо справедливости подобной мѣры, видѣлъ цѣлесообразность подобнаго мѣропріятія въ видахъ экономическаго преуспѣянія края; стараніе привязать бековъ и агаларовъ къ землѣ „принудитъ, говорилъ М. С., ихъ (бековъ и агаларовъ) обращать болѣе вниманія на земледѣліе“, они будутъ имѣть

постоянное занятіе и „тѣмъ отнимется у нихъ охота и возможность заниматься ремеслами, несвойственными ихъ состоянію и противными общему спокойствію". М. С. особенно подчеркивалъ въ своихъ реформаторскихъ начинаніяхъ то, что онъ старается, „сколько возможно, не нарушать ихъ обыевъ и правъ".

Реформа положенія бековъ и агаларовъ, за которую очень усердно взялась власть диктовалась главнѣйшимъ образомъ политическими соображеніями, особенно, обострившимися отношеніями съ горскими мусульманскими племенами, все болѣе растущимъ вліяніемъ мюридизма; необходимо поэтому было привлечь на свою сторону агаларовъ и бековъ, задобрить ихъ въ извѣстной степени и если не совсѣмъ ихъ привязать, то значительно ихъ успокоить; а М. С. Воронцовъ, какъ тонкій политикъ, въ первую очередь выдвигалъ эту политическую роль, признавая реформу „дѣломъ величайшей важности для края". Въ виду того, что политическія условія требовали необходимо привлечь вліятельную массу агаларскаго и бекскаго сословія, правительство охотно поступилось въ ихъ пользу правами земледѣльческаго населенія. Если разрабатывавшееся новое положеніе улучшало, сравнительно съ прошедшими временами юридическое и экономическое положеніе агаларовъ, то то же положеніе въ значительной степени ухудшало состояніе низшихъ разрядовъ населенія.

Въ Высочайшихъ указахъ 20 апрѣля 1847 г. для бекскихъ имѣній и 28 декабря для агаларскихъ данныхъ на имя Намѣстника Кавказа, получили верховную санкцію основныя положенія новаго устройства агаларскаго сословія. Независимо отъ тѣхъ земель, которыя были пожалованы русской властью ханамъ, бекамъ, меликамъ изъ армянъ, новое положеніе утвердило въ потомственномъ владѣніи всѣ тѣ земли, которыми владѣли роды до присоединенія мусульманскихъ провинцій къ Россіи и находились въ безспорномъ ихъ владѣніи; земли же, населенныя и ненаселенныя и отобранныя у нѣкоторыхъ владѣльцевъ въ 1841 г. не за преступленія и не судебнымъ порядкомъ должны были „возвратить тѣмъ лицамъ, у которыхъ они были отобраны или наслѣдникамъ ихъ и утвердить въ ихъ владѣніи", точно

также агаларамъ бывшихъ татарскихъ дистанцій, которыя ошибочно были признаны простыми полицейскими чиновниками и потеряли земли въ 1841 г., возвращались населенныя и ненаселенныя земли и утверждались въ ихъ потомственномъ владѣніи; такъ какъ агаларамъ, взамѣнъ отнятыхъ земель, выдавались изъ казны деньги, то съ возвращеніемъ имъ земель, прекращались денежныя выдачи; на утверждаемыхъ въ потомственномъ владѣніи земляхъ обитало земледѣльческое населеніе, всѣ они причислялись къ государственнымъ поселянамъ и вмѣсто туземныхъ наименованій ихъ *раятъ*, *речбаръ*, *халисе*, *нукеръ*—вводилось общее названіе *мюлькедеръ-табиги*; въ числѣ земель, которыя получили агалары и беки были и такія, которыя за заслуги были пожалованы имъ русскимъ правительствомъ, относительно этихъ земель поручалось Намѣстнику произвести изысканія, за кѣмъ такія земли оставить во временное пользованіе, за кѣмъ въ полную собственность, особенно тѣ изъ земель, которыя уже перешли по наслѣдству и никакихъ распоряженій не вызывали.

Такимъ образомъ, новое Положеніе исправило безусловно серьезную ошибку, возвративъ агаларамъ земли, но возвращеніе агаларамъ земель еще не означало возстановленія ихъ въ полныхъ правахъ. Положеніе въ связи съ возстановленіемъ поземельныхъ правъ бековъ и агаларовъ разработало объемъ ихъ правъ и обязанностей. Земли, возвращенныя агаларамъ называются Положеніемъ надѣлами, и составляютъ они „полную собственность владѣльца, который можетъ располагать оными на основаніи общихъ законовъ".

Высочайше утвержденное положеніе 28 декабря 1847 г. весьма подробно освѣщаетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ сторонъ новаго строя вопросъ о взаимоотношеніи между поселянами и агаларами. Поселяне, находящіеся на земляхъ агаларовъ пользуются тѣми же размѣрами надѣловъ, какими они располагали и раньше и агалары не вправѣ уменьшать ихъ, но если у поселянина менѣе 5 дес. на душу м. п., съ 15 л. возраста начиная и у агалара окажется свободная земля, то послѣдній „обязывается давать ему (поселянину) недостающее до сей пропорціи количество". Увеличеніе поселянскаго надѣла есть предметъ частныхъ соглаше-

ній поселянина и владѣльца земли; агалары, владѣющіе ненаселенной землей, могутъ съ согласія начальства населять земли и надѣлять каждую душу м. п. съ 15 л. возраста удобной землей не менѣе 5 дес. на д. Необходимо отмѣтить, что Положеніе не опредѣляетъ состава надѣла, и ограничивается указаніемъ, что владѣльцы должны отводить поселянамъ землю, удобную для хлѣбопашества, скотоводства и огородничества.

За получаемыя въ надѣлъ земли поселяне обязываются въ пользу владѣльца разъ навсегда установленными повинностями; если поселянинъ собственнымъ инвентаремъ и сѣменами воздѣлалъ сады и поля, то „со всѣхъ вообще, безъ исключенія, земныхъ произведеній“ уплачиваетъ владѣльцу 1/10, если поселянинъ, по соглашенію, получилъ отъ владѣльца земли орудіе, сѣмена, то высшая мѣра вознагражденія въ пользу владѣльца земли 1/5 земныхъ произведеній; повинность эта называется *малджегатъ*; поселянинъ обязывается доставить малджегатъ владѣльцу; если послѣдній живетъ въ чертѣ имѣнія, то поселянинъ долженъ доставить не позже трехъ дней послѣ выдѣла, если за чертой имѣнія, но не далѣе 50 в. отъ мѣста сбора урожая,—то въ теченіе 20 дней, если далѣе 50 в.,—по окончаніи полевыхъ работъ, въ свободное время и время потребное для доставки зачисляется въ число рабочихъ дней, которыми обязанъ поселянинъ владѣльцу.

Поселяне обязываются доставлять владѣльцамъ земли, помимо натуральныхъ повинностей, и прислугу; прислуга только мужескаго пола; въ прислугу должны брать поселянъ, которые не имѣютъ своего хозяйства, одинокихъ и сиротъ, наконецъ, прислугу можно брать изъ такихъ семействъ, „которыя за отдѣленіемъ владѣльцу земли въ прислугу по одной мужской душѣ, не разстроятъ тѣмъ своего хозяйства и не лишатъ ее средствъ къ своему пропитанію“. Назначеніе прислуги происходитъ по очереди между участниками семействъ, обязанныхъ выставлять прислугу, по выбору самихъ семействъ и съ согласія владѣльца. Главный начальникъ Закавказскаго края опредѣляетъ подробности тѣхъ условій, которыми должны руководствоваться владѣльцы при назначеніи прислуги, а именно: самый порядокъ назначенія при-

слуги, установленіе очереди, возрастъ, тѣлесные недостатки, препятствующіе несенію обязанностей прислуги.

Въ прислугу воспрещается брать: 1) лицъ женскаго пола, 2) болѣе одной души м. п., 3) моложе 20 л., 4) мусульманамъ изъ христіанскихъ семействъ и христіанамъ изъ мусульманскихъ.

Срокъ службы годичный, дольше года прислуга можетъ оставаться въ услуженіи лишь съ обоюднаго соглашенія владѣльца и прислуги. Прислуга въ теченіи года своей службы „обязана исполнять, по мѣрѣ возможности, всѣ законныя требованія владѣльца земли и отправлять какъ домашнія, такъ и полевыя работы“. Прислуга за время пребыванія на службѣ у владѣльца получаетъ пищу и одежду отъ владѣльца; семейство, изъ котораго взята прислуга не отбываетъ въ пользу владѣльца „никакихъ другихъ повинностей“. Для того, чтобы облегчить поселянамъ несеніе повинностей въ пользу владѣльца Положеніе освободило ихъ отъ платы окладныхъ сборовъ по 4 р. съ каждаго семейства, казенныя подати и повинности поселяне платятъ въ уменьшенномъ размѣрѣ 3 р. с. подати и 2 р. с. въ земскую повинность; отъ личныхъ земскихъ повинностей семейства, доставляющія прислугу, освобождаются.

Повинности поселянъ не исчерпываются доставленіемъ прислуги владѣльцу; каждое семейство поселянина обязано по требованію владѣльца выставить одного работника со скотомъ и „гдѣ нужно съ сельскими орудіями на 8 дней въ году“, при этомъ владѣлецъ вправѣ, если онъ не нуждается въ рабочихъ, брать съ каждаго семейства за рабочій день по 10 коп., но не болѣе.

Помимо повинностей въ пользу владѣльца земли, поселяне несутъ земскія и общественныя повинности; онѣ называются *эврезъ*, и бываютъ разнаго характера: 1) поселяне мірскою сходкой помогаютъ агалару, который управляетъ селеніемъ „эврезомъ два дня въ году“, 2) устраиваютъ и починяютъ: каналы, мосты, дороги, 3) несутъ повинности, имѣющія характеръ общественный въ чертѣ владѣльческой земли.

Положеніе 1847 г. имѣетъ одну безспорно положительную сторону: въ хаотическую безпорядочную систему пови-

ностныхъ отношеній поселянъ къ владѣльцамъ земли, регулируемую обычнымъ правомъ внесло порядокъ, опредѣленность, но за то придало отношеніямъ поселянъ къ владѣльцамъ характеръ незыблемости, устойчивости. Если внимательно присмотрѣться къ тѣмъ повинностямъ, которыми Положеніе 1847 г. обязало поселянъ по отношенію къ владѣльцамъ, то окажется, что состояніе поселянъ ухудшилось по сравненію съ прежнимъ, ибо строго фиксированныя повинности сдѣлали поселянъ болѣе крѣпкими къ владѣльцамъ; построеніе законодателя было таково, что предполагалось обратить поселянъ въ крѣпостныхъ бековъ и агаларовъ, но такъ какъ крѣпостное состояніе рѣшительно отвергалось, какъ институтъ несвойственный правовому и религіозному міросозерцанію мусульманъ, то и пришлось отказаться отъ коренной ломки вѣковыхъ представленій, особенно въ критическое политическое время, но общій духъ Положенія въ значительной степени приблизилъ поселянъ къ крѣпостнымъ, причисливъ поселянъ къ казеннымъ крестьянамъ.

Поселянинъ не является крѣпкимъ къ владѣльцу земли, ему предоставлена возможность покинуть владѣльца земли; но въ то же время поселянскіе переходы нѣсколько ограничены; поселяне могутъ уходить по истеченіи рабочаго года и по исполненіи всѣхъ лежащихъ на немъ податей и повинностей; о желаніи перехода поселянинъ обязанъ заявить за 2 мѣсяца до истеченія рабочаго года; Положеніе признаетъ за поселяниномъ нѣкоторыя гражданскія права: постройки, возведенныя поселяниномъ на владѣльческой землѣ собственными средствами, принадлежатъ ему, а потому онъ можетъ ихъ снести или оставить владѣльцу. Сады и огороды поселянинъ можетъ или продать односельцамъ или оставить за собою, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ владѣлецъ долженъ быть гарантированъ, что правильно и своевременно будетъ получать малджегатъ.

Поселянинъ можетъ вступать въ особыя соглашенія съ владѣльцемъ относительно увеличенія размѣровъ надѣльной земли или другихъ какихъ нибудь обстоятельствъ; между сторонами обязательно должны заключаться письменныя условія, составляемыя подъ наблюденіемъ мѣстнаго началь-

ства во избѣжаніе злоупотребленій со стороны владѣльцевъ земли.

Хотя поселянинъ не прикрѣпленъ къ землѣ или личности алагара или бека и вправѣ располагать своею личностью, однако свобода поселянина относительна; мѣстное начальство строго должно наблюдать, чтобы переселяющійся поселянинъ былъ приписанъ къ ближайшему казенному селенію и обложенъ тѣми же податями и повинностями, какія несутъ крестьяне того селенія. Такимъ образомъ, поселянинъ крѣпокъ къ казеннымъ землямъ и это обстоятельство есть новость, установленная Положеніемъ 1847 г.

Тоже Положеніе 1847 г. предоставило владѣльцамъ земли бекамъ и агаларамъ весьма большія полномочія; съ одной стороны, беки и алагары, какъ владѣльцы земли, были обезпечены писаннымъ правомъ повинностями земледѣльческаго населенія, въ отношеніи котораго они становились въ положеніи помѣщика въ толкованіи крѣпостного института; но что особенно важно, Положеніе предоставило имъ очень широкія вотчинныя права; владѣльцу земли предоставленъ „*надзоръ за порядкомъ, благочиніемъ между поселянами и полицейское ими управленіе*", онъ же наблюдаетъ „за нравственностью живущихъ на его землѣ поселянъ"; ага или бекъ завѣдывающій селеніемъ или частью онаго и несущій административныя обязанности получаетъ спеціальное вознагражденіе „эврезомъ два дня въ году". Всѣ споры поселянъ, взаимныя ихъ неудовольствія и претензіи, а равно проступки, перечисленные въ ст. 4 прил. 4 къ Ул. о наказ. Угол. и Испр., преступленія, которыя не влекутъ за собою лишенія правъ состоянія, рѣшаемыя на осн. ст. 1680 и 1681 т. XV, Св. Зак. Уг. (Прод. VI) и примѣч.—разсматриваются выборными изъ среды поселянъ, но непремѣнно подъ надзоромъ владѣльца земли или завѣдывающаго селеніемъ, и непремѣнно съ его разрѣшенія. Однако, управленіе селеніями находится подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства, которому вмѣнялось „строго наблюдать, чтобы владѣльцы земли и лица, завѣдывающія селеніями и частями оныхъ, не дѣлали обидъ и притѣсненій поселянамъ и не требовали отъ нихъ такихъ повинностей, кои не опредѣлены положеніемъ", равно должны наблюдать за исправнымъ исполне-

ніемъ повинностей со стороны поселянъ. Но это требованіе имѣло скорѣе моральное значеніе, ибо агалары и беки, стоящіе близко къ населенію, обязанному разнородными повинностями и работами, и надѣленные административными правами, обладали слишкомъ большой властью и пріобрѣтали въ отношеніи къ мѣстному населенію огромную власть; таково и было желаніе верховной власти; въ Высочайшемъ указѣ Намѣстнику Кавказа 6 дек. 1846 г. прямо повелѣвалось „заняться опредѣленіемъ ихъ (агаларовъ и бековъ) личныхъ правъ, *примѣняясь въ семъ отношеніи, по мѣрѣ возможности, къ правамъ, благородному дворянству Россійскому присвоеннымъ*". Перенесеніе института чуждаго духу народной жизни мусульманской являлось исторической несообразностью и цѣликомъ это предпріятіе провести въ жизнь не удалось, но Положеніе приблизило поселянъ къ быту крѣпостныхъ, а владѣльцевъ ихъ къ дворянскому сословію, но по обстоятельствамъ отъ творцовъ Положенія не зависящимъ, благодаря войнамъ съ горцами, назрѣвавшей крестьянской реформѣ не удалось слить мусульманскую знать съ дворянствомъ, а поселянъ съ крѣпостными; наибольшія выгоды выпали на долю бековъ и агаларовъ, положеніе ихъ было укрѣплено, на нихъ смотрятъ какъ на классъ благородный и цѣль политическая была достигнута.

Учрежденныя двѣ коммиссіи одна въ Тифлисѣ для агаларовъ, другая въ Шемахѣ для бековъ разобрали списки бековъ и агаларовъ для рѣшенія вопроса о правахъ ихъ на земли.

I.

Крестьянская реформа въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья.

Поселянское Положеніе 1870 г.

I.

Предварительныя подготовительныя работы.

Крестьянская реформа въ Тифлисской, Кутаисской губ., Сванетіи, Сухумскомъ отдѣлѣ внесла въ существовавшія отношенія между зависимыми сословіями и землевладѣльцами, помѣщиками коренныя измѣненія, положила начало новой жизни. При такихъ обстоятельствахъ сама жизнь выдвигала необходимость завершенія дѣла, путемъ распространенія крестьянской реформы на мусульманскія провинціи Закавказья. Дополнительныя правила 13 октября 1864 г., изданныя для Тифлисской губ., послужили главнымъ основаніемъ реформы въ части христіанскаго населенія Закавказья; на это были весьма серьезныя основанія въ нѣкоторой однородности условій въ жизни крѣпостного населенія и ихъ помѣщиковъ; мусульманскія же провинціи находились въ совершенно иныхъ условіяхъ, поэтому уже изданныя крестьянскія законоположенія не могли быть примѣнимы въ названныхъ провинціяхъ, кромѣ развѣ общихъ эмансипаціонныхъ принциповъ, исходившихъ вообще изъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. Однако, и въ мусульманской части Закавказья было кое-что сдѣлано въ отношеніи урегулированія взаимоотношеній между владѣльцами и зависимыми разрядами населенія, слѣдовательно, до извѣстной степени былъ предуказанъ путь, какъ предшествующими законоположеніями, такъ и новыми крестьянскими положеніями. Но здѣсь было одно серьезное обстоятельство, способное совершенно исказить или направить по ложному пути дѣло реформы въ мусульманскихъ провинціяхъ.

Въ христіанской части Закавказья существовало крѣпостное право, со всѣми ему присущими типичнѣйшими свойствами; въ мусульманскихъ провинціяхъ никакого крѣпостного права не было. По религіознымъ воззрѣніямъ мусульманъ не допускалась личная крѣпость между единовѣр-

цами; слѣдовательно, эти воззрѣнія исключали какую бы то ни было возможность возникновенія личной крѣпостной зависимости; съ другой стороны, своеобразіе взгляда на поземельную собственность не допускало возможности возникновенія крѣпости поземельной. Земля есть собственность верховнаго народнаго вождя, хана; беки, агалары только временные держатели земли, чаще наслѣдственные; „бекъ признавался только пожизненнымъ арендаторомъ, лишеннымъ права вмѣшиваться въ поземельное устройство поселянъ", „поселяне, живущіе на агаларскихъ земляхъ" считались людьми свободными, обязанными лишь тѣми отношеніями, которыя истекали изъ землепользованія, отношеніями чисто поземельными, безъ всякой связи съ личностью поселянина. При русскомъ правительствѣ въ цѣломъ рядѣ узаконеній въ вѣковыя понятія были внесены новые мотивы, правда не упразднившіе старыхъ, но все же мотивы, нашедшіе почву, поэтому въ отношенія поселянъ и землевладѣльцевъ прокрались новыя особенности общежитія, несвойственныя вообще воззрѣніямъ мусульманскаго права; поселяне, живущіе на агаларскихъ земляхъ, „властью надъ ними агаларовъ поставлены почти въ тѣ же самыя условія, какъ крѣпостные люди къ помѣщикамъ". Произошла ломка и ломка существенная въ вѣковыхъ отношеніяхъ и вотъ теперь передъ реформой нужно было опредѣлить путь движенія; возникъ серьезный вопросъ, итти ли въ дѣлѣ реформы отъ представленій чисто крѣпостныхъ или стать на иную точку зрѣнія; но такъ какъ ни чистоты прежнихъ правовыхъ взаимоотношеній между владѣльцами и поселянами, ни типическихъ крѣпостныхъ свойствъ привить не удалось, то пришлось изыскивать нѣкоторые особые пути въ рѣшеніи вопроса.

Изданныя законоположенія 6 декабря 1846 г. (IX, Св. Зак., изд. 1857 г. пр. I къ ст. 1097 г.); 20 апрѣля и 28 декабря 1847 г., 8 іюня 1851 г. пытались урегулировать взаимоотношенія землевладѣльцевъ и поселянъ. Однако, всѣ эти правила не могли внести и сдѣлать того, что отъ нихъ ожидалось. Тифлисскій губернаторъ былъ того мнѣнія, что „какъ бы ни была разумно составлена инструкція агаларскому управленію, преступленія и всякіе безпорядки въ агаларскихъ деревняхъ никогда не прекратятся и преслѣдова-

нія правительства всегда останутся безъ послѣдствій". Злоупотребленія агаларовъ выразились въ томъ, что агаларское положеніе въ точности не исполнялось, агалары надѣляли землями поселянъ по своему усмотрѣнію, отбирали у нихъ земли также по усмотрѣнію, требовали малджегатъ въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ допускалось Положеніемъ, брали прислугу въ большемъ числѣ, требовали прислугу женскую, заставляли служить болѣе опредѣленнаго времени, отбирали земли; этому способствовало то, что многіе поселяне не знали въ точности, какія повинности должны они отбывать агаларамъ, а послѣдніе, конечно, не находили нужнымъ объяснять это поселянамъ; такимъ образомъ, „съ пожалованіемъ агаларамъ земель, они не оправдали ожиданій правительства и ничѣмъ не доказали благотворнаго своего вліянія на подчиненный имъ народъ; тѣ же изъ нихъ, которымъ ввѣрено управленіе деревнями, не только не заботятся преслѣдовать преступниковъ, но напротивъ, нерѣдко стараются скрыть преступныя дѣйствія своихъ односельцевъ и, такимъ образомъ, употребляютъ во зло дарованную имъ власть". При такихъ условіяхъ „облекать агаларовъ какою бы то ни было властью надъ казенными крестьянами и дозволять имъ вмѣшиваться въ дѣла ихъ не только безполезно, но и вредно". Съ другой стороны, мѣстная власть, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, тифлисскаго губернатора, признавалась, что „поселяне, живущіе на агаларскихъ земляхъ, признаваемые людьми свободными, властью надъ ними агаларовъ поставлены почти въ тѣ же самыя условія, какъ крѣпостные люди къ помѣщикамъ", а при упраздненіи крѣпостного права, въ значительной части Закавказья было признано неудобнымъ оставлять такое положеніе. На этомъ основаніи тифлисскій гражданскій губернаторъ Орловскій въ донесеніи своемъ въ 1861 г. Намѣстнику признавалъ „необходимымъ устранить агаларовъ отъ управленія живущими на ихъ земляхъ крестьянами, подчинивъ полицейскій надъ ними надзоръ мѣстному полицейскому начальнику на общемъ основаніи, а внутреннее управленіе деревнями согласовать съ правилами объ управленіи государственными крестьянами въ Закавказскомъ краѣ и сообразно сему измѣнить и самое положеніе объ агаларахъ Высоч. утв. 28 декабря 1847 г. Дѣйствительно.

поселяне жаловались на злоупотребленія агаларовъ и стали проситься на казенныя земли, добивались разрѣшенія переселиться въ Турцію. Кавказскій Комитетъ сочувственно отнесся къ проекту и вскорѣ, 28 ноября 1861 г. послѣдовало распоряженіе, что Государь изволилъ освободить агаларовъ отъ управленія казенными крестьянами и согласовать управленіе этими поселянами въ мусульманскихъ провинціяхъ съ правилами объ управленіи вообще государственными крестьянами въ Закавказскомъ краѣ. При измѣненномъ положеніи, (главнымъ образомъ, ст. 25 и приложенія къ ней и 26 ст.) для внутренняго административнаго и хозяйственнаго управленія деревнями общество казенныхъ поселеній избирается, на общемъ основаніи, безъ участія агаларовъ, старшина, который утверждается и увольняется Губернскимъ Правленіемъ; на обязанности старшины наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ, сборъ малджегата въ пользу владѣльца земли и наблюденіе за исполненіемъ крестьянами повинностей владѣльцу; всѣ взаимные споры поселянъ между собою и агаларами, ихъ неудовольствія и претензіи, кражи до 100 р., поступки, не ведущіе къ лишенію правъ, разбираются мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ на общемъ основаніи безъ всякаго участія въ томъ агаларовъ.

Освобожденіе агаларовъ отъ несенія административныхъ обязанностей являлось крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ болѣе справедливой защиты интересовъ поселянъ, но этимъ вопросъ о положеніи поселянъ не рѣшался, потому особенно, что оффиціально была засвидѣтельствована ненормальность положенія поселянъ на агаларскихъ земляхъ, которые находились въ безконтрольномъ безправномъ подчиненіи агаларамъ; ясна была неудовлетворительность Полож. 28 дек. 1847 г., не гарантирующаго спокойную закономѣрную жизнь поселянамъ. Въ виду этого уже въ 1866 г. заговорили о необходимости реформы. Въ докладѣ Намѣстнику начальникъ Главнаго Управленія А. П. Николаи, отъ 23 марта 1866 г., говорится о желательности пересмотра Положенія 28 дек. 1847 г. Пересмотръ на самомъ дѣлѣ превратился въ существенную переработку Положенія. Пересмотръ, по основному предложенію А. П. Николаи, долженъ былъ коснуться: 1) надѣленія крестьянъ землею, 2) повинностей посе-

лянъ въ пользу владѣльцевъ земли, и 3) права переселенія поселянъ на другія земли, эти вопросы были основными и въ Положеніи 1847 г. А. П. Николаи полагалъ, что сущность Положенія, подлежащаго пересмотру въ томъ и заключается, что „при утвержденіи за агаларами земель, бывшихъ прежде въ ихъ пользованіи, возложена на нихъ обязанность надѣлить поселянъ на тѣхъ земляхъ живущихъ, и признанныхъ государственными, землею за извѣстныя, весьма разнообразныя повинности и что въ то же время симъ поселянамъ предоставлено право, по истеченіи каждаго рабочаго года и по разсчетѣ съ владѣльцемъ земли въ повинностяхъ за прежнее время переселяться безпрепятственно на всѣ другія земли, владѣльческія, казенныя, либо пріобрѣтенныя ими въ собственность". Пересмотръ Положенія долженъ былъ быть произведенъ по соображенію съ тѣми отношеніями, которыя установлены въ Грузіи. Какое отношеніе положеніе для Грузіи могло имѣть къ поселянамъ на агаларскихъ земляхъ А. П. Николаи не объясняетъ; очевидно отношеніе это должно было выразиться „въ соглашеніи собственно размѣра и вида повинностей поселянъ, живущихъ на землѣ агаларъ, въ пользу владѣльцевъ этой земли, съ тѣми повинностями, коими обязаны крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости и водворенные на помѣщичьихъ земляхъ въ Тифлисской и Кутаисской губ". А. П. Николаи не сомнѣвается, что въ подобномъ соглашеніи „не представится никакихъ затрудненій", но въ какой мѣрѣ къ поземельному устройству государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на агаларскихъ земляхъ, могутъ быть примѣнимы всѣ условія мѣстныхъ крестьянскихъ законоположеній какъ то: о надѣлѣ поселянъ землею и другими угодіями въ постоянное пользованіе, объ условіяхъ самаго пользованія, объ увольненіи поселянъ изъ крестьянскихъ обществъ и т. п., эти вопросы, по мнѣнію мѣстныхъ властей, будутъ подлежать подробному и тщательному обсужденію.

Всѣ предварительныя работы по пересмотру Положенія были возложены 23 марта—16 апр. 1866 г. на Комитетъ объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника, который долженъ былъ пересмотрѣть „Положенія о взаимоотношеніяхъ агаларовъ и поселянъ на ихъ земляхъ

живущихъ... по соображенію съ тѣми отношеніями, кои нынѣ установлены между вышедшими изъ крѣпостной зависимости крестьянами и землевладѣльцами въ Грузіи“.

При обсужденіи вопроса о пересмотрѣ Положенія 1847 г. возникли въ Главномъ Управленіи различные сложные вопросы, явилась необходимость, съ одной стороны, выяснить обнаружившіеся недочеты Положенія, съ другой — опредѣлить состояніе и положеніе по преимуществу поселянъ; для полученія необходимыхъ свѣдѣній были выработаны вопросы, предложенные отдѣльнымъ административнымъ лицамъ въ мусульманскихъ провинціяхъ, отвѣты дали картину яркую, которая еще настойчивѣе говорила о реформѣ. Изъ этихъ отвѣтовъ выяснилось, что Положеніе не удовлетворило элементарныхъ потребностей поселянъ; оказалось, что интересы поселянъ за все время дѣйствія были отданы въ полное распоряженіе агаларовъ, однимъ словомъ, раскрылась картина положенія большого класса лицъ, участь которыхъ Положеніе не только не улучшило, но на самомъ законномъ основаніи ухудшило. Въ отвѣтахъ въ первую очередь говорится о крестьянскихъ надѣлахъ. Бакинскій губ. ген. лейт. Колюбакинъ въ своихъ отвѣтахъ, отъ 18 февраля 1861 г., далъ очень подробную характеристику. По наблюденіямъ Колюбакина, Положеніе 28 декабря 1847 г. совершенно не коснулось существовавшихъ поселянскихъ надѣловъ, поселяне пользовались, какъ до, такъ и послѣ изданія Положенія меньшими противъ Положенія пропорціями. „Причина такого безсилія законоположенія, по мнѣнію Колюбакина, объясняется отчасти историческимъ ходомъ этого вопроса и обычаями, по которымъ бекъ признавался только пожизненнымъ арендаторомъ, лишеннымъ права вмѣшиваться въ поземельное устройство поселянъ, отчасти недостаткомъ земли въ бекскихъ имѣніяхъ, и, наконецъ, корыстными видами бековъ вліятельныхъ, которые, отказывая поселянамъ въ надѣлѣ узаконенномъ, отдавали излишекъ съ половины постороннимъ лицамъ“. „Самою важною причиною должно считать то, что Положеніе не переведено на языкъ понятный народу и до сего времени во многихъ мѣстахъ остается чуждымъ ему“, на это обстоятельство указывалось мѣстными администраторами неоднократно.

Тифлисскій уѣздный начальникъ кн. Тумановъ давалъ отзывъ о Борчалинскомъ и Сартачальскомъ участкахъ; казенные крестьяне этихъ участковъ, жившіе на земляхъ принадлежащихъ агаларамъ и шулаверскимъ меликамъ были оставлены при томъ количествѣ земли и тѣхъ же участкахъ, какими пользовались до изданія Положенія 28 дек. 1847 г., за немногими исключеніями, а кое-гдѣ даже произошло сокращеніе надѣловъ.

Положеніе 1847 г. не коснулось одного изъ важнѣйшихъ статей жизни поселянъ; хорошо было то, что беки въ надѣлы крестьянскіе не вмѣшивались и распредѣленіе земли подъ разными угодіями всецѣло было предоставлено поселянамъ. Для жителей мусульманскихъ провинцій населенныхъ по преимѣществу скотоводами особенно большое значеніе, имѣли лѣтнія и зимнія пастбища (кишляги и эйляги), которыя въ составъ крестьянскаго надѣла не включались и ими поселяне пользовались наравнѣ съ другими по особымъ договорамъ, а въ Тифлисской губ., Борчалинскомъ и Сартачальскомъ уч., когда не было зимнихъ и лѣтнихъ пастбищъ, пользовались ими въ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ на общихъ основаніяхъ.

Въ Бакинской губ. крестьянскіе надѣлы ограничивались предѣлами одного имѣнія, если поселяне брали земли въ другихъ имѣніяхъ, то за это платили особо. Въ той же губерніи усадебныя земли нигдѣ не отдѣлялись отъ общаго надѣла и никакихъ по нимъ повинностей и особыхъ отношеній между беками и поселянами не существовало; въ Ленкоранскомъ у. дворовые, принадлежащіе къ усадьбамъ давали доходы бекамъ, воздѣлывая чалтыкъ. Крестьянскій надѣлъ въ среднемъ выразился въ 5 д на д., при 3 д. въ дымѣ, въ среднемъ 15 дес., въ составъ этого количества входили: усадебная земля, огородъ, садъ.

Другой большой вопросъ, непосредственно связанный съ земельными надѣлами повинности за нихъ. Поселяне уплачивали повинность, именуемую *малджегатъ*, равную $^1/_{10}$ съ хлѣбныхъ произведеній, которая обыкновенно натурою и отбывалась, рѣдко она замѣнялась деньгами; когда поселяне не доставляли въ срокъ опредѣленныхъ повинностей, то въ такихъ случаяхъ переводъ на деньги совершался съ

обоюднаго согласія; одну десятую уплачивали и съ тутовыхъ садовъ; въ отношеніи виноградныхъ садовъ заключались особыя условія между беками и поселянами и за нихъ повинности вносились деньгами. Но при опредѣленіи $^1/_{10}$ части происходили придирки, злоупотребленія, поэтому въ большей части имѣній обычай утвердилъ сборъ зерномъ одной десятой части, по взаимному соглашенію для урожайнаго и неурожайнаго года. Въ Ленкоранскомъ у., въ имѣніи Талышханова, гдѣ воздѣлывался чалтыкъ, который мало подвергается колебаніямъ въ урожайности, малджегатъ опредѣленъ разъ на всегда $^1/_{10}$, и взыскивался въ такомъ размѣрѣ при всякомъ урожаѣ. Доставка малджегата производилась поселянами, если разстояніе для доставки не превышало 50 в. Повинность малджегатъ предпочтительнѣе отбывалась натурой потому, что несложное поселянское хозяйство не обладало деньгами. Иногда эта повинность переводилась на деньги, опытъ приблизительнаго подсчета произведенъ въ запискѣ ст. с. Горбунова, по приказанію начальника Главнаго Управленія, отъ 12 окт. 1868 г. Принимая надѣлъ въ 15 дес. на дымъ изъ 3 д., Горбуновъ производитъ разсчетъ при урожаѣ самъ 6 и при посѣвѣ лишь на половинномъ надѣлѣ т. е. на $7^1/_2$ д., при такихъ условіяхъ предполагается урожай въ 45 четв. хл., на долю малджегата придется $4^1/_2$ чт., при стоимости четверти 3 р., повинность съ одного крестьянскаго дыма приблизительно составитъ 13 р. 50 к.

Поселяне, кромѣ отбыванія натуральной повинности, отбывали повинность доставкой прислуги, которая была замѣнена деньгами и взыскивалось по 30 р. съ каждыхъ 15 дымовъ, или по 2 р. съ дыма; по исчисленію Горбунова, доходъ съ прислуги агалара, составлялъ 19 р. 90 к., такъ какъ агаларъ содержалъ, платилъ повиности за прислугу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ повинность сохранилась, въ прислугу отдавали крестьянъ, которые своего хозяйства не имѣли, обыкновенно одинокихъ, сиротъ[1]). Поселяне отбывали на агаларскихъ земляхъ повинность рабочими днями, она вы-

---

[1]) Женская рабочая прислуга была уничтожена распоряженіемъ высшаго начальства.

полнялась въ размѣрѣ, установленномъ Положеніемъ 19 февр. и никакого отношенія къ количеству надѣла не имѣла. При разсчетѣ на деньги это составляло: одинъ рабочій съ дыма со скотомъ и земледѣльческими орудіями въ теченіе 8 дней въ году по 50 к. въ день = 4 р. Рабочіе дни почти вездѣ въ губерніи были замѣнены денежными взносами, каждый рабочій день оцѣнивался въ 20 к.; но цѣна рабочаго, смотря по времени года, въ Шемахинскомъ у. оцѣнивался даже отъ 40 к. до 1 р., въ Ленкоранскомъ и Кубинскомъ въ среднемъ —20 к., Геокчайскомъ—40—80 к., Джеватскомъ—25 к.; кое-гдѣ въ Ленкоранскомъ у. повинность эта отбывалась и натурой, въ Шемахинскомъ у. въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ размѣръ рабочихъ денегъ опредѣлялся по взаимному соглашенію; эврезная повинность рѣдко взималась натурой, она была обращена въ деньги и присоединена къ рабочимъ днямъ, такимъ образомъ, беки получали за 20 дней по 4 р. съ дыма. Но къ этимъ повинностямъ прибавлялись и другія, какъ то: исправленіе дорогъ, мостовъ, канавъ, правда, эти обязанности возлагались на цѣлыя сельскія общества, однако, онѣ требовали труда; опредѣленію онѣ почти не поддаются, въ виду чрезмѣрной измѣнчивости; тѣмъ болѣе эта повинность была тяжела, что беки въ нихъ не несли никакихъ расходовъ. Поселяне и беки уже вмѣстѣ несли очень важную повинность, которая для поселянъ увеличивала повиностное бремя вообще, это плата *джавару*, надзирателю и распредѣлителю воды въ оросительныхъ водопроводныхъ канавахъ, безъ которыхъ при высокой лѣтней температурѣ не представляется возможнымъ земледѣльческая культура; джаваръ избирался изъ среды самихъ же поселянъ; въ Джаватскомъ у. джаваръ назначался беками, получалъ, по усмотрѣнію ихъ, подарки. Плата джавару полагалась отъ сохи 3-4 батмана (2 п.) пшеницы, съ огорода 30 —60 коп., съ мѣстъ, гдѣ занимались разведеніемъ тутовыхъ садовъ, чалтыка, съ посѣва по 20—40 пуд. чалтыка; за поливку садовъ ничего не взималось, таковъ былъ обычай въ Геокчайскомъ, Шемахинскомъ у., въ Джеватскомъ просто платили 20 часть съ урожая; Ленкоранскомъ — 90 коп. съ дыма, если перевести на деньги получаемое натурою вознагражденіе.

Повинности обычно выполнялись подъ отвѣтственностью каждаго дыма въ отдѣльности, безразлично какой способъ пользованія землей ни былъ, общинный или подымный.

Многіе бекскіе поселяне занимались скотоводствомъ въ большомъ размѣрѣ; они обыкновенно откупали у казны пастбища въ Шемахинскомъ и Геокчайскомъ уу.; въ Ленкоранскомъ они платили, наравнѣ съ посторонними лицами, особый сборъ *чопбаши* по одной коп. съ головы барана и 5—10 коп. за лошадь или голову крупнаго рогатаго скота; въ Джеватскомъ у. откупали у бековъ зимнія пастбища за 20—30 р., смотря по состоянію пастбищъ; въ Шемахинскомъ, Геокчайскомъ, Ленкоранскомъ уу. кочевого скотоводческаго населенія, проживающаго на земляхъ, бековъ не было; въ Джеватскомъ у. кочевники платили по 4 р. съ дыма за свой пастбищный участокъ, если наниматели занимались скотоводствомъ въ большомъ размѣрѣ, то въ такихъ случаяхъ пастбища нанимались на условіяхъ, на какихъ обыкновенно снимались участки посторонними лицами.

Поселяне на земляхъ владѣльцевъ не представляли какой-нибудь неподвижной массы, наоборотъ, они переселялись съ бекскихъ земель на казенныя, правда такіе случаи бывали единичными; обычно при переселеніи сады и усадьбы продавались односельцамъ или постороннимъ съ обязательствомъ платить бекамъ установленный доходъ, въ однихъ мѣстахъ земля поступала въ распоряженіе общества, въ другихъ, какъ въ Ленкоранскомъ у.—бека.

Въ Геокчайскомъ у. былъ единственный примѣръ въ губерніи выкупа двумя деревнями садовъ отъ помѣщиковъ, по взаимному соглашенію, по установленнымъ цѣнамъ, безъ вмѣшательства властей. Высшая цѣна за садовый надѣлъ равнялась 200 р., низшая доходила до 30 р.

Если мы обратимся къ вопросу о томъ, какими землями и угодіями владѣли крестьяне, то, по не совсѣмъ обильнымъ даннымъ, получимъ слѣдующее: всѣхъ бекскихъ имѣній въ Бакинской губ. было 206, владѣльцевъ ихъ 166, а соучастниковъ 226.

Поселяне, имѣющіе одну только усадебную осѣдлость были въ Шемахинскомъ и Ленкоранскомъ у., но совершенно не встрѣчалось такихъ, которые имѣли жилую осѣдлость въ

бекскихъ имѣніяхъ. Въ Шемахинскомъ у., владѣвшіе усадебной осѣдлостью, дѣлились на коренныхъ и пришельцевъ; коренные платили только за рабочіе дни и не участвовали въ отбываніи другихъ повинностей, вторые, т. е. пришельцы, избравшіе только усадебную осѣдлость, уплачивали отъ 20 до 60 к. въ годъ, эти поселяне находились почти во всѣхъ деревняхъ, занимались разными ремеслами, нанимались батраками; весьма затруднительнымъ оказалось для мѣстной администраціи указать районъ, гдѣ такіе поселяне встрѣчались и гдѣ ихъ не было; названные поселенцы ничего, кромѣ усадебной осѣдлости, не имѣли, такъ въ Себидажскомъ и Ленкоранскомъ уч. ихъ насчитывалось до 238 чел., поселяне преимущественно нанимались пастухами и присматривали за бекскимъ скотомъ, за что никакого вознагражденія не получали; нѣкоторые изъ нихъ имѣли свой скотъ, и за пастьбу скота платили по особому условію, изъ числа такихъ, имѣющіе усадебную только осѣдлость, занимались пчеловодствомъ изъ половины у помѣщиковъ.

За то въ Геокчайскомъ, Кубинскомъ, Джеватскомъ у. всѣ поселяне были надѣлены пашней, и совершенно не встрѣчалось такихъ, которые имѣли одну только усадебную осѣдлость.

Что же касается бековъ, то въ многоземельныхъ и крупныхъ имѣніяхъ они заводили собственное хозяйство, размѣръ такихъ хозяйствъ ни обычаемъ, ни закономъ опредѣленъ не былъ, ограниченіе только касалось того, что собственнаго хозяйства бекъ не могъ увеличивать за счетъ крестьянскихъ надѣловъ; малоземельные беки не имѣли собственныхъ участковъ, хозяйствомъ, конечно, не занимались и довольствовались тѣмъ, что поступало отъ поселянъ въ качествѣ повинностей; впрочемъ, немногіе изъ нихъ пользовались маленькими участками изъ крестьянскаго надѣла, пользовались ими наравнѣ съ крестьянами, какъ въ Кубинскомъ, такъ и Шемахинскомъ уу.

Въ Бакинской губ. подъ крестьянской усадебной осѣдлостью подразумѣвались всѣ хозяйственныя и жилыя постройки съ огородами и садами при нихъ; въ одной части Шемахинскаго у., занимающей гористую мѣстность, усадьбы состояли изъ однихъ жилыхъ построекъ, сгруппированныхъ

въ одномъ мѣстѣ; хозяйственныя обзаведенія: скотные дворы —*ягйлъ*, буйлятники, гумна—*харманъ*, конюшни—*тавла*, устраивались иной разъ поблизости пахотныхъ полей, другой—въ значительномъ разстояніи отъ жилыхъ построекъ. Правильно устроенныхъ выгоновъ не было, скотъ пасли на поляхъ свободныхъ отъ распашекъ и неудобныхъ для культуры. На низменности Шемахинскаго, а равно Геокчайскаго у., всѣ жилыя и хозяйственныя строенія, сараи для выводки шелковичныхъ червей устраивались въ оградѣ тутовыхъ садовъ, здѣсь же и огороды для домашняго обихода. Въ Джеватскомъ участкѣ усадьбы заключали хозяйственныя строенія, иногда фруктовые и тутовые сады; въ Кубинскомъ у. усадьбы были при деревнѣ и состояли изъ жилыхъ и нѣкоторыхъ хозяйственныхъ построекъ. Многіе поселяне располагались отдѣльными участками, подъ названіемъ *казмаляръ*, куда переходило на зиму отъ 2 до 30 семействъ, смотря по пространству, на казмалярахъ устраивались гумна, скотные дворы, жилыя постройки; одна и та же деревня такіе казмаляры устраивала въ разныхъ мѣстахъ; въ Ленкоранскомъ у. къ усадьбамъ, кромѣ хозяйственныхъ построекъ, примыкали маленькіе дворики, гдѣ иногда воздѣлывался чалтыкъ.

Крестьянское населеніе занималось скотоводствомъ или земледѣльческой культурой; фабрикъ и заводовъ не устраивали, промышленностью не занимались. Устроенныя поселянами мельницы бекамъ доходовъ не давали, равно ничего не взымалось въ пользу бека съ крестьянскихъ лавокъ; пчельники изъ небольшого числа ульевъ расположенные при дворахъ, огороды для домашнихъ потребностей, входящіе въ составъ усадьбы, также не облагались повинностями въ пользу владѣльцевъ. Бостаны обычно воздѣлывались или на поляхъ крестьянскаго надѣла, или на особыхъ участкахъ, составляющихъ собственность бековъ, въ обоихъ случаяхъ въ пользу бековъ поступала 1/10 урожая; бостаны обрабатывали немногіе изъ поселянъ, и не имѣли особаго значенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, пчеловодство не составляло отдѣльной отрасли занятій; занимались имъ въ ограниченномъ количествѣ.

Пространство, занимаемое крестьянской усадьбой, зависѣло отъ мѣстныхъ условій и средствъ, но приблизительно,

въ хлѣбопахатныхъ мѣстностяхъ усадьба составляла $^1/_4$ дес.; въ долинѣ отъ $^1/_2$ до 1 дес.; усадебная земля продавалась отдѣльно отъ хозяйственныхъ построекъ только въ Шемахинскомъ у., въ нагорной хлѣбопахатной части и стоила отъ 15 до 60 р. половина десятины; по срединѣ деревни дороже; дальше отъ центра дешевле. Въ Ленкоранскомъ у.—20 р.; въ Геокчайскомъ у. усадьба продавалась обыкновенно вмѣстѣ съ жилыми и хозяйственными постройками и садами, оцѣнивалась до 100 р., даже до 200 р., смотря по величинѣ садовъ и построекъ; то же самое наблюдалось въ Джеватскомъ у.; въ Кубинскомъ у. примѣровъ продажи усадебъ не было.

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ встрѣчались тутовые, виноградные, фруктовые сады. Виноградные сады, какъ особенная отрасль хозяйства, находились въ двухъ бекскихъ деревняхъ Шемахинскаго у., въ нѣкоторыхъ деревняхъ Ленкоранскаго и Джеватскаго у. За то шелковичные сады были въ Геокчайскомъ у. во всѣхъ бекскихъ имѣніяхъ, за исключеніемъ двухъ деревень, въ низменной части Шемахинскаго у., Кубинскомъ—въ Мюшкурѣ и Шабрани, Ленкоранскомъ въ Астаринскомъ, Арасванскомъ магалѣ, въ Джеватскомъ—такихъ садовъ вовсе не было. Изъ садовыхъ разведеній доходными являлись только шелковичныя; въ значительной части только съ фруктовыхъ садовъ никакая повинность не взималась; стоимость садовъ по характеру насажденія, качеству почвы была различна: такъ въ Шемахинскомъ у. въ сел. Матрасахъ земля подъ виноградникъ стоила дес. 50 р., въ Ленкоранскомъ—подъ виноградные и другіе сады—20 р. дес., подъ тутовые—около 25 р., въ Кубинскомъ у. подъ фруктовые сады, въ Шишпаринскомъ магалѣ отъ 25 до 30 р. за дес., Мюшкурѣ—до 50 р., въ Геокчайскомъ у. до 30 р. Орѣховыя и др. фруктовыя деревья посреди пашенъ рѣдко встрѣчались, пользовались ими безвозмездно.

Подымное обезпеченіе поселянъ въ Бакинской губ. было разнообразно; по приблизительнымъ исчисленіямъ на дымъ въ Шемахинскомъ у. наименьшій размѣръ надѣла составлялъ 5 дес., наивысшій—25 дес., въ нагорной мѣстности; въ Кубинскомъ высшая норма 20 дес., низшая 5—7 дес.; Геокчайскомъ у. 5 и 20 дес.; въ Ленкоранскомъ у. въ среднемъ

надѣлъ не превосходилъ 7 дес., въ Джеватскомъ у. распахивали не болѣе 3—5 дес. Сѣнокосныя мѣста входили въ общій надѣлъ.

Способъ пользованія надѣльными землями, кромѣ Ленкоранскаго у., гдѣ господствовало участковое владѣніе, не имѣлъ опредѣленнаго характера. Со времени введенія сельскихъ учрежденій—стало проявляться тяготѣніе къ новому порядку, общинному пользованію, но не выяснено привились ли и общинные передѣлы; исторически господствовало личное владѣніе; сельское общество распоряжалось надѣлами безъ участія бековъ, участки выбывшихъ или вымершихъ семей поступали въ распоряженіе общества. Относительно того, насколько въ Бакинской губ. дѣйствительно общинное пользованіе вытѣснилось или укрѣпилось, взамѣнъ личнаго, точныхъ данныхъ нѣтъ, показанія же мѣстныхъ администраторовъ нѣсколько сбивчивы и не точны; но типичное общинное землевладѣніе, повидимому, не создалось; такъ повинности во многихъ мѣстахъ уплачивались отдѣльно дымомъ; въ Ленкоранскомъ у. царило участковое пользованіе, надѣлъ, полученный дымомъ, оставался навсегда въ его пользованіи, участки выбывшихъ членовъ возвращались беку.

Такъ какъ въ Бакинской губ. безъ спеціальныхъ оросительныхъ канавъ было немыслимо занятіе сельско-хозяйственной культурой, то особенное вниманіе обращалось на ихъ устройство; эти канавы вездѣ устраивались и поддерживались трудами поселянъ, ими пользовались одинаково какъ поселяне, такъ и беки, по очереди. Въ Ленкоранскомъ у., кромѣ канавъ, были устроены особыя водохранилища, *истлъ*, составлявшія собственность поселянъ; за распредѣленіемъ воды слѣдили *объяры*, которые въ назначенное время должны были дать каждому поселянину опредѣленное количество воды; въ Кубинскомъ у. такъ распредѣляли воду: поселяне деревни дѣлились на партіи по числу плуговъ; на плугъ полагалось пользованіе въ теченіи 3-хъ сутокъ, потомъ по жребію опредѣлялась очередь пользованія.

Что касается лѣсного пользованія, то въ Шемахинскомъ, Геокчайскомъ у. бекскихъ лѣсовъ не было и вопроса о ихъ пользованіи не могло быть; казенными лѣсами пользовались на общемъ основаніи, въ Ленкоранскомъ и Кубинскомъ у.,

гдѣ бекскіе лѣса были, поселяне пользовались ими безвозмездно.

Остается сказать еще о стоимости земли въ Бакинской губ. Свѣдѣнія по этому предмету у насъ неполныя и потому не вполнѣ точныя.

Въ Шемахинскомъ у., въ нагорной хлѣбопахатной мѣстности, земля на *тагаръ* посѣва стоила отъ 10 до 15 р., смотря по густотѣ населенія, на низменности, значительно болотистой отъ 5 до 7 р. дес., наемная плата или оброчная не превышала $^1/_4$ части урожая, *черектарь*. Урожай въ нагорной мѣстности въ среднемъ составлялъ самъ 5, обработка десятины обходилась 9 р. Валовой доходъ десятины: посѣвъ сѣмянъ на 1 дес. 12 п., при урожаѣ самъ 5 = 60 п. × 40 к. = 24 р.

Въ Геокчайскомъ у. цѣна дес. 20—25 р., наемная плата 1 р. 50 коп., доходъ съ десятины чалтыка 19 п., пшеницы 16 п.

Въ Джеватскомъ у.—цѣна дес. 15—20 р., наемная плата 2 р. 50—3 р., обработка дес. по найму 6—6 р. 50 к., урожай самъ 5, валовой доходъ съ дес. до 47 п. = 15 р. 50 к.

Въ Кубинскомъ у. — цѣна дес. 30 р., поливной, пахатной, наемная плата 2 р., обработка 12 р. 50 к., урожай 54 п. = 16 р. 20 к.

Въ Ленкоранскомъ у. цѣна дес. 25—60 р., наемная 6 р., обработка до 15 р., средній валовой доходъ съ чалтыка 26 р.

О надѣлѣ поселянъ землею.

15 сент. 1869 г. Проектъ основныхъ началъ для поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на бекскихъ и агаларскихъ земляхъ былъ законченъ, отпечатанъ въ количествѣ 30 экземпляровъ *негласно*. Согласно проекту государственные поселяне, водворенные на земляхъ бековъ и агаларовъ сохраняютъ право на земельное надѣленіе въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они были водворены, согласно Положенію 20 апр. и 28 дек. 1847 г., на этомъ основаніи въ постоянномъ пользованіи поселянъ оставляются: усадебная ихъ осѣдлость, виноградные, фруктовые и тутовые сады, пахатныя и сѣнокосныя земли и пастбища, которыми каждый поселянскій дымъ пользовался до изданія новаго Положенія; опредѣленіе размѣра земель-

наго надѣла поселянскаго предоставляется преимущественно добровольному соглашенію между землевладѣльцами и поселянами; какъ по бекскимъ, такъ и по агаларскимъ имѣніямъ, поселяне имѣютъ право на надѣлъ въ количествѣ не менѣе 5 дес. на д. м. п., принимая во вниманіе молодыхъ людей съ 15 л.; если у поселянъ въ пользованіи окажется болѣе 5 дес. на д., то проектъ не возбраняетъ сохраненія за ними излишка, но въ то же время не дѣлаетъ этого и обязательнымъ; но если у поселянъ окажется болѣе 5 дес. на д. м., а у владѣльцевъ менѣе 1/3 всего количества угодій въ томъ имѣніи, гдѣ водворены поселяне, то владѣлецъ въ такомъ случаѣ имѣетъ право требовать отрѣзокъ отъ излишка столько, чтобы въ общей сложности въ распоряженіе владѣльца осталось не менѣе 1/3 всего имѣнія; поселянскіе сады при этомъ „ни въ какомъ случаѣ отрѣзкѣ не подлежатъ".

Съ другой стороны, если у поселянина оказалось бы менѣе 5 дес. на д. м. п., то проектъ ему предоставилъ право требовать отъ владѣльца прирѣзки до недостающей пропорціи, хотя требованіе для владѣльца обязательно не было, если при исполненіи его у него оставалось не болѣе 1/3 всей удобной земли въ томъ имѣніи, считая и землю, занятую подъ усадебную осѣдлость, сады, пахать и пр. Если отрѣзка земли отъ поселянскаго надѣла окажется неизбѣжной, то крестьяне получаютъ „преимущественное право избрать участки подлежащіе отрѣзкѣ", наоборотъ, при прирѣзкѣ поселянамъ земли избраніе участка есть дѣло обоюднаго соглашенія, при отсутствіи такового по распоряженію правительственныхъ чиновъ; прирѣзываемыя земли должны быть годны для хлѣбопашества, огородничества, скотоводства и по возможности въ смежности съ поселянскимъ надѣломъ. Крестьянскія усадьбы, гдѣ бы онѣ не находились, остаются за поселянами. Если усадьбы внѣ черты надѣла и разбросаны на большомъ пространствѣ, то землевладѣлецъ вправѣ требовать ихъ сгруппированія или соединенія; при перенесеніи усадьбы владѣлецъ вознаграждаетъ за понесенные расходы. Для помѣщика не обязательно настаивать на томъ, чтобы поселянинъ принялъ надѣлъ, равно и поселянинъ вправѣ отказаться отъ надѣла. Надѣленіе крестьянъ подымное. Всѣ эти

правила не относятся къ тѣмъ крестьянамъ, которые живутъ на земляхъ бековъ и агаларовъ на основаніи особо заключенныхъ формальныхъ условій.

Поселянскія повинности.

За пользованіе землей поселяне уплачиваютъ повинности земными произведеніями *малджегатъ*, который „сохраняется впредь до времени по обоюдному согласію поселянъ и владѣльцевъ земли“, если при этомъ крестьяне изъявятъ желаніе замѣнить натуральныя повинности денежными, то владѣлецъ отказаться не можетъ. Размѣръ денежной повинности, замѣняющей малджегатъ, опредѣляется по взаимному соглашенію сторонъ, если соглашеніе не можетъ состояться, то при участіи правительственнаго агента, исполняющаго обязанности Мирового Посредника, по особой оцѣнкѣ. Малджегатъ сохраняется на 9 л. со дня утвержденія Положенія, по истеченіи которыхъ обязательно перелагается на деньги. Личныя повинности, отбываемыя крестьянами: прислуга, рабочіе дни, эврезъ немедленно переводятся на деньги и отбываются такимъ способомъ. При опредѣленіи денежной цѣнности прислуги должны исходить изъ слѣдующаго: 1) прислуга выставляется по одной душѣ, въ бекскихъ имѣніяхъ, м. п., съ каждыхъ 10 женщинъ, съ 15 поселянскихъ семействъ, въ агаларскихъ то же съ 15 семействъ, 2) выставка прислуги обязательна только по требованію владѣльца, но не безусловно, 3) владѣлецъ обязанъ кормить и одѣвать прислугу, 4) отъ семействъ, дающихъ прислугу владѣльцы не пользуются никакими другими повинностями, 5) казенныя подати и повинности платятъ владѣльцы. Оцѣнка же рабочихъ дней и эвреза дѣлается по соображенію съ дѣйствующими постановленіями, а именно въ бекскихъ имѣніяхъ за каждый рабочій день взимается не свыше 20 к., агаларскихъ не свыше 10 к.

О поселянскихъ переселеніяхъ.

Проектъ сохраняетъ за каждымъ поселянскимъ дымомъ принадлежащее ему право переселенія, согласно дѣйствующему Положенію для поселянъ, живущихъ на бек-

скихъ и агаларскихъ земляхъ, и съ соблюденіемъ правилъ при увольніи крестьянъ изъ одного общества въ другое. Переселяющимся дозволяется продавать свои усадьбы и сады односельцамъ или постороннимъ лицамъ изъ крестьянскаго сословія съ согласія общества. Если поселянскіе дымы пользуются менѣе 5 дес. на д. м. п. и если и дымъ и общество пожелаютъ, то могутъ оставить за собой участки уходящихъ, если на дымъ приходится болѣе 5 д., то участки переселяющихся поступаютъ въ распоряженіе владѣльца.

О выкупѣ поселянами угодій.

Проектъ допускаетъ выкупъ поселянскихъ надѣловъ либо поселянскимъ обществомъ, либо отдѣльнымъ поселянскимъ дымомъ, при согласіи поселянъ и владѣльцевъ, а также „при желаніи однихъ крестьянъ". Выкупная плата должна быть опредѣляема по обоюдному соглашенію или по капитализаціи всѣхъ повинностей за поселянскій надѣлъ, гдѣ онѣ переложены на деньги при умноженіи на 16 $^{2}/_{3}$, или по суммѣ оцѣнки малджегата съ прибавленіемъ капитализованной денежной повинности, замѣняющей личныя. Проектъ не исключаетъ возможности содѣйствія правительства при поселянскихъ выкупахъ, при условіи выкупа надѣла: 1) либо меньшаго, либо равнаго нормальному, 2) при существованіи малджегата, послѣ предварительнаго опредѣленія нормальной цѣнности каждой десятины.

О мѣстныхъ по поселянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.

Мѣстныя по поселянскимъ дѣламъ учрежденія замѣняются: Губернское Присутствіе—Губернскимъ Правленіемъ съ усиленіемъ состава, смотря по надобности однимъ или двумя спеціалистами членами; Мировые Посредники—назначенными въ распоряженіе губернатора въ извѣстномъ числѣ чиновниками, исполняющими обязанности Мировыхъ Посредниковъ и командируемыми поочередно по уѣздамъ.

Замѣчанія Бакинскаго губернатора ген.-лейт. Колюбакина на Проектъ Положенія.

По мнѣнію Колюбакина, отъ 16 мая 1869 г., проектъ, въ главныхъ чертахъ вполнѣ согласуется съ требованіями

и условіями крестьянскаго быта и примѣненіе основанія онаго къ дѣлу не только не вызоветъ затрудненія, но представляется обоюдно-выгоднымъ". Вопросъ объ отношеніи поселянъ къ владѣльцамъ, указываетъ Колюбакинъ, разрѣшается Положеніемъ 1847 г., теперь этотъ вопросъ достигъ той степени, когда „предметомъ законодательной мѣры долженъ быть выкупъ, этотъ послѣдній актъ для окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса въ мусульманскихъ провинціяхъ".

Но ген. Колюбакинъ, привѣтствуя проектъ въ цѣломъ, не одобряетъ нѣкоторыхъ основныхъ, имѣющихъ существенное значеніе, положеній; такъ обращеніе натуральной повинности въ денежную въ виду хозяйственнаго положенія края не признается имъ раціональнымъ и выгоднымъ для поселянъ; главнымъ основаніемъ для такого заключенія является указаніе, что экономическое и промышленное развитіе на такой степени, что „денежное хозяйство составляетъ исключеніе" и переложеніе натуральной повинности на денежную „показалось бы совершенно новизною и стѣснительной для народа". Между прочимъ мысль свою Колюбакинъ основываетъ на заявленіяхъ поселянъ; черезъ 9 л. переходнаго состоянія, кажется Колюбакину, трудно будетъ выполнять повинности деньгами: „я нахожу это продленіе тѣмъ болѣе лишнимъ, что черезъ 9 л. поселяне должны пріобрѣсти свою поземельную собственность цѣною того труда и жертвъ, какія имъ пришлось бы сдѣлать теперь, если бы прямо приступить къ освобожденію отъ всякой поземельной зависимости бековъ, тогда переходное время не прошло бы безъ слѣда для самостоятельности поземельной крестьянъ".

Колюбакинъ рѣшительно отстаиваетъ идею выкупа, онъ находитъ, что „предметомъ законодательной мѣры къ прекращенію поземельныхъ отношеній долженъ быть выкупъ". Но что должно явиться основаніемъ выкупа, земля или поселянскія повинности? Разсматривая съ исторической точки зрѣнія мусульманское право, Колюбакинъ дѣлаетъ заключеніе, что „земля не составляла собственности бековъ и что наслѣдственнаго права на имѣнія въ мусульманскомъ правѣ не существовало; поселяне не только не были прикрѣплены къ землѣ, но даже не имѣли тѣсной поземельной

зависимости отъ бековъ, все значеніе, вся сила послѣднихъ выражалась пользованіемъ съ поселянъ опредѣленнымъ доходомъ, извѣстными повинностями, строго ограниченными въ силу обычаевъ", беки только „пожизненные арендаторы", получающіе опредѣленную ренту, такимъ образомъ, „практика и жизнь поставили отношенія эти на такой почвѣ, что владѣлецъ не могъ касаться крестьянскаго надѣла, даже участки вымороченныхъ семействъ обращаются въ полное распоряженіе сельскихъ обществъ", въ силу такихъ своеобразныхъ условій владѣнія „выкупная операція должна имѣть въ основаніи своемъ *существующія повинности, а не цѣнность земли.* Земля здѣсь не можетъ быть оцѣнена способомъ, принятымъ въ Грузіи при освобожденіи крестьянъ по доходности; какого бы качества ни была земля, какъ бы велика не была цѣнность ея, установленныя повинности неизмѣнны и беки не могутъ ни увеличить, ни уменьшить получаемую ими ренту. Поэтому выкупная сумма за весь поземельный надѣлъ должна быть опредѣлена капитализаціею повинностей вносимыхъ, какъ натурою, такъ и личныя установленнымъ порядкомъ". Выкупъ земель должно произвести правительство при своемъ матеріальномъ содѣйствіи. „Въ мусульманскихъ провинціяхъ цѣлые вѣка прошли, не дотронувшись крестьянской земли и эта неприкосновенность внушила крестьянамъ убѣжденіе, что находящіяся въ ихъ пользованіи земля есть общественная или государственная, или казенная". Колюбакинъ очень открыто указываетъ, какихъ цѣлей домогалось русское правительство своими законоположеніями. Не считаясь съ консерватизмомъ воззрѣній мусульманъ на поземельную собственность, которыя воспитала въ нихъ исторія, рескриптомъ 6 дек. 1846 г. пытались уничтожить обычное воззрѣніе и понятія мусульманъ, „хотѣли внести въ народъ принципъ *поземельной собственности помѣщичьей*", но опытъ 20 л. показалъ неудачность затѣи и „при семъ стремленіи бековъ утвердить на новыхъ началахъ свои права, осталась нетронутой идея поземельной собственности въ томъ же положеніи, въ какомъ она находилась до опубликованія рескрипта", историческій консерватизмъ оказался сильнѣе, поэтому „выкупъ, совершенный казной,

имѣетъ на своей сторонѣ одно уже то громадное преимущество, что оно опирается на исторической почвѣ, согласуется съ складомъ понятій народа и никого не поразитъ новизной". Правительственный выкупъ будетъ имѣть то значеніе, что „крестьяне бекскіе и въ поземельномъ отношеніи поступаютъ въ общую массу государственныхъ крестьянъ и не будетъ въ этомъ сословіи той разнородности въ поземельномъ устройствѣ, которая неминуемо должна явиться при другомъ способѣ выкупа". Замѣчанія Колюбакина по вопросу о выкупѣ первая и единственно обоснованная точка зрѣнія, развитая очень рѣшительно, но выкупъ прежде всего касался поселянскихъ надѣловъ и этому вопросу Колюбакинъ посвящаетъ дѣльную и содержательную записку. „Существующіе надѣлы, говоритъ Колюбакинъ, какъ они ни разнообразны, смотря по мѣстности, вполнѣ отвѣчаютъ силамъ, средствамъ и потребностямъ хозяйства" практика установила для каждой деревни ту именно норму надѣла, которая сложилась, выработалась подъ вліяніемъ цѣлаго строя хозяйственнаго и экономическаго.

Колюбакинъ характеризуетъ съ хозяйственной стороны Бакинскую губ. Весь районъ дѣлитъ онъ на 1) нагорную часть, гдѣ господствуетъ переложное хлѣбопашество, съ паромъ, съ продолжительными, отъ свойства почвы, отъ количества земли, перелогами; эта полоса состояла въ пользованіи крестьянъ и подходитъ она по своимъ хозяйственнымъ условіямъ къ неполивной полосѣ Грузіи; здѣсь высшій размѣръ надѣла 10 дес.; 2) предгорная, частью поливная, частью неполивная и низменная, гдѣ вся земля поливается, здѣсь хлѣбопашество уже являлось занятіемъ побочнымъ, здѣсь были распространены болѣе цѣнныя культуры, главнымъ образомъ шелководство, далѣе разведеніе чалтыка. И въ этой полосѣ царила переложная система, съ той только разницей, что земли подъ хлѣбными растеніями оставлялись черезъ два года на третій подъ паромъ, подъ чалтыкомъ 3 и болѣе года.

Въ Бакинской губ., по складу хозяйства въ нагорной полосѣ 15 дес. „болѣе, нежели достаточны", утверждаетъ Колюбакинъ, ибо изъ нихъ подъ посѣвами ежегодно будетъ отъ 8 до 10 дес.; вспашка по урочному положенію требуетъ еже-

годно 24—30 дн. съ плугомъ, жатва—70 дн., а такую силу могло выставить только сильное хозяйство. Если допустить, что крестьянинъ будетъ обрабатывать только 5 дес. и тогда крестьянскій дымъ не можетъ располагать большимъ свободнымъ временемъ. Въ низменной, поливной полосѣ, 15 дес. надѣлъ весьма значителенъ и только самый сильный крестьянскій дымъ можетъ съ нимъ справиться. Рабочая пора поглощается уходомъ за шелковичными червями и воздѣлываніемъ чалтыка, а у земледѣльца въ этой полосѣ нѣтъ такого количества скота, чтобы обработать ежегодно подъ хлѣбъ 6—8 дес., изъ этого уже ясно вытекаетъ, по мнѣнію Колюбакина, что назначеніе въ обѣихъ полосахъ одинаковаго по размѣрамъ надѣла невозможно. Разнообразіе хозяйственныхъ условій вызвало разнообразіе надѣловъ, поэтому „казалось бы справедливымъ не трогать надѣловъ, какъ дѣло, которое уже укоренилось въ народномъ самосознаніи и только тогда касаться оныхъ, когда того потребуетъ настоятельная необходимость для обезпеченія поселянъ“.

II.

Проектъ поселянскаго Положенія въ Комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ.

Проектъ Положенія о поземельной реформѣ въ Бакинской губ. поступилъ для окончательнаго сужденія въ центральный Комитетъ объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника. Предсѣдательствовалъ начальникъ Главнаго Управленія А. П. Николаи, при членахъ: сенаторѣ т. с. Багратіонъ-Мухранскомъ, Старицкомъ, ген.-м. Астафьевѣ, д. с. с. Барановскомъ, Богдановѣ-Калинскомъ, Тумановѣ; въ засѣданіяхъ принимали участіе: Бакинскій военный губернаторъ, управляющій гражданской частью, ген.-л. Колюбакинъ, Тифлисскій губ. Орловскій, Елисаветпольскій — Булатовъ.

Задача комитета состояла въ пересмотрѣ взаимоотношеній владѣльцевъ и поселянъ, живущихъ на земляхъ бековъ и агаларовъ въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья. Засѣданія происходили 12, 13, 15, 16, 17 января, 10, 12, 14, 17, 19, 21, 22, 23, 24 ноября 1869 г.

Комитетъ на основаніи различныхъ справокъ и свѣдѣній пришелъ къ заключенію, что Положеніе 1847 г. „не соотвѣтствуетъ въ отношеніи полноты и опредѣлительности, которыя созданы изданными въ послѣднее время крестьянскими законоположеніями“ ни одному изъ нихъ; въ числѣ дефектовъ Комитетъ указываетъ на то, что въ Положеніи 1847 г. не указаны въ точности составныя части крестьянскаго надѣла, не указано отношеніе между отбываемыми за пользованіе земли работами и размѣромъ надѣла и т. п.

Комитетъ не пожелалъ ограничивать своей задачи и рѣшилъ изслѣдовать вообще отношеніе между поселянами и землевладѣльцами во всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края, а не на однихъ только агаларскихъ

земляхъ. Комитетъ того мнѣнія, что недостатки Положенія общаго характера должны были имѣть вездѣ одинаковыя послѣдствія и не только въ Бакинской губ., но и по имѣніямъ членовъ бывшихъ ханскихъ фамилій и бековъ Бакинской губ., и частью Елисаветпольской губ. Въ имѣніяхъ же владѣльцевъ Эриванской губ. и въ Ахалцихскомъ у., Тифлисской, такъ какъ въ нихъ не было введено особо для нихъ составленное Положеніе, примѣнительно къ Положенію 1847 г., то въ нихъ сохранилась сила ранѣе изданныхъ правилъ; но исполненіе ихъ вызывало безпрерывныя недоразумѣнія, требующія постоянныхъ разъясненій; напримѣръ, постоянно спорили о способѣ взиманія повинностей съ произведеній земли натурою, спорили о поселянскихъ переселеніяхъ. На основаніи этого Комитетъ призналъ нужнымъ разрѣшить основной вопросъ, не слѣдуетъ ли одновременно съ пересмотромъ положенія о взаимныхъ отношеніяхъ бековъ и агаларовъ и водворенныхъ на ихъ земляхъ поселянъ, подвергнуть пересмотру вообще положеніе о такихъ отношеніяхъ владѣльцевъ и поселянъ въ Бакинской губ. и частію въ Елисаветпольской, Эриванской и Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ. Принимая во вниманіе, что Положеніе, изданное для бековъ и поселянъ бывшихъ Шемахинской и Дербентской губ., т. е. Бакинской и части Елизаветпольской губ., однородны съ изданными для агаларовъ и поселянъ, какъ по существу, такъ и по послѣдствіямъ, какія они имѣли на практикѣ, что оба они основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ, изданы въ одно и то же время, оба получили неполное на дѣлѣ примѣненіе, что оба требуютъ согласованія съ крестьянскими законоположеніями, Комитетъ постановилъ одновременно пересмотрѣть всѣ положенія о поселянахъ, проживающихъ на земляхъ Высочайше пожалованныхъ, либо утвержденныхъ за лицами высшаго сословія, за лицами мусульманскаго сословія и издать общее для всѣхъ положеніе.

Комитетъ вспомнилъ, что повелѣніемъ 26 ноября 1861 г. указаны основанія пересмотра о взаимоотношеніяхъ поселянъ и владѣльцевъ въ мусульманскихъ провинціяхъ, а именно: общія крестьянскія законоположенія; Комитетъ не встрѣчаетъ затрудненія для ихъ выполненія, потому что

отношенія между владѣльцами и поселянами, по мнѣнію Комитета, основаны на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ построены вообще крестьянскія законоположенія, „съ одной стороны, на началѣ обязательнаго надѣла крестьянъ въ постоянное пользованіе земли въ извѣстной пропорціи и за извѣстныя повинности въ пользу землевладѣльца, съ другой — на правѣ собственности сего послѣдняго на землю, отводимую въ надѣлъ крестьянамъ“, слѣдовательно, сохранивъ и въ данной реформѣ неизмѣнными и неуменьшенными тѣ выгоды, которыя предоставляются закономъ сторонамъ, Комитетъ находитъ только нужнымъ установить подробности, „касающіяся предѣловъ и порядка пользованія тѣми правами и тѣми выгодами, согласовавъ ихъ, какъ съ существовавшими донынѣ мѣстными постановленіями, такъ и съ общими крестьянскими законоположеніями“.

Одновременно съ этимъ Комитетъ остановился и на изысканіи средствъ для проведенія въ жизнь Положенія, такъ какъ „одно улучшеніе постановленій не можетъ обезпечить успѣхъ дѣла, если введеніе оныхъ въ дѣйствіе не будетъ поручено истолкователямъ, спеціально съ дѣломъ знакомымъ“, а для этой цѣли признаются нужными „такіе же самостоятельные и спеціальные органы, какіе назначались всюду, гдѣ вводились новыя крестьянскія положенія. Необходимость особыхъ крестьянскихъ учрежденій мотивируется: 1) значительностью круга дѣйствій по утвержденію крестьянскихъ надѣловъ, которые по мѣстнымъ условіямъ не могутъ подлежать прирѣзкамъ и отрѣзкамъ, 2) невозможностью „предоставить составленіе уставныхъ грамотъ заботливости мѣстныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ они, по извѣстной недостаточности ихъ знаній и подготовки, должны оказаться къ такой работѣ несостоятельными“. На этихъ основаніяхъ Комитетъ въ январѣ 1869 г. при участіи Тифлисскаго, Бакинскаго, Елисаветпольскаго губернаторовъ обсудилъ проектъ для окончательнаго поземельнаго устройства крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія и меликовъ изъ армянъ. Вслѣдъ за тѣмъ проектъ былъ переданъ для обсужденія начальникамъ губерній и имъ же предложено было доставить возможно подробныя данныя „о практическихъ удобствахъ и

неудобствахъ нынѣ дѣйствующихъ отношеній между владѣльцами и крестьянами“. Послѣ этого Комитетъ въ томъ же составѣ изготовилъ два проекта: 1) проектъ одного общаго положенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ губерніяхъ Елизаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлисской и 2) проектъ правилъ о мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ въ этихъ губерніяхъ.

Комитетъ оговаривается, что хотя въ Высочайше утвержденномъ журналѣ, отъ 8 іюня 1851 г., поименованы тіулисты и мюлькодары въ Эриванской губ., тѣмъ не менѣе Комитетъ въ свой окончательный проектъ ихъ не внесъ, такъ какъ они „не означаютъ различій сословныхъ, а выражаютъ лишь условія владѣнія, либо пользованія“. Мюлькъ, утверждаетъ Комитетъ, — имѣніе съ правомъ получать отъ крестьянъ въ нихъ поселенныхъ доходъ земными произведеніями въ размѣрѣ $^4/_{30}$, а съ огородовъ и садовъ, особые денежные взносы, владѣльцы, названы мюлькодарами, несмотря на то, къ какому они сословію не принадлежали; тіулъ—не право владѣнія, а право на подати и повинности.

Этимъ правомъ пользуются пожизненно, въ исключительныхъ случаяхъ наслѣдственно.

Комитетъ обратилъ вниманіе на то, что ему придется заняться разсмотрѣніемъ правъ и отношеній между кочующими куртинами, ихъ радоначальниками и старшинами. Лица эти, имѣя права и обязанности, свойственныя полицейскому надзору и получая отъ управляемыхъ ими куртинъ по 4 р. съ дыма въ годъ, не могутъ быть, по мнѣнію Комитета, включены въ положеніе, такъ какъ такое включеніе имѣло бы своимъ послѣдствіемъ укрѣпленіе временнаго и условнаго права. Поэтому поземельному устройству должны быть подчинены только тѣ поселяне, которые водворены на земляхъ пожалованныхъ и утвержденныхъ за лицами высшаго мусульманскаго сословія, а равно меликами изъ армянъ, если даже земли эти перешли во владѣніе лицъ, не принадлежащихъ къ тѣмъ сословіямъ, но имѣющихъ по закону право на владѣніе населенными имѣніями; въ такомъ случаѣ положеніе не должно распространиться на поселянъ, 1) живущихъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго

сословія, на основаніи добровольныхъ соглашеній, заключенныхъ съ владѣльцами земель, они и впредь должны оставаться къ владѣльцамъ въ отношеніяхъ, обусловленныхъ соглашеніемъ, 2) крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ, находящихся во владѣніи лицъ, не принадлежащихъ къ высшему сословію или къ сословіямъ, имѣющимъ по закону право владѣть населенными имѣніями, такія имѣнія встрѣчались въ числѣ мюлькодарскихъ имѣній въ Эриванской губ., всего 101 и въ числѣ бекскихъ имѣній Ахалцихскаго у., Тифлисской губ., всего. 58. Такими лицами было пріобрѣтено немалое число имѣній по присоединеніе этихъ провинцій къ Россіи. Положеніе не распространялось на владѣльцевъ, пріобрѣвшихъ населенныя земли по законно—совершеннымъ актамъ по присоединеніи ихъ къ Россіи. Комитетъ считаетъ, что „посягательство на право владѣнія было бы и неудобно и несправедливо,“ но съ другой стороны, Комитетъ полагаетъ, что предоставленіе такимъ владѣльцамъ правъ, которыя дарованы монархомъ высшему сословію въ мусульманскихъ частяхъ провинцій, въ цѣляхъ обезпеченія сословія не имѣетъ законнаго основанія. Поэтому Комитетъ пришелъ къ выводу, что вопросъ объ отношеніи крестьянъ, живущихъ на земляхъ, принадлежащихъ лицамъ не принадлежащимъ къ высшему сословію или не пріобрѣвшимъ правъ дворянства должно быть подвергнуто особому разсмотрѣнію по изданіи общаго Положенія.

О поселянскомъ надѣлѣ и пользованіи поселянами угодіями.

Въ своихъ сужденіяхъ по разнымъ предметамъ поселянской реформы Комитетъ постоянно исходилъ изъ положеній предшествующихъ узаконеній, по преимуществу рескрипта 1846 г.; принимая во вниманіе, съ одной стороны этотъ рескриптъ, съ другой — позднѣйшія узаконенія, которыми „освящены начала собственности“, въ рѣшеніи вопроса о размѣрахъ крестьянскаго надѣленія Комитетъ пользуется положеніемъ 1847 г. и нормами фактическаго довольствія; какъ извѣстно, Положеніе изданное для бекскихъ имѣній 20 апр. 1847 г. обязало землевладѣльцевъ обезпе-

чить каждую душу м. п., считая предѣльнымъ минимальнымъ возрастомъ 15 л., нормой не менѣе 5 дес. на д. Агаларское Положеніе 28 дек. 1847 г., сохраняя за крестьянами существующіе надѣлы, постановляетъ, что если у крестьянина окажется земли менѣе 5 дес. на д., а у владѣльца останется свободная земля, то онъ обязывается довести душевое надѣленіе до 5 дес. нормы; если у владѣльца окажется земля незаселенная или свободная и онъ пожелаетъ водворить на ней крестьянъ, то не вправѣ надѣлять крестьянъ въ размѣрѣ менѣе 5 дес. Кавказскій Комитетъ 8 іюня 1851 г. въ проектѣ кн. Воронцова предлагалъ такъ формулировать это положеніе: „крестьне надѣляются землею, примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ въ положеніи, изданномъ 20 апр. и 28 дек. 1847"; Кавказскій Комитетъ указывалъ, что „опредѣленіе количества земли, коимъ слѣдуетъ надѣлить крестьянъ, должно быть сдѣлано по разсмотрѣніи и соображеніи на мѣстѣ нуждъ и удобствъ обрабатываемыхъ ими участковъ," поэтому на главное начальство въ краѣ возлагается „по соображеніи надлежащихъ данныхъ, опредѣлить норму надѣленія крестьянъ, полнымъ соотвѣтственно ихъ потребностямъ и возможности по пространству земель, принадлежащихъ селеніямъ, количествомъ угодій, представивъ объ этомъ Высочайше утвержденнымъ порядкомъ". Кавказскій Комитетъ, въ моментъ разработки Положенія 28 дек. 1847 г., отказавшись отъ рѣшенія одного изъ основныхъ вопросовъ реформы, размѣровъ надѣла, далъ руководящія начала для работъ въ указанномъ направленіи: „у крестьянъ преимущественно оставляются участки, состоящіе въ ихъ пользованіи; остальной землею владѣльцы могутъ располагать по своему усмотрѣнію въ установленныхъ предѣлахъ; въ случаѣ естественнаго умноженія коренныхъ жителей, обязаны выдѣлять изъ означенной свободной земли на каждую приблизительно душу 15 л. возраста нормальную пропорцію, пользуясь доходомъ и съ таковыхъ участковъ въ той же степени, какъ съ угодій, предоставляемыхъ наличнымъ поселянамъ при первоначальномъ надѣлѣ." Центральный комитетъ отмѣчаетъ, что по смыслу этого постановленія „правительство имѣло въ виду установить одинъ общій для всѣхъ мусульманскихъ частей края размѣръ крестьянскаго надѣла," съ другой центральный комитетъ

указываетъ на агаларское положеніе, которое „желало сохранить за крестьянами пользованіе тѣми угодіями, которыя находились въ то время въ ихъ рукахъ.“ Всѣ эти рѣшенія заставляютъ Комитетъ серьезно въ нихъ разобраться. Онъ находитъ, что установленіе вполнѣ однообразнаго надѣла въ мѣстностяхъ чрезвычайно разнообразныхъ, по качеству и производительности почвы, по труду, который необходимо затратить для ея обработки, по климатическимъ условіямъ, густотѣ населенія, должно встрѣтить затрудненіе; Комитетъ старается еще обратить вниманіе на то, что самыя средства крестьянскаго хозяйства въ большинствѣ случаевъ далеко не достаточны для воздѣлыванія такого количества земли и возложенное тѣмъ же Положеніямъ „въ справедливое охраненіе интересовъ владѣльцевъ на крестьянъ обязанность воздѣлывать отведенныя имъ земли при несоразмѣрномъ для средствъ ихъ количествѣ таковыхъ можетъ быть для нихъ болѣе тягостью, чѣмъ благодѣяніемъ,“ это заключеніе, по мнѣнію Комитета, особенно относится къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ воздѣлываются цѣнные продукты: рисъ, хлопчатникъ, шелкъ, которые для обильныхъ на маломъ участкѣ урожаевъ требуетъ тщательной обработки, довольно сложныхъ работъ, въ силу чего сама практика установила разнообразные размѣры надѣловъ въ разныхъ мѣстахъ края. Изъ доставленныхъ начальниками губерній мѣстныхъ свѣдѣній, Комитетъ усматриваетъ, что въ агаларскихъ имѣніяхъ въ Тифлисской губ. размѣръ крестьянскаго надѣла со включеніемъ усадебной и другихъ земель не только не доходитъ до 15 дес. на дымъ (дымъ въ мусульманскихъ провинціяхъ принятъ равнымъ 3 д. м. п.), но составляетъ едва ли не половину, а часто и того менѣе. Въ агаларскихъ имѣніяхъ въ Казахскомъ у., Елисаветпольской губ. 15 дес. подымный надѣлъ принадлежитъ меньшинству, большая часть не располагаетъ и 10 дес. Въ бекскихъ имѣніяхъ Бакинской губ. размѣръ крестьянскихъ надѣловъ таковъ: въ Елисаветпольскомъ у.—не свыше 10 дес., Шушинскомъ—болѣе 10 дес., но менѣе 15 дес., Нухинскомъ-большей частью свыше 15, Зангезурскомъ до 20 дес. на дымъ; въ бекскихъ имѣніяхъ Бакинской губ.: въ Шемахинскомъ у., въ нагорной части низшій надѣлъ на дымъ 5 дес., высшій—до 25 дес.;

Геокчайскомъ—низшій—5 д., высшій—20 д., Ленкоранскомъ—средній не выше—7 д,. Джеватскомъ поселяне распахиваютъ на дымъ не болѣе 3—5 дес. Въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ бековъ въ Эриванской губ.: въ Эриванскомъ у. средній подымный надѣлъ по $1^1/_2$ халвару или 2 дес. 600 кв. с.; Нахичеванскомъ—въ многоземельныхъ имѣніяхъ—отъ $1^1/_2$ до $2^1/_4$ дес., въ малоземельныхъ въ половину менѣе; Эчміадзинскомъ—до $13^1/_2$ дес.; Новобаязетскомъ—до $10^1/_2$ дес. Въ бекскихъ имѣніяхъ Ахалцихскаго у.: въ Ахалкалакскомъ приставствѣ—до 15 дес., въ остальныхъ частяхъ у. до 4 дес. Изъ этихъ данныхъ Комитетъ заключаетъ, что только въ немногихъ мѣстностяхъ приходится на дымъ 15 дес. или 5 дес. на д., въ большинствѣ мѣстъ „эта пропорція составляетъ какъ бы крайній предѣлъ, до котораго размѣръ поселянскаго надѣла рѣдко доходилъ", окончательный выводъ, къ которому приходитъ комитетъ, нѣсколько неожиданный; Комитетъ считаетъ удобнымъ „въ видахъ *сохраненія основного начала* положенія 1847 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ съ цѣлью *возможно меньшаго потрясенія*", принять „за правило утвержденіе въ постоянномъ пользованіи поселянъ всѣхъ тѣхъ земельныхъ угодій, которые находятся въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи"; Комитетъ признаетъ 5 дес. надѣла на душу м. п., на дымъ 15—20 дес. тѣмъ предѣломъ, свыше котораго надѣленіе можетъ быть ограничено, поселянамъ предоставляется право, если пожелаютъ, требовать прирѣзокъ къ поселянскому надѣлу именно до 5 дес. нормы на д. въ тѣхъ имѣніяхъ, на которыя распространено дѣйствіе Положенія 1847 г.; предѣльнымъ возрастомъ, съ котораго начинается поселянское надѣленіе и Комитетъ признаетъ 15 л.

Комитетъ изъ вполнѣ правильныхъ предварительныхъ предпосылокъ сдѣлалъ не вполнѣ правильный выводъ; конечно, въ дѣйствительности размѣры подымнаго надѣленія сильно колебались, такое положеніе тянулось не одинъ десятокъ лѣтъ; далѣе самъ Комитетъ и всѣ инстанціи признали неудовлетворительность старыхъ узаконеній; для всѣхъ очевидной была необходимость преобразованій, но когда отъ общихъ сужденій подошли вплотную къ дѣйствительности, то сейчасъ возникли сужденія о „потрясеніяхъ", которыхъ

во что бы то ни стало слѣдовало избѣгать. Комитетъ не остановился на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ возможна была реформа безъ измѣненій существующихъ отношеній; всякое измѣненіе имъ признается потрясеніемъ; трудно уяснить себѣ какъ возможно было сочетать сохраненіе стараго съ реформой. Правда, Комитетъ объ этомъ прямо не говоритъ, но слишкомъ все прозрачно, чтобы не догадаться, что нежелательное потрясеніе произошло бы не въ интересахъ поселянскаго сословія, а владѣльческаго, и этого Комитетъ не желалъ допускать; Комитетъ допустилъ ту ошибку, что подошелъ не съ той стороны къ разрѣшенію вопроса: констатированіе существовавшихъ нормъ крестьянскаго надѣленія отнюдь не говорило о ихъ цѣлесообразности и желательности сохраненія, существовавшія нормы выдвигали вопросъ о томъ, насколько они обезпечивали подымные надѣлы поселянъ, насколько удовлетворяли ихъ хозяйственныя и иныя потребности, этотъ вопросъ остался внѣ предѣловъ обслѣдованія, его замѣнилъ другой, никакого практическаго значенія по существу не имѣвшій; вопросъ о томъ, что большіе надѣлы окажутся не по силамъ поселянскимъ хозяйствамъ; вѣдь для того, чтобы серьезно объ этомъ говорить, нужно было быть увѣреннымъ въ томъ, что крестьяне получатъ большіе надѣлы; вмѣсто основного вопроса о достаточномъ надѣленіи поселянъ, Комитетъ началъ разсуждать о предметахъ, не имѣвшихъ реальнаго значенія, и ставъ на защиту интересовъ владѣльческаго сословія, не принялъ во вниманіе дѣйствительныхъ нуждъ поселянъ.

Комитетъ находитъ вполнѣ пріемлемымъ предоставленіе владѣльцамъ права требовать отрѣзокъ отъ поселянскихъ надѣловъ въ случаяхъ превышающихъ 5 дес. надѣлъ на душу, если въ непосредственномъ распоряженіи владѣльцевъ окажется менѣе одной трети всѣхъ удобныхъ земель, особенно пріемлемымъ кажется это Комитету еще и потому, что отрѣзки оправдываются всѣми крестьянскими законоположеніями, не исключая даже изданнаго въ 1868 г. Положенія о царанахъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ Бессарабской области. Но комитетъ, признавая принципіально допустимость отрѣзокъ, вводитъ нѣкоторое ограниченіе; если право отрѣзокъ могло быть даровано без-

условно въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, то въ имѣніяхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, по мнѣнію Комитета, это право „должно быть ограничено сохраненіемъ за крестьянами того размѣра надѣла, на который имъ присвоено право еще въ 1847 г.“. Комитетъ далѣе счелъ необходимымъ принять общеустановленное правило, въ силу котораго владѣльцы не обязаны ни увеличивать, ни уменьшать впослѣдствіи надѣловъ, отведенныхъ поселянамъ въ постоянное пользованіе.

Составъ надѣла.

Въ Положеніи 1847 г. указано, что помѣщикъ обязанъ надѣлить крестьянъ удобной землей для хлѣбопашества, скотоводства, огородничества, но эти общія выраженія не давали точнаго и категорическаго опредѣленія, для ясности и отчетливости пользованія признано Комитетомъ полезнымъ примѣнить относящіяся къ этому предмету крестьянскія законоположенія, какъ общія, изданныя для имперіи, такъ и частныя, изданныя для Тифлисской губ., согласовавъ соотвѣтствующія нормы съ фактическимъ пользованіемъ со стороны владѣльцевъ. Постановленія Комитета касаются слѣдующихъ предметовъ: 1) пользованія лѣсомъ, который въ однихъ мусульманскихъ провинціяхъ поселяне получаютъ по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцемъ, въ другихъ поселянамъ предоставляется право въѣзда въ лѣса; такъ какъ эти порядкя были созданы обычнымъ правомъ, то Комитетъ постановилъ сохранить ихъ; 2) въ Эриванской губ. во владѣльческихъ имѣніяхъ лѣсовъ „въ точномъ смыслѣ этого слова“ не было; казенные лѣса отстояли на значительномъ разстояніи, такимъ образомъ обстоятельства вынудили поселянъ на надѣльныхъ земляхъ разводить тополевыя и вербовыя рощи, изъ которыхъ получали матеріалъ для построекъ; такія насажденія на поселянскихъ земляхъ не были рѣдкостью и въ другихъ губерніяхъ; Комитетъ, учитывая эту особенность поселянскаго хозяйства, призналъ, что рощи и всякія лѣсонасажденія, устроенныя поселянами, должны оставаться въ пользованіи поселянъ и войти въ счетъ слѣдуемаго имъ надѣла. 2) Въ Положеніи 1847 г. ничего не было сказано о поселянскихъ усадьбахъ; Комитетъ,

обративъ на это свое вниманіе, счелъ нужнымъ упомянуть объ усадьбахъ спеціально, признавъ ихъ нераздѣльной составной частью поселянскаго надѣла; усадьбы, по опредѣленію Комитета, состоятъ изъ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній и выпусковъ для скота; такъ какъ поселянскія хозяйственныя строенія, скотные дворы, гумна, нерѣдко отдѣлялись отъ жилыхъ строеній на значительномъ разстояніи (въ нагорной части Шемахинск. у., Бакинской губ.), а жилыя постройки нерѣдко устраивались посреди садовъ (Эриванская губ.), то Комитетъ не счелъ „удобнымъ опредѣлять пространство крестьянской усадебной земли какой-либо усадебной чертой, какъ это допускается всѣми крестьянскими законоположеніями". По малой цѣнности поселянской усадьбы вообще, даже въ промышленныхъ мѣстахъ, Комитетъ не нашелъ достаточно основаній для различенія усадебъ по цѣнности соотвѣтственно ихъ значенію. 4) Свѣдѣнія, которыя были собраны относительно земель, отводимыхъ для скотоводовъ, показали, что подъ такими землями подразумѣвались: 1) выгоны и мѣста для пастьбы домашняго и рабочаго скота, 2) пастбища лѣтнія, *эйлаги* и зимнія *кишляги*, ни тѣ, ни другія собственно въ надѣлъ поселянъ не входили. Выгонами и мѣстами для пастьбы въ предѣлахъ имѣнія поселяне пользовались сообща съ владѣльцемъ, согласно съ обычаемъ; пастбища въ предѣлахъ имѣній, гдѣ были водворены поселяне, рѣдко встрѣчались, такія пастбища встрѣчались въ Ахалцихскомъ у., но этими пастбищами, какъ и состоящими внѣ предѣловъ имѣній, поселяне пользовались за особую плату вмѣстѣ съ посторонними лицами.

Въ Джеватскомъ у., Бакинской губ., Зангезурскомъ—Елизаветпольской, Эчміадзинскомъ—Эриванской—главнымъ занятіемъ жителей являлось скотоводство; въ этихъ уѣздахъ скотоводы не были надѣлены землей для своихъ нуждъ, они обычно кочевали по пастбищнымъ мѣстамъ и за пользованіе ими уплачивали особую плату, именуемую *чопбаши*, сверхъ этого платежа вносили еще особую „за право кочевья", денежную плату, опредѣленную Положеніями въ 4 р. съ дыма, согласно съ этими установленіями Комитетъ постановилъ: а) пользованіе выгонами и мѣстами для пастьбы

скота, согласно съ Положеніемъ для Тифлисской губ., въ предѣлахъ владѣльческихъ земель, гдѣ поселяне водворены, оставляется въ томъ же порядкѣ, въ какомъ пользованіе ими установлено обычнымъ правомъ; раздѣлъ этихъ угодій между владѣльцами и поселянами предоставляется добровольному соглашенію сторонъ, съ утвержденія подлежащихъ властей. Намѣстнику Кавказскому предоставляется выработать подробныя правила о способахъ пользованія со стороны поселянскихъ обществъ выгонами и мѣстами для пастьбы.

б) Что же касается пастбищъ и порядка ихъ пользованія Комитетъ не находитъ возможнымъ касаться этого въ проектѣ, такъ какъ крестьяне ими пользуются на условіяхъ одинаковыхъ съ лицами посторонними и потому оно не подлежитъ вѣдѣнію Комитета.

в) Кочевыя общества, которыя не имѣютъ постояннаго земельнаго надѣла, „хотя было бы желательно привлечь къ осѣдлой жизни, но какъ это не можетъ быть достигнуто вдругъ безъ вреда ихъ господствующему промыслу скотоводству", Комитетъ полагалъ цѣлесообразнымъ сохранить за такими обществами право кочевья, по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ, къ этому времени, по предположенію Комитета, представится возможность собрать при содѣйствіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій данныя и выработать предположенія для устройства кочевыхъ обществъ.

Объ отводѣ надѣла.

Въ цѣляхъ согласованія поземельнаго устройства крестьянъ съ общими крестьянскими законоположеніями, Комитетъ находилъ необходимымъ ввести проектъ статьи объ отводѣ надѣловъ, „возможно ближе подходящія къ однороднымъ статьямъ поселянскихъ законоположеній". Комитетъ безъ всякихъ особыхъ разсужденій призналъ необходимымъ сохранить за поселянами въ цѣлости всѣ угодія, какими они пользовались; при этомъ Комитетъ постановилъ, что при требованіи владѣльца объ отрѣзкѣ части изъ излишка, превышающаго надѣлъ въ 5 д. на д. м. п., отрѣзка можетъ происходить на слѣдующихъ основаніяхъ: а) поселянамъ предоставляется преимущественное право на избра-

ніе земли для отрѣзки, б) въ случаѣ, если отрѣзки измѣнять существующее пользованіе отдѣльныхъ поселянскихъ надѣловъ, то вознагражденіе производится изъ общаго остающагося на все поселянское общество надѣла, по приговору общества.

На требованіе обязательнаго разграниченія или разверстанія угодій признаетъ Комитетъ право не одного только владѣльца, но въ одинаковой степени и поселянскаго общества; такое отступленіе отъ правилъ общихъ законоположеній, по которому это право признается только за помѣщикомъ, Комитетъ мотивируетъ тѣмъ, что у помѣщика выдѣлялись части его имѣнія для обезпеченія крестьянъ, вышедшихъ изъ ихъ зависимости. Въ имѣніяхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, гдѣ водворены государственные поселяне „право пользованія коихъ землями, на коихъ они водворены, предшествовало праву собственности землевладѣльцевъ и таковое даже обусловлено“, необходимо, по мнѣнію Комитета, уравновѣшеніе права требованія, разграниченія, а это будетъ „столько же согласнымъ съ справедливостью, сколько соотвѣтствующимъ нуждамъ обоихъ сословій“.

Относительно другихъ рѣшеній поселянскихъ законоположеній, касающихся устройства владѣльческаго хозяйства и угодій, какъ то: перенесенія поселянскихъ усадебъ, обмѣны земель Комитетъ постановилъ: „примѣненіе этихъ постановленій по особому состоянію имѣній въ мусульманскихъ частяхъ края не вызывается необходимостью, а между тѣмъ принесло бы вредъ, а не пользу“. Въ имѣніяхъ мусульманской части края усадьбы вообще не имѣли значенія, сами владѣльцы мало ими дорожили и не стѣснялись близостью къ нимъ поселянскихъ строеній, а съ другой—Комитетъ не видитъ необходимости предоставлять владѣльцамъ права стѣснять землевладѣльцевъ изъ уваженія къ тѣмъ отношеніямъ, которыя истекали изъ зависимости крѣпостной. Въ обмѣнѣ участковъ не можетъ быть надобности при предположенномъ Комитетомъ распространеніи на имѣнія лицъ высшаго мусульманскаго сословія права о полюбовномъ разграниченіи угодій, поэтому „постановленіе о перенесеніи поселянскихъ усадебъ и объ обмѣнѣ ихъ могло бы только давать владѣльцамъ ничѣмъ не оправдываемый поводъ къ заявле-

нію требованій въ существѣ ненужныхъ, а между тѣмъ клонящихся къ явному стѣсненію поселянъ и къ разстройству у нихъ обычнаго хозяйства,“ въ результатѣ сужденій Комитетъ и постановилъ не вводить въ проектъ совершенно правилъ о перенесеніи поселянскихъ усадебъ, а также объ обмѣнѣ угодіями.

О пользованіи землею и другими угодіями.

Относительно пользованія и распоряженія участками, состоящими въ подымномъ пользованіи и относительно пользованіи ими вообще Комитетъ счелъ возможнымъ примѣнить особое постановленіе Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ., которое въ свою очередь было согласовано съ постановленіями Мѣстнаго Положенія для Малороссійскихъ губ.

Объ отказѣ отъ земли.

Комитетъ въ вопросѣ объ отказѣ поселянъ отъ земли призналъ возможнымъ примѣненіе общаго положенія съ устраненіемъ ограниченія о 9 лѣтнемъ обязательномъ пользованіи надѣловъ, какъ не вызываемомъ необходимостью въ мусульманскихъ частяхъ края „и притомъ противорѣчащимъ нынѣ признаваемому за поселянами праву свободнаго переселенія.“ Во время примѣненія правилъ объ отказѣ отъ земли предоставить каждому поселянину какъ при переходѣ въ другое сословіе или общество, такъ и не выходя изъ общества, право отказа отъ земли съ соблюденіемъ правилъ общихъ для выхода крестьянъ изъ сельскихъ обществъ. Относительно тѣхъ участковъ, отъ которыхъ будутъ отказываться отдѣльные хозяева, Комитетъ принялъ слѣдующія правила: 1) такіе участки поступаютъ въ распоряженіе поселянскаго общества, которое сдаетъ ихъ въ наслѣдственное пользованіе поселянамъ же, надежнымъ къ отбыванію повинности, 2) если членовъ поселянскаго общества, желающихъ взять участки не окажется, или явившіеся не будутъ признаны достаточно надежными, то такіе участки по приговору поселянскихъ обществъ могутъ остаться въ распоряженіи поселянскаго общества, которое и принимаетъ обязательство

уплачивать повинности землевладѣльцу, 3) если же въ теченіе 3 мѣсяцевъ не состоится приговоръ общества относительно упразднившихся участковъ, то съ послѣдними поступаютъ такъ, какъ съ имѣніями отбираемымы за недоимки. Такимъ же образомъ право отказа предоставляется и цѣлому поселянскому обществу, но при иныхъ нѣсколько условіяхъ: 1) цѣлое поселянское общество можетъ по добровольному соглашенію съ землевладѣльцемъ отказаться отъ части состоящаго въ его постоянномъ пользованіи земельнаго надѣла, но земля утвержденная за обществомъ по уставной грамотѣ не должна быть уменьшена болѣе какъ на $^1/_6$; эти ограниченія признаются Комитетомъ необходимыми во вниманіе къ тому, что поселянскіе надѣлы вообще не были равномѣрны, не только въ отдѣльной мѣстности, но и въ одномъ и томъ же поселянскомъ обществѣ; Комитетъ считалъ жизненно необходимымъ принять такія мѣры, которыя удержали бы въ рукахъ поселянскаго общества достаточное количество земли для постояннаго обезпеченія членовъ общества землею; наконецъ, Комитетъ въ этихъ ограниченіяхъ хотѣлъ изыскать средство для сокращенія наклонности поселянъ къ переселенію, часто проявлявшемуся, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ желаніе кь переселенію „есть явленіе искусственно, созданное посторонними внушеніями и скоропреходящее“, поэтому Комитетъ и принялъ правила, допущенныя по инымъ соображеніямъ Мѣстнымъ Положеніемъ для Виленской и другихъ сѣверо—западныхъ губ.

О поселянскихъ повинностяхъ въ пользу землевладѣльца.

Повинностью въ мусульманской части Закавказья наиболѣе часто распространенной являлась *малджегатъ* или *багра* т. е. извѣстная часть съ урожая земныхъ произведеній; но помимо этой повинности существовали и другія, какъ обязанность давать прислугу для домашней и полевой службы по имѣніямъ хановъ, бековъ, агаларовъ, меликовъ въ Бакинской, Елизаветпольской и Тифлисской губ., повинность рабочими днями по тѣмъ же имѣніямъ, сборы съ предметовъ домашняго хозяйства и промышленности: съ масла, скота, птицы по имѣніямъ бековъ Ахалкалакскаго у., Тифлисской губ.;

Комитетъ категорически высказался, что „оставлять далѣе обязательное отбываніе сихъ повинностей въ имѣніяхъ владѣльцевъ, которые крѣпостнымъ правомъ никогда не располагали, само собой разумѣется, было бы несоотвѣтственно духу и началамъ новыхъ поселянскихъ законоположеній".

Малджегатъ и багра „не могли бы почитаться современными, удобными, такъ какъ выполненіе, какъ то: выдѣлъ части продуктовъ натурою, при самомъ снятіи ихъ натурою въ полѣ, доставка на извѣстное разстояніе и извѣстный срокъ сопряжены съ затрудненіями. Поэтому задача Комитета допустить въ отбываемыхъ повинностяхъ тѣ измѣненія, которыя вызываются духомъ сихъ дѣйствующихъ послѣднихъ законоположеній".

Комитетъ обращается къ старымъ распоряженіямъ высшей мѣстной власти и обращаетъ вниманіе на Высочайшее повелѣніе, объявленное Нейдгардтомъ 1844 г., по которому въ Ахалцихскомъ у. въ дополненіе къ повинности багра въ размѣрѣ $1/6$ съ урожая всѣхъ земныхъ произведеній и взамѣнъ существовавшихъ по турецкому обычаю сборовъ съ предметовъ домашняго хозяйства и промышленности, поселяне отбывали 6 рабочихъ дней; на дѣлѣ эти шесть рабочихъ дней не отбывались, а вмѣсто нихъ поселяне продолжали по старому доставлять владѣльцамъ прежніе мелочные сборы съ домашняго хозяйства и промышленности. Комитетъ принялъ за наиболѣе удобное, подобно Тифлисской и Кутаисской губ., повинности живностью и предметами домашняго хозяйства вообще въ Ахалцихскомъ у. уничтожить на всегда со дня обнародованія новаго положенія. Съ другой стороны, Комитетъ желалъ бы сохранить отбываніе рабочихъ дней въ тѣхъ имѣніяхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, въ которыхъ они отбывались, до утвержденія уставныхъ грамотъ, но, по мнѣнію Комитета, введеніе этой повинности, хотя и закономъ опредѣленной, „но въ дѣйствительности не отбывающейся" въ Ахалцихскомъ у. на 2-хъ лѣтній срокъ было бы крайне неудобно, поэтому наиболѣе цѣлесообразнымъ представляется Комитету, со дня, обнародованія положенія обложить поселянъ въ пользу владѣльцевъ въ Ахалцихскомъ у., независимо отъ багры, денежной повинностью за 6 рабочихъ дней,

примѣнительно къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ расцѣнены рабочіе дни въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ частяхъ.

На основаніи Положеній 20 апр. и 28 дек. 1847 г. повинность, отбываемая доставкой прислуги, „повинность не дополняющая, а замѣняющая всѣ другія повинности съ поселянъ слѣдующія". Поселянинъ, выставлявшій прислугу на время выставки освобождался отъ другихъ повинностей. Землевладѣлецъ, получавшій эту повинность долженъ былъ одѣвать и содержать прислугу, вносить за семейство, которое ее выставляло государственныя и земскія повинности, но взамѣнъ освобожденія отъ этихъ повинностей, владѣлецъ имѣлъ право получать съ такого дыма повинности произведеніями земными; нерѣдко случалось, что владѣльцы дозволяли поселянамъ выкупиться отъ обязанности выставлять прислугу денежныхъ взносомъ, который различно опредѣлялся въ различныхъ мѣстахъ, хотя такая замѣна Положеніями не дозволялась; Комитетъ склонился въ пользу того мнѣнія, что повинность эту слѣдуетъ отмѣнить совершенно, и въ то же время не замѣнять ее никакой другой; но Комитетъ предусмотрѣлъ, что при обнародованіи Положенія у владѣльцевъ могла оказаться прислуга, которой не истекъ годичный срокъ службы, установленный Положеніемъ или продленъ по обоюдному соглашенію, въ такихъ возможныхъ случаяхъ внезапное прекращеніе повинности, предполагалъ Комитетъ, могло бы поставить въ затруднительное положеніе, владѣльческое хозяйство; чтобы обойти такое состояніе, Комитетъ нашелъ возможнымъ допустить нѣкоторое отступленіе, а именно: владѣльцы, имѣющіе при обнародованіи Положенія прислугу, выставленную отъ поселянъ, на основаніи Положенія 1847 г. могли оставить ее у себя до окончанія срока, опредѣленнаго Положеніемъ, но съ тѣмъ, что, по утвержденіи уставныхъ грамотъ, прислуга гдѣ бы и у кого она не оказалась, должна быть немедленно освобождена.

Мусульманскіе поселяне отбывали владѣльцамъ, такъ называемые, рабочіе дни; согласно Положенію 1847 г. эта повинность, какъ личная и имѣющая характеръ издѣльной, не могла быть сохранена послѣ утвержденія новаго Положенія, на этомъ основаніи Комитетъ постановилъ эту повинность отмѣнить, но Комитетъ, какъ въ вопросѣ объ упраздненіи

повинности выставленіемъ прислуги, допускаетъ временную мѣру для сохраненія хозяйственнаго равновѣсія владѣльческихъ имѣній и опираясь на Мѣстныя Положенія для Тифлисской и Кутаисской губ., допускающія переходныя состоянія, отмѣнить повинность рабочими днями по составленіи уставныхъ грамотъ; но принимая во вниманіе то обстоятельство, что рабочіе дни составляли существенную часть, въ отбываемыхъ въ пользу владѣльцевъ повинностяхъ, Комитетъ высказался въ пользу замѣны этой повинности для компенсаціи потерь владѣльцевъ; Комитетъ при этомъ хотѣлъ руководствоваться общимъ правиломъ, „стремиться къ постепенной замѣнѣ всѣхъ повинностей денежною платою по количеству занятой поселянами земли".

Разрѣшая практически вопросъ, Комитетъ считалъ наиболѣе справедливымъ подчинить вычисленіе размѣра рабочихъ дней количеству земли, занимаемому поселянскимъ надѣломъ; цифра повинности такъ исчислялась Комитетомъ: въ имѣніяхъ ханскихъ и бекскихъ была установлена повинность въ 20 рабочихъ дней, считая каждый день по 20 к., согласно Положенію, 4 р., на дымъ; принимая дымъ въ 3 д., а дымъ надѣленнымъ въ 15 дес. т. е. по 5 дес. на душу, то на каждую десятину падало бы 24 к., эта плата оказываетя, заключаэтъ Комитетъ, платой за десятину въ пользу владѣльца взамѣнъ рабочихъ дней.

По агаларскимъ имѣніямъ Комитетъ производилъ разсчетъ по такому же принципу; изъ установленныхъ 8 рабочихъ дней, каждый оцѣнивался не свыше 10 к., слѣдовательно, въ названныхъ имѣніяхъ переводъ этой денежной повинности легъ бы на каждую десятину въ размѣрѣ $5^1/_3$ к. Сдѣлавъ эту оцѣнку Комитетъ обратилъ вниманіе на то, что оцѣнка рабочихъ дней на деньги въ тѣхъ и другихъ имѣніяхъ въ 20 и 10 к. была произведена 20 л. тому назадъ, далѣе, эта повинность отбывалась всѣми дымами безразлично, былъ ли онъ надѣленъ до 5 дес. нормы, на основаніи этихъ соображеній принятая оцѣнка признана Комитетомъ низкой и обидной для владѣльцевъ и поэтому были произведены повышенныя расцѣнки: по имѣніямъ бековъ, хановъ и меликовъ въ Бакинской, Елизаветпольской губ., кромѣ Казахскаго у., т. е. по мѣстностямъ состоящимъ подъ дѣйствіемъ Положенія 20 апр. 1847 г.,

какъ по усадебнымъ, такъ и по полевымъ землямъ—по 30 к.; по имѣніямъ же агаларовъ, меликовъ въ Казахскомъ у., Елизаветпольской губ. и въ Тифлисскомъ у. въ области дѣйствія Положенія 28 дек. 1847 г.—15 коп., комитетъ при этомъ призналъ, что послѣдняя оцѣнка въ 15 к. для агаларскихъ и бекскихъ имѣній нѣсколько высока, но въ дѣйствительности не на много и то только въ немногихъ мѣстностяхъ превышаетъ то, что поселяне на основаніи Положенія 1847 г. платятъ по агаларскимъ имѣніямъ за рабочіе дни. Въ агаларскихъ имѣніяхъ поселяне пользовались едва половиннымъ надѣломъ, поселяне въ пользованіи не имѣли свыше 7 1/2 дес., чаще меньше, при принятой расцѣнкѣ за весь надѣлъ пришлось бы платить 1 руб. вм. 80 коп. или 12 1/2 коп. на дес. вмѣсто 8 рабочихъ дней; по заявленіямъ мѣстныхъ начальниковъ губ., поселяне пользовались 2, 3 до 5 дес. на дымъ, слѣдовательно взамѣнъ обязательныхъ рабочихъ дней поселянамъ пришлось бы платить 30, 40, 75 к. съ десятины.

Въ имѣніяхъ бековъ и лицъ имѣвшихъ право на владѣніе населенными имѣніями въ Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ., въ изданныхъ Положеніяхъ стоимость рабочаго дня опредѣлена не была, слѣдовательно, Комитету пришлось принимать въ разсчетъ дѣйствительную стоимость рабочаго дня; но въ названныхъ имѣніяхъ рабочіе дни замѣнялись приношеніемъ живности и другихъ предметовъ, эти имѣнія Комитетъ приравнялъ агаларскимъ, оцѣнивъ каждый рабочій день изъ 6 по 15 коп.

Комитетъ, произведя расцѣнку натуральной рабочей повинности на деньги, имѣлъ сужденіе о томъ, что поселянамъ при недостаткѣ наличныхъ денегъ трудно придется отбывать повинность денежными взносами и реформа могла бы оказаться тягостной, поэтому Комитетъ и предложилъ, впредь до обращенія повинностей, отбываемыхъ взносомъ земныхъ произведеній въ денежный оброкъ, предоставить поселянамъ при желаніи замѣнять денежную повинность за рабочіе дни увеличеннымъ размѣромъ повинностей земными произведеніями; опредѣленіе этого увеличеннаго размѣра предоставляется добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ, съ утвержденія Мировыхъ Посредниковъ, но увели-

ченный размѣръ ни въ какомъ случаѣ не долженъ превосходить для ханскихъ и бекскихъ имѣній—$^1/_8$, для агаларскихъ и бекскихъ Ахалцихскаго у.—$^1/_9$ урожая.

Древней и старинной формой повинности служили малджегатъ и багра, *малджегатъ* составлялъ $^1/_{10}$ урожая, въ Ахалцихскомъ у. и Эриванской губ.—*багра*, въ Ахалцихскомъ у.—$^1/_{10}$, Эриванской губ.—$^4/_{30}$. Въ 1840 г. взиманіе казенной подати было рефомировано, — а именно взносъ натурой замѣненъ денежнымъ оброкомъ.

Систему взноса повинностей Комитетъ признаетъ совершенно несостоятельной, требующей измѣненій, тѣмъ болѣе, что такая система для Тифлисской, Кутаисской губ. признана мѣрой временной до переложенія натуральныхъ повинностей на денежные оброки.

Комитетъ призналъ безусловно полезнымъ замѣну малджегата и багры денежной повинностью, что могло совершиться или по мѣрѣ введенія новаго Положенія расцѣнкою малджегата и багры по отдѣльнымъ имѣніямъ или установленіемъ стоимости малджегата и багры до изданія Положенія правительственными мѣрами по районамъ или полосамъ въ у.; первая мѣра признана была болѣе точной и безошибочной, но за то медленной и разнообразной; второй способъ при меньшей точности былъ проще и не такъ безпристрастно представлялъ интересы поселянъ и владѣльцевъ, но способъ могъ бы быть осуществимъ при условіи возможности установленія расцѣнки съ достаточной вѣрностью; при второмъ способѣ пришлось бы принять одну оцѣночную единицу для полей, другую для садовъ; Комитетъ для достиженія справедливой и безпристрастной для обѣихъ сторонъ оцѣнки призналъ необходимымъ предварительно выяснить возможность осуществленія второго способа, или необходимость принятія перваго. По собраннымъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ Комитетъ долженъ былъ убѣдиться, что достигнуть точной и вѣрной расцѣнки малджегата и багры для установленія немедленно денежной повинности не представляется возможнымъ, а потому не находитъ нужнымъ предрѣшать, какимъ именно способомъ должна быть произведена расцѣнка. Начальники губерній и мѣстныя власти были того мнѣнія, что внезапное измѣненіе отбыванія по-

винностей, издавна установленныхъ и освященныхъ обычаями можетъ „произвести потрясеніе между населеніемъ, недовѣрчиво относящимся ко всякимъ перемѣнамъ его въ отношеніе къ землевладѣльцамъ и тѣмъ самымъ повредить значительно тому благодѣтельному впечатлѣнію, которое настоящее положеніе должно бы произвести". Комитетъ въ такомъ вопросѣ желаетъ быть осторожнымъ и постановилъ отбываніе малджегата и багры сохранить до времени и въ размѣрѣ, установленномъ обычаемъ и изданными положеніями: 1/10 по имѣніямъ ханскимъ, бекскимъ, агаларскимъ и меликскимъ въ Бакинскомъ, Елисаветпольской губ. и въ Тифлисскомъ, Ахалкалакскомъ у., на которые распространено дѣйствіе положенія 20 апр. и 28 дек. 1847 г., 4/30 по имѣніямъ бекскимъ, владѣемымъ на мюлькодарскомъ правѣ въ Эриванской губ.

По тѣмъ же имѣніямъ бековъ въ Эриванской губ. съ нѣкоторыхъ частей поселянскаго надѣла правительственными распоряженіями 1836 г. разрѣшена денежная повинность съ огородовъ и бостановъ по 80 к., съ садовъ по 1 р. 20 к. за каждое пространство по 10 батмановъ или 10 п. посѣва, Комитетъ постановилъ эту повинность въ мѣстахъ, гдѣ она отбывалась, сохранить и на будущее время. Комитетъ очень рѣшительно возражалъ противъ того мнѣнія, что багра или, мюлькъ въ Эриванской губ. въ 4/30 является высокимъ, сравнительно съ платежомъ, производимымъ въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ; Комитетъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ разница только кажущаяся, ибо въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ сверхъ 4/30 со всѣхъ земныхъ произведеній никакихъ повинностей и платежей не производили; но по независимому тіульному праву нѣкоторые владѣльцы получаютъ подать съ дыма по 2 р. 50 к.; тіульная повинность не составляла особаго обложенія, и тіульные поселяне за то были освобождены отъ государственной подымной подати и натуральной повинности, а такихъ тіулистовъ было 19 чел. т. е. 1/20 всѣхъ мюлькодаровъ.

Нѣкоторые тіулы были упразднены путемъ назначенія отъ казны денежнаго вознагражденія въ размѣрѣ податей и повинностей, которыя отбывались тіулистами и затѣмъ обращены въ казну. Комитетъ полагалъ болѣе правильнымъ

вопросъ объ упраздненіи или замѣнѣ тіульнаго права отдѣлить совершенно при сужденіи о проектируемомъ положеніи, а мюлькъ въ $^4/_{30}$ за пользованіе землею, какъ не превышающій повинность, отбываемую поселянами въ бекскихъ и агаларскихъ имѣніяхъ въ $^1/_{10}$ сохранить, тѣмъ болѣе, что поселяне мюлькодарскихъ имѣній свободны отъ рабочихъ дней; эту повинность въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ Комитетъ оставляетъ безъ измѣненія, руководствуясь тѣми соображеніями, какъ и при оставленіи малджегата и багры въ бекскихъ и другихъ имѣніяхъ; такимъ образомъ, по всему Закавказью мѣстная правительственная власть сохраняла повинность земными произведеніями; личныя же повинности, повинности отбываемыя прислугой, „какъ несогласныя съ новыми началами устройства поселянскаго населенія въ этомъ краѣ отмѣняются".

Въ мусульманскихъ провинціяхъ Комитетъ оставлялъ безъ обложенія особой повинностью усадебную землю и сообразовался съ обычнымъ правомъ, которое и до реформы не оплачивало повинностями эти угодія; тѣмъ болѣе освобожденіе отъ повинности за эти участки не могло вызвать особыхъ перемѣнъ потому, что при усадьбахъ разводились сады, огороды, съ которыхъ отбывались малджегатъ, багра или денежная повинность, какъ въ Эриванской губ. Комитетъ все же не оставлялъ мысли о преимуществѣ установленія денежныхъ повинностей взамѣнъ натуральныхъ взносовъ и не рѣшивъ окончательно этого вопроса, предоставилъ производить взносы деньгами соглашеніямъ землевладѣльцевъ и поселянъ, если бы соглашеніе состоялось, то денежная повинность должна была вноситься въ уставныя грамоты. Такія частныя соглашенія, по мнѣнію Комитета, могутъ имѣть руководящее значеніе при переводѣ натуральныхъ повинностей въ денежный оброкъ.

О выкупѣ поселянами земельнаго надѣла.

Въ вопросѣ о выкупѣ поселянами земельнаго надѣла Комитетъ принялъ во вниманіе рядъ положеній; первое на что обратилъ Комитетъ вниманіе было то, что Положеніе относится къ государственнымъ, а не временно-обязаннымъ

поселянамъ, второе — что при недостаточной прочности къ землѣ и осѣдлости населенія невозможно опредѣлить благонадежность поселянъ относительно аккуратнаго платежа выкупныхъ суммъ; Комитетъ видитъ въ этомъ серьезное препятствіе для рѣшенія вопроса о распространеніи выкупа на мусульманскія провинціи и приходитъ къ заключенію, что всѣ сужденія о выкупѣ преждевременны до тѣхъ поръ, пока малджегатъ и багра не будутъ переложены на деньги и не обнаружится дѣйствительная доходность земли; не отвергая совершенно мысли о выкупѣ поселянскихъ угодій въ мусульманскихъ провинціяхъ, Комитетъ пока нашелъ возможнымъ предоставить посельянамъ право пріобрѣтать земли на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) допустить пріобрѣтеніе части или цѣлаго поселянскаго надѣла по добровольнымъ соглашеніямъ владѣльцевъ и поселянъ съ засвидѣтельствованіемъ сдѣлки со стороны Мироваго Посредника, безъ всякихъ ограниченій права пріобрѣтенія съ примѣненіемъ общихъ льготъ, указанныхъ Положеніемъ о выкупѣ, 2) когда добровольное соглашеніе не послѣдуетъ, то поселяне отдѣльными дымами или цѣлымъ обществомъ имѣютъ право выкупать надѣлъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) поселяне не могутъ выкупить болѣе 15 дес. на дымъ, б) поселяне обязаны выкупать не менѣе 7½ дес. на дымъ, если имѣютъ надѣлъ въ такомъ количествѣ, в) при выкупѣ поселянами надѣла владѣльцу предоставляется право удержать земли за собой столько, сколько останется за предоставленіемъ посельянскимъ дымамъ по 7½ дес., или оставить всего до 30 дес. какъ усадебной, такъ и полевой земли, либо въ одномъ имѣніи, либо въ совокупности всѣхъ имѣній; поселянину предоставляется право отказаться отъ выкупа, если окончательная цѣна, опредѣленная Губернскимъ Присутствіемъ покажется ему тяжелой. При выкупѣ по требованію поселянъ примѣняются тѣ же льготы, какія опредѣлены Положеніемъ о выкупѣ. Самъ Комитетъ призналъ, что „правила эти составляютъ коренное изъятіе изъ общихъ поселянскихъ законоположеній, предоставляя право требовать выкупа не землевладѣльцамъ, но крестьянамъ", эти отступленія Комитетъ допускаетъ потому, что „земля, составляющая крестьянскій надѣлъ, находится и нынѣ въ непри-

косновенномъ пользованіи крестьянъ, не бывшихъ никогда въ личной зависимости отъ землевладѣльцевъ, поэтому предоставленіе сему послѣднему права требовать выкупа ничѣмъ не оправдывалось бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ выкупъ можетъ совершаться безъ содѣйствія правительства, то въ видахъ облегченія окончательнаго имущественнаго развода двухъ сословій предоставляется удобнымъ и справедливымъ предоставить крестьянамъ право заявлять о желаніи своемъ пріобрѣсть въ собственность землю, которою они не прикосновенно пользуются. Допущенныя ограниченія (ст. 134, 135) ограждая въ справедливой мѣрѣ интересы землевладѣльцевъ, не уклонятся отъ основаній Положенія".

О мѣстныхъ по поселянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.

Мѣстныя по поселянскимъ дѣламъ учрежденія для мусульманскихъ частей Закавказья Комитетъ проектировалъ примѣнительно къ Положенію Тифлисской и Кутаисской губ. Но въ мусульманскихъ провинціяхъ дворянство не было организовано, поэтому, по мнѣнію Комитета, участіе этого сословія въ личномъ составѣ учрежденій по поселянскимъ дѣламъ не можетъ быть допущено и вмѣсто дворянъ должны состоять лица, назначенныя правительствомъ, т. е. Намѣстникомъ Кавказа. Комитетъ отмѣчаетъ, что въ мусульманскихъ провинціяхъ работы губернскихъ по поселянскимъ дѣламъ присутствій сравнительно будутъ легче съ тѣми губерніями, гдѣ существовало крѣпостное право, такъ какъ Присутствію не придется входить въ разборъ исковъ поселянъ о недвижимомъ имуществѣ, какъ въ Тифлисской и Кутаисской губ., наблюдать за обязательнымъ исполненіемъ повинностей, вытекающихъ изъ крѣпостныхъ отношеній, за несуществованіемъ таковыхъ. Институтъ Мировыхъ Посредниковъ Комитетъ признаетъ и для мусульманскихъ провинцій крайне необходимымъ.

Численность государственнаго поселянскаго населенія была такова:

Елисаветпольс. губ.	22.032	дыма	или	70.290	д. м. п.
Бакинская „	7.797	„	„	25.831	„ „ „ (безъ Куб. у.)
Эриванская „	12.310	„	„	45.241.	

III.

Проектъ Поселянскаго Положенія въ Кавказскомъ Комитетѣ.

Ознакомившись съ проектомъ Комитета, Намѣстникъ Кавказа Михаилъ Николаевичъ согласился съ общими положеніями и отправилъ въ Кавказскій Комитетъ 12/16 марта 1870 г. Намѣстникъ отмѣчалъ, что проэктъ Комитета въ главныхъ своихъ основаніяхъ согласованъ съ общими поселянскими законоположеніями. Намѣстникъ высказывалъ мысль, что согласованіе это не можетъ вообще встрѣтить затрудненій потому, что „поземельное устройство крестьянскаго сословія въ мусульманскихъ частяхъ края, узаконенное Положеніемъ 1847 г. освятило уже тѣ два главныхъ основанія, которыя признаны законоположеніемъ 1861 года, а именно: обязательный надѣлъ поселянъ землею въ постоянное пользованіе и право собственности владѣльческаго класса на сію землю", въ виду разрѣшенія основного вопроса, по мнѣнію Намѣстника, оставалось разрѣшить подробности относительно предѣловъ и порядка пользованія правами и выгодами обоими сословіями, тѣмъ болѣе, что 20 лѣтняя практика имѣла свое воспитательное вліяніе; вмѣстѣ съ этимъ Намѣстникъ не можетъ умолчать относительно того, что въ Эриванской губ. и Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ. „обычное право не уступило окончательно мѣста закону писанному". Намѣстникъ исключительное значеніе приписываетъ поземельному устройству высшаго сословія въ мусульманскомъ краѣ, Намѣстникъ полагаетъ, что это „предметъ государственной важности въ видахъ обезпеченія и привлеченія къ мирнымъ гражданскимъ занятіямъ многочисленнаго и вліятельнаго класса людей", отчасти этотъ государственной важности предметъ разрѣшенъ Положеніями 1846 и 1847 г.г. Хотя для государственныхъ поселянъ Эриван-

ской губ. и было издано Положеніе 8 іюня 1851 г., но по военнымъ обстоятельствамъ времени введеніе его было пріостановлено и тамъ „отношенія эти не освященные закономъ основаны преимущественно на существующихъ обычаяхъ и на нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ"; Ахалкалакскій у., Тифлисской губ. не усвоилъ на практикѣ Положенія 1844 г., такимъ образомъ, для однихъ частей края составители новаго проекта Положенія должны были просмотрѣть дѣйствующія Положенія, для другихъ составить новыя, но составителямъ облегчали въ значительной степени работу уже изданныя Положенія. Раздѣляя всецѣло начала новаго проекта, Намѣстникъ указываетъ на необходимость „имѣть въ виду, что привлеченіе членовъ высшаго сословія къ мирнымъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, постепенно уменьшая невыгоды безпечно-подвижной ихъ жизни, которая слишкомъ часто ищетъ развлеченія, удальства и выгодъ въ разбояхъ и грабежахъ, должно служить однимъ изъ лучшихъ орудій къ смягченію нравовъ, доселѣ еще малогражданственныхъ; для этого необходимо, чтобы землевладѣльцы въ случаѣ окончательнаго развода съ крестьянами и слѣдовательно, замѣны ежегодныхъ доходовъ съ имѣній капиталомъ легко и скоромогущимъ быть издержаннымъ, сохранили бы въ своемъ распоряженіи часть недвижимой своей собственности, для основанія на ономъ собственнаго хозяйства". Намѣстникъ такъ же думаетъ, что на поселянъ мусульманъ не долженъ быть распространенъ 9 лѣтній срокъ обязательнаго пользованія надѣльными землями, такъ какъ, „таковое имѣло бы характеръ хотя временнаго прикрѣпленія нынѣ не существующаго; но при этомъ сочтено нужнымъ ограничить возможность передвиженія цѣлыхъ обществъ", это постановленіе, по убѣжденію Намѣстника вызывается требованіями административными, отчасти и политическими, „ибо его затрудняетъ появляющееся иногда подъ вліяніемъ религіознаго внушенія, большей частью доходящее изъ послѣднихъ странъ увлеченіе въ средѣ мусульманскаго населенія къ переселенію, увлеченіе всегда кратковременное и разорительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ нарушающее общественное спокойствіе". Намѣстникъ раздѣляетъ соображенія Комитета относительно вы-

купа земельной собственности поселянами мусульманами и одобряетъ принятыя ими правила и считаетъ „утвержденіе этого предположенія необходимымъ и въ видахъ легчайшаго достиженія немаловажной въ политическомъ отношеніи цѣли—связать населеніе съ землею интересами поземельной собственности и установить имущественную независимость его отъ высшаго сословія".

Кавказскій Комитетъ разсматривалъ: 1) „Проектъ Положенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, а равно меликовъ изъ армянъ въ губ. Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и въ уу. Тифлисскомъ и Ахалцихскомъ, Тифлисской губ.", 2) „Проектъ правилъ объ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій въ тѣхъ же губерніяхъ и уѣздахъ".

Кавказскій Комитетъ, разсмотрѣвъ представленные проекты при участіи приглашеннаго лица, сенатора кн. Багратіонъ-Мухранскаго, отъ 20 апрѣля 1870 г., призналъ „проекты согласными съ общимъ направленіемъ и основными началами законодательства по крестьянскому дѣлу", въ то же время Кавказскій Комитетъ внесъ рядъ поправокъ; Комитетъ нашелъ необходимымъ замѣнить терминъ *крестьянинъ*, терминомъ *поселянинъ*, на томъ основаніи, что уже изданныя положенія именуютъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ на бекскихъ и агаларскихъ земляхъ государственными поселянами. Соединенное присутствіе Главнаго объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказкаго Комитетовъ обратило вниманіе на то, что по проекту поселянскіе подымные участки при переходѣ по наслѣдству могутъ быть раздѣляемы на части не менѣе 5 дес. Соединенное присутствіе усматриваетъ, что въ Тифлисской губ. низшій предѣлъ дробленія такихъ участковъ составлялъ отъ $1^1/_4$ до $2^1/_2$ дес., смотря по качеству полевыхъ угодій; для мусульманскихъ провинцій Присутствіе принимаетъ высшую мѣру $2^1/_2$ д. предѣломъ для дробленія наслѣдственныхъ участковъ; поселяне со дня обнародованія Положенія и составленія уставныхъ грамотъ отбываютъ въ пользу владѣльцевъ прежнія повинности правительственными распоряженіями 1847 г. установленныя; поселяне бекскихъ и агаларскихъ имѣній

отбывали *эврезъ* т. е. по два рабочихъ дня въ пользу владѣльца, за управленіе живущими на ихъ земляхъ поселянами, ноВысочайшими повелѣніями 26 ноября 1861 и 1866 г. были освобождены, такъ какъ освобожденіе отъ эвреза было прямымъ слѣдствіемъ освобожденія владѣльцевъ отъ полицейскихъ обязанностей; эврезъ по указанію Соединеннаго присутствія и не можетъ быть отнесенъ къ повинностямъ, отбываемымъ поселянами до введенія уставныхъ грамотъ. Одна изъ статей проекта воспрещала Мировымъ посредникамъ принимать отъ поселянъ жалобы за прежнее, до обнародованія Положеніе, время; Соединенное Присутствіе нашло это запрещеніе неправильнымъ. Подобное правило внесено въ Положеніе 19 февраля 1861 г. и оно тамъ было обусловлено существовавшей до того крѣпостной зависимостью и тѣмъ, что крѣпостныя отношенія не подлежали послѣ реформы судебному разсмотрѣнію, это правило было принято для мѣстныхъ Положеній Кутаисской и Тифлисской губ., но такъ какъ поселяне не состояли въ крѣпостной зависимости, то ихъ и нельзя лишать возможности жаловаться на дѣйствія землевладѣльцевъ, которые могли нарушить принадлежащія имъ права, Соединенное присутствіе постановило исключить это постановленіе.

Соединенное присутствіе имѣло сужденіе и о расцѣнкахъ повинностей на деньги при заявленіяхъ поселянъ о желаніи выкупа надѣла, Соединенное присутствіе находитъ, что въ проектѣ говорится лишь объ оцѣнкѣ на деньги повинностей, но какъ изъ нея выводится капитальная стоимость поселянскаго надѣла ничего не сказано; Соединенное присутствіе полагаетъ, что осуществленіе столь важнаго вопроса, какъ опредѣленіе выкупной надѣльной суммы было бы неудобно предоставить усмотрѣнію мѣстному по поселянскимъ дѣламъ учрежденію. Для устраненія разнообразныхъ пріемовъ оцѣнки Соединенное присутствіе считаетъ необходимымъ, чтобы поселянскимъ учрежденіямъ были даны въ руководство при опредѣленіи размѣровъ выкупныхъ суммъ указанія и рѣшенія Мировыхъ Посредниковъ и окончательно опредѣленные размѣры выкупной суммы должны представляться Губернскимъ по поселянскимъ дѣламъ присутствіямъ. Но такъ какъ по общему положенію о выкупѣ

капитальная стоимость выкупаемаго надѣла опредѣляется посредствомъ капитализаціи изъ 6% и помноженія на $16^2/_3$ денежной повинности, опредѣленной за поселянскій надѣлъ, то Соединенное присутствіе считаетъ нужнымъ сохранить и въ новомъ Положеніи это коренное правило; способъ оцѣнки натуральныхъ повинностей на деньги предоставляется Намѣстнику. Но въ виду того, что по особымъ условіямъ мѣстной жизни и хозяйственнаго склада не признается возможнымъ правительственное содѣйствіе при выкупѣ поселянами надѣла, Комитеты „сочли необходимымъ опредѣлительно выразить это въ издаваемомъ Положеніи для устраненія всякихъ въ семъ отношеніи недоразумѣній".

Наконецъ, Соединенное присутствіе „отдавая полную справедливость тщанію, съ коимъ дѣло это разработано на мѣстѣ", нашли, что правила о поселенныхъ на земляхъ высшаго мусульманскаго сословія „составлены примѣнительно правиламъ общихъ крестьянскихъ положеній и дополнительныхъ къ нимъ постановленій, изданныхъ для Тифлисской и Кутаисской губ., отступленія же сихъ правилъ допущены лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того требуетъ существующее устройство означенныхъ поселянъ, которые не состоятъ въ крѣпостной зависимости и находятся къ землевладѣльцамъ въ отношеніяхъ, опредѣленныхъ узаконеніями 1847 и 1851 г.г.".

Проектъ Поселянскаго Положенія былъ утвержденъ 14/16 мая 1870 г.

IV.

Характеристика хозяйственнаго положенія поселянъ наканунѣ объявленія новаго Положенія.

Составъ надѣла.

Передъ объявленіемъ новаго Положенія хозяйственный строй жизни владѣльцевъ и государственныхъ поселянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ въ губерніяхъ Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ. вырисовывался въ слѣдующихъ очертаніяхъ.

Всѣхъ владѣльцевъ, которыхъ касалась реформа въ Елисаветпольской губ. оказалось:

1.	Елисаветп. у.—имѣній	—119;	влад. и соучастн.	—124
2.	Шушинск. „ — „	—116;	„ „ „	—142
3.	Зангезурск. „ — „	—101;	„ „ „	—127
4.	Нухинскій „ — „	— 99;	„ „ „	—111
	По 4 уѣздамъ	435;		504.

Въ Елисаветпольской губ., въ уу. Шушинскомъ, Елисаветпольскомъ, Зангезурскомъ всѣ казенные поселяне, въ бекскихъ имѣніяхъ владѣли пахатными землями, имѣли одну осѣдлость, безземельныхъ вовсе не было; въ Нухинскомъ у. уже встрѣчались малоземельные поселяне; около 209 дымовъ, которые располагали одной только осѣдлостью. Постояннымъ занятіемъ жителей для этихъ 209 дымовъ являлось овцеводство; для чего должны были нанимать зимнія и лѣтнія пастбища, такія условія создались для жителей дер. Шинъ, остальныя деревни пользовались пастбищами. Названные дымы за право водворенія на бекскихъ земляхъ и пользованія ничтожнымъ количествомъ земли платили по обоюдному соглашенію: жители дер. Шинъ—67 дым.—105 р., 50 дым. дер. Калоджикъ—85 р. въ годъ, жители дер. Кюхнетъ, Мичихъ, Лаза ничего не платили и никакихъ повин-

ностей и не отбывали. 100 дымовъ Нухинскаго у. въ разныхъ деревняхъ оказалось такихъ, которые, хотя и жили въ бекскихъ имѣніяхъ осѣдло, но, не располагая рабочимъ скотомъ, не имѣли возможности заниматься земледѣліемъ; названные поселяне занимались въ садахъ бековъ шелководствомъ; беки имъ давали свои сѣмена, а урожай дѣлился пополамъ, иногда владѣльцы брали $^3/_5$ урожая, но въ тѣхъ случаяхъ, когда они принимали участіе въ огораживаніи и удобреніи садовъ; наконецъ, были и такіе поселяне, которые никакой осѣдлости не имѣли, не занимались садоводствомъ, не имѣли никакого хозяйства, занимались промыслами, и были свободны отъ платежей и повинностей бекамъ. Въ Эриванской губ. въ одномъ только Эриванскомъ у. всѣ поселяне, безъ исключенія, имѣли усадебную осѣдлость, но не болѣе $^1/_3$ изъ нихъ были надѣлены землей, въ Нахичеванскомъ у. то же самое, до 400 семействъ имѣли жилую осѣдлость, но землей надѣлены не были; а въ Эчміадзинскомъ—были одни безземельные, располагающіе одной осѣдлостью до 800 дым., только въ Новобаязетскомъ у. не оказалось безземельныхъ поселянъ, живущихъ въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ.

Что касается устройства поселянскихъ и владѣльческихъ имѣній, то они представляли слѣдующую картину: въ бекскихъ имѣніяхъ Елисаветпольской губ. поселянскія угодія не отдѣлялись отъ землевладѣльческихъ, ими поселяне и землевладѣльцы пользовались сообща и чрезполосно; никакого обычая относительно того, какое количество земли должно оставаться за землевладѣльцами послѣ надѣленія поселянъ не существовало; обычно усадьбы состояли: изъ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній, домовъ или землянокъ, конюшни — *тавла*, буйлятника — *паія*, гумна — *хырманъ*, мякинника—*саманлыкъ*, сараевъ для воспитанія шелковичныхъ червей — *дая*; въ Шушинскомъ и Нухинскомъ у. не только выгонъ, но гумна и мякинники включались въ общій поселянскій надѣлъ, въ другихъ уу. выгонъ въ составъ усадьбы не входилъ. Въ Елисаветпольскомъ у. никакихъ фабрикъ, заводовъ и маслобоенъ не было и потому не могла возникать рѣчь о причисленіи или отчисленіи ихъ отъ усадебной осѣдлости; мельницы въ уѣздѣ устраивались и эксплуатировались

по частнымъ соглашеніямъ; пчельники и огороды съ бостанами не входили въ составъ усадебнаго мѣста, а причислялись къ надѣламъ и поселяне облагались платежами въ размѣрѣ 1/10 съ урожая; такой же порядокъ существовалъ и въ Шушинскомъ у., гдѣ владѣлецъ взымалъ 1/10 съ мельницъ и маслобоенъ. Въ Зангезурскомъ и Нухинскомъ у. были иные порядки: огороды и пчельники входили въ составъ усадебнаго надѣла, въ Нухинскомъ у. съ огородовъ и бостановъ владѣлецъ получалъ 1/10 урожая. Въ названныхъ уу. мельницы всегда устраивались съ дозволенія владѣльца, за что въ Зангезурскомъ у. хозяинъ мельницы дѣлалъ землевладѣльцу единовременный подарокъ не свыше 8 р. и въ рѣдкихъ имѣніяхъ ежегодная плата достигала—3 р., а въ Нухинскомъ у. землевладѣлецъ съ мельницы получалъ 1/10 съ дохода. Въ Эриванской губ. всѣ земли мюлькодарскихъ, деревень „вездѣ безъ исключенія, въ полномъ распоряженіи водвореннаго на ней общества". Какъ бы велико или мало ни было количество земли въ деревняхъ, но безразлично, она дѣлилась на 6 *ахчей*—частей, изъ каждой части мюлькодару, согласно старымъ обычаямъ, выдѣляется не болѣе 2-хъ *халваровъ;* (*халваръ* —площадь земли, засѣваемая 30 п. пшеницы халваръ = 10 самарамъ; *самаръ* = 10 *батманамъ;* халваръ примѣрно 2¼ дес. или 2400 кв. с.), за эту землю мюлькодаръ обязанъ платить обществу ежегодно поземельную подать для взноса въ казну, въ числѣ общаго оклада, которымъ обложена деревня; мюлькодаръ не получаетъ вовсе выдѣла, если деревня малоземельна. Что же касается усадебъ въ мюлькодарскихъ деревняхъ, то онѣ состояли изъ двора—*гаятъ* и жилого покоя или сакли; въ смежности устраивались кладовыя или амбаръ, конюшня—*тавла*, у болѣе зажиточныхъ буйлятникъ —*дмодушъ-ери* (татарск.), *гомишнаричехъ* (армянск.), овчарникъ —*архачъ;* гумно—*хоманъ* (татарск.), *колеръ* (арм.); мякинникъ —*саманлыкъ* (тат.), *дармананузъ* (арм.); скотный дворъ — *малыри* (арм.), *ана сунитехъ* (арм.), дровникъ—*одунъ* (тат.), *дама* (арм.) и наконецъ, мѣста для навоза, гдѣ изготовлялся кизякъ. Въ Эриванской губ. — выгонъ для скота не входилъ въ составъ усадьбы, и не находился въ смежности съ поселянскими землями и хозяйственными строеніями; обычно весь деревенскій скотъ пасся вмѣстѣ подъ надзоромъ нанимаемыхъ обществомъ *куругчей* или пастуховъ.

Въ составъ надѣла входили земли подъ торговыя и промышленныя заведенія, огороды (бостаны), пчельники и другія угодія. Мюлькодары получали съ огородовъ багры по 80 к. Мюлькодары запрещали живущимъ на мюлькодарскихъ земляхъ возводить промышленныя заведенія, хотя распоряженіе Намѣстника 16 февр. 1862 г. гласило, что „какъ мюлькодары не могутъ располагать въ своихъ деревняхъ землями, состоящими въ непосредственномъ пользованіи живущихъ на нихъ казенныхъ поселянъ, то не имѣютъ права воспрещать имъ строить мельницы на этихъ земляхъ, за которые мюлькодары получаютъ уже извѣстный доходъ“.

Въ Ахалцихскомъ у. отдѣльныхъ имѣній числилось 165, а владѣльцевъ ихъ 85; изъ нихъ бековъ 14 семействъ, ага—13, остальныя 58 семействъ принадлежали частью потомственнымъ дворянамъ, частью личнымъ, 3 — горожанамъ, пріобрѣвшимъ имѣніе отъ бековъ и ага, 4 — не дворянамъ, перекупившимъ населенныя имѣнія; изъ владѣльцевъ не дворянъ, нѣкоторые пріобрѣтали пустоши и заселяли ихъ государственными поселянами по письменнымъ или частнымъ условіямъ, заключеннымъ безъ срока. По податнымъ спискамъ Закавказской Казенной Палаты поселяне живущіе въ общихъ имѣніяхъ казны и частныхъ лицъ, дѣлятся на живущихъ на частныхъ земляхъ и на земляхъ казенныхъ, но по мнѣнію Тифлисскаго губернатора Орловскаго, такое дѣленіе не соотвѣтствовало дѣйствительности потому, что по цѣлости и нераздѣльности имѣнія нельзя было опредѣлить, кто изъ поселянъ занимаетъ казенныя и кто частныя земли. По табелямъ казенной Палаты и камеральному описанію всѣхъ дымовъ поселянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, а также земляхъ общихъ съ казной было 3.059 дым. или 12.856 д. м. п. Изъ этого числа почти всѣ были надѣлены землями, до 40 дымовъ *паракānda*—поселянъ имѣли одну лишь усадебную осѣдлость, и никакихъ повинностей владѣльцу не уплачивали. Землевладѣльцы и поселяне такъ располагали землями, что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ земли владѣльцевъ отдѣлялись отъ земель находящихся въ пользованіи поселянъ, въ большинствѣ случаевъ и здѣсь земли тѣхъ и другихъ были чрезпо-

лосны; земли, находящіяся въ непосредственномъ распоряженіи владѣльцевъ, назывались *чифтлыкъ*, размѣръ ихъ не опредѣлялся ни обычаемъ, ни правилами. Крестьянскія усадьбы въ Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ., *чар-кеша* состояли изъ жилыхъ—*эвъ* и хозяйственныхъ строеній вмѣстѣ —*хуверъ*, въ усадьбѣ находились: скотные дворы — *хаглъ*, буйлятники — *ахоръ*, гумна *харманъ*, навѣсы при гумнахъ— *карапанъ* и мякинники — *маракъ*; около самыхъ усадебъ нѣкоторые поселяне имѣли выпуски для скота—скотный дворъ; помимо нихъ устраивался общій выпускъ для скота внѣ селенія—*нахирга*; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ около самыхъ усадебъ устраивались маслобойни — *бизирханъ*; пчельники изъ небольшого числа ульевъ, переносимыхъ на зиму въ домъ, съ каждаго такого улья владѣльцы земли взыскивали по $1^1/_2$ ф. меду; устраивали поселяне и мельницы, съ которыхъ отъ каждаго камня владѣльцы получали 1 р. 20 к. въ годъ. Огороды и бостаны въ усадьбу не включались и за нихъ отбывались повинности изъ нѣкоторыхъ частей урожая; но къ усадебной землѣ причислялась *паспасмалагъ*, т. е. мѣсто для заготовленія кизяка и *халагъ* — мѣсто ихъ склада. За усадебную землю обычно повинность не отбывалась. Въ Сартачальскомъ уч. и Борчалинскомъ у., Тифлисской губ. земли подъ усадьбами въ агаларскихъ имѣніяхъ включались въ общее число надѣла, въ общій разсчетъ поселянскихъ повинностей; если поселяне на усадебной землѣ разводили огороды, съ нихъ владѣльцы получали $^1/_{10}$.

Размѣръ земли подъ поселянскими усадьбами.

Въ Елисаветпольской губ. количество земли, занятое подъ поселянскими усадьбами не было опредѣлено, оно различно колебалось. Въ низменныхъ мѣстахъ, въ имѣніяхъ осѣдлыхъ онѣ занимали отъ 400 до 1000 кв. с., такіе размѣры усадебъ были сравнительно рѣдки, обыкновенный размѣръ составлялъ отъ 200 до 400 кв. с.; въ селеніяхъ кочевыхъ и нагорныхъ, усадебная земля никакого значенія не имѣла; жилыя и хозяйственныя постройки скучивались въ одномъ мѣстѣ и каждая усадьба самостоятельно занимала нѣсколько квадратныхъ саженъ земли, совершенно неудоб-

ной и безцѣнной, такъ въ татарскихъ селеніяхъ, кочевьяхъ Шушинскаго и Нухинскаго у. средній размѣръ десятины составлялъ *окъ*—одну дес.

Въ Армянскихъ деревняхъ на одной десятинѣ устраивались отъ 8 до 16 усадебъ; въ Зангезурскомъ у. усадьба въ среднемъ занимала 1/5 дес. или 500 кв. с.; мѣстныя власти и сами владѣльцы затруднялись опредѣлить стоимость усадебъ, потому что не было примѣровъ ихъ продажи; сама по себѣ цѣнность усадебной земли не представлялась значительной; въ нѣкоторыхъ осѣдлыхъ имѣніяхъ, на низменности усадебная земля имѣла нѣкоторое значеніе и цѣнность, но въ кочевыхъ мѣстахъ и нагорныхъ усадьба уже не представляла никакой цѣнности, какъ относительно растительности на ней, такъ и относительно расположенія самой усадьбы. Въ общемъ цѣнность усадьбы, расположенной на скатахъ горъ, была не высока, и равнялась цѣнности пастбищной, на низменности выше. Въ Зангезурскомъ у. усадебная земля оцѣнивалась отъ 1 р. до 5 р.; низкая цѣнность усадебной земли зависѣла отъ того, что ее мало эксплуатировали, а это происходило въ свою очередь отъ того, что подъ усадьбы старались использовать наименѣе пригодныя для хозяйственныхъ цѣлей площади.

Въ Эриванской губ. опредѣленнаго размѣра надѣла на дымъ не существовало, опредѣленіе надѣла зависѣло отъ общественной сходки, и надѣленіе находилось всецѣло въ рукахъ общества, тѣмъ не менѣе жизнь, практика выработала опредѣленныя нормы усадебной осѣдлости; въ Новобязетскомъ у. подъ усадьбу отводилось примѣрно отъ 20 до 30 кв. саж., въ Нахичеванскомъ отъ 120 до 300 кв. с., примѣнительно къ численности семьи. Въ противоположность Елисаветпольской губ.—въ Эриванской губ. стоимость усадебной земли была выше, но цѣнилась не столько сама усадьба, сколько находящіяся въ усадбѣ постройки и сады; опредѣлить въ точности цѣнность усадьбы и здѣсь затруднялись заинтересованныя лица, такъ какъ земля не составляла собственности поселянъ, а потому не могла быть продана, допускалась лишь уступка права взиманія дохода; но въ мѣстностяхъ, входящихъ въ систему орошенныхъ земель стоимость усадебной земли доходила до 20 р., ближе къ городу до 50 р.,

въ гористыхъ мѣстахъ до 5 р. Тоже самое приходится отмѣчать и для Ахалцихскаго у.; здѣсь поселянская усадьба занимала отъ 1/4 до 1 дня паханія и такъ какъ примѣровъ продажи, отчужденія права собственности на усадебную землю не было, то не была ясна стоимость усадебной земли. Для Ахалцихскаго у. важно еще то, что въ этомъ уѣздѣ не только усадебная земля, но и всякое недвижимое имущество, по преимуществу земля, не подвергалась продажѣ на правѣ полной собственности, продавалось или отчуждалось только право на доходъ имѣнія. Вообще слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайно характерное явленіе въ мусульманскихъ провинціяхъ: крайне низкую цѣнность усадебной земли и малое ея значеніе въ хозяйственномъ строѣ жизни; когда усадьбы не представляли цѣнности для скотовода кочевника, то это вполнѣ ясно, потому что для него усадьба представляетъ лишь временную стоянку, а такихъ стоянокъ у кочевника было много; совсѣмъ иное дѣло у осѣдлыхъ поселянъ, усадебная осѣдлость по преимущесту выбиралась изъ малопригодныхъ для обработки земли, мѣстъ, очевидно въ томъ расужденіи, что земля подъ усадебной осѣдлостью въ хозяйственномъ отношеніи потеряна.

Поселянскія угодія.

Въ Елисаветпольской губ. на бекскихъ земляхъ поселяне устраивали тутовые, шелковичные, виноградные и фруктовые сады. Въ низменности преобладали шелковичные сады, тутовые, виноградные были весьма незначительны, потому что они сажались вмѣстѣ съ тутовыми и фруктовыми деревьями, около которыхъ и вились лозы.; въ деревняхъ расположенныхъ въ предгорьяхъ преобладали виноградные и фруктовые сады; шелководствомъ занимались въ небольшихъ размѣрахъ, въ тутовыхъ гнали водку. Цѣнность различныхъ садовъ была неодинакова, ходячей средней цѣнности ихъ не было, ибо продажа садовой земли представляла явленіе искючительное. Въ Елисаветпольскомъ у. цѣнность десятины подъ шелковичными садами опредѣлялась около 150 р , подъ виноградникомъ около 80 р.; въ Зангезурскомъ, въ нагорной части, гдѣ разводились только фрукто-

вые сады, частью виноградные, стоимость десятины опредѣлялась около 20 р., а на низменности, въ мѣстахъ разведенія преимущественно шелковичныхъ садовъ до 50 р. и болѣе, и приравнивалась цѣнности поливной земли, засѣваемой чалтыкомъ. По мнѣнію Нухинскаго у. ѣзднаго начальника, цѣнность садовой земли зависѣла отъ густоты населенія, а не отъ различныхъ насажденій; въ мѣстахъ болѣе населенныхъ садовая земля стоила 50 р., менѣе населенныхъ— 30 р. Земля подъ поселянскими садами въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ занималась безплатно, а потому рыночная цѣна на нее не существовала, цѣнились насажденія, орошеніе, близость къ городу. Право пользованія халваромъ виноградника въ Эриванскомъ у. стоило до 200 р.; въ Нахичеванскомъ у. фруктовый садъ, мѣрою 120 кв. с. 7—10 р., удаленный отъ города 4—2 р.; въ Эчміадзинскомъ у. фруктовый садъ на возышенныхъ мѣстахъ, мѣрою одинъ халваръ, цѣнился отъ 50 до 200 р., а на плоскости по размѣрамъ производительности до 1000 р. за дес.

Поселянскіе надѣлы.

Размѣры и обычаи поселянскаго надѣленія представляли въ мусульманскихъ провинціяхъ невѣроятное разнообразіе, которое не подлежало никакому учету; въ способахъ надѣленія, въ пріемахъ опредѣленія нормъ надѣленія нельзя уловить никакой опредѣленной руководящей идеи. Разнообразіе и пестрота надѣловъ наблюдается не только въ предѣлахъ различныхъ губ., но въ предѣлахъ одной и той же губерніи. Такъ въ Елисаветпольскомъ у. въ большей части бекскихъ имѣній на поселянскій дворъ приходилось не болѣе 10 дес. т. е. по $3^1/_3$ дес. на душу; въ Шушинскомъ у. съ неудобной и пастбищной болѣе 5 дес. на душу; въ Нухинскомъ приблизительно свыше 15 дес. на дымъ; за то въ кочевыхъ обществахъ среднимъ числомъ на дымъ причиталось около 20 дес., а кое-гдѣ и болѣе. Въ Эриванской губ. на дымъ въ мюлькодарскихъ деревняхъ въ среднемъ не болѣе $1^1/_2$ халвару полевой земли, на д. м. п.—по $^1/_2$ халвару. Въ многоземельныхъ мюлькодарскихъ имѣніяхъ Нахичеванскаго у. приблизительно 10—15 пуд. посѣва; пуд.=120 кв. с.

на душу; въ малоземельныхъ 5—10 пуд. посѣва; въ Эчміадзинскомъ на дымъ полевой земли—отъ 3 и 6 до 12 халваровъ, смотря по общему количеству земли, занимаемой обществомъ, въ Новобаязетскомъ у. до 7 халваровъ на дымъ. Въ Ахалцихскомъ у. среднимъ числомъ на дымъ 31 день паханія.

Порядокъ землепользованія.

Въ Елисаветпольскомъ, Шушинскомъ, Зангезурскомъ уу. Елисаветпольской губ. былъ распространенъ подымный порядокъ землепользованія; но право распоряженія земельными участками принадлежало въ первыхъ двухъ уѣздахъ помѣщику; въ Зангезурскомъ у. при переходѣ, поселянинъ на основаніи обычая, сохранялъ право продажи или уступки принадлежащихъ ему жилыхъ строеній, садовъ и мельницы; а состоявшія въ его пользованіи пахатныя земли, пастбища поступали въ распоряженіе общества, которое такіе оставшіеся участки обращало для удовлетворенія недостаточныхъ членовъ общества. Въ большей части Нахичеванскаго у. въ бекскихъ имѣніяхъ земля состояла въ общинномъ пользованіи; земля ежегодно распредѣлялась между поселянами, по распоряженію общества; но этотъ порядокъ пользованія не исключалъ и порядка подымнаго, преимущественно въ селеніяхъ гористыхъ. Если пользовавшійся землей покидалъ ее и уходилъ изъ общества, то она поступала въ распоряженіе общества, которое уже отъ себя надѣляло односельцевъ въ цѣляхъ уравненія землевладѣнія, но это происходило съ вѣдома владѣльцевъ имѣнія. Въ Эриванской губ. въ мулькодарскихъ имѣніяхъ царилъ общинный порядокъ пользованія; общество распредѣляло участки между членами по мірскому приговору; участки выбывшихъ членовъ общества то же по общественнымъ приговорамъ отдавались или новымъ поселенцамъ или же старымъ членамъ. Мюлькодаръ обычно въ эти распоряженія не вмѣшивался, онъ только сохранялъ за собою право на полученіе извѣстнаго дохода. Въ Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ. порядокъ пользованія землей былъ тоже подымный, но поселянскія общества правомъ передѣла не пользовались, потому что участки состояли въ наслѣдствен-

номъ пользованіи; бывали неоднократно примѣры, что упразднившіеся участки земледѣльцевъ, переселившихся въ Турцію, оставались въ распоряженіи общества и въ такихъ случаяхъ эти земли обществомъ предоставлялись малоземельнымъ поселянамъ, которые и принимали на себя отвѣтственность въ платежахъ, какъ казенныхъ, такъ и повинностей, присвоенныхъ владѣльцамъ земли.

Поселянскія повинности за надѣлы.

Въ Елисаветпольской губ. поселяне въ имѣніяхъ бековъ остались при тѣхъ надѣлахъ, которые существовали до изданія Положенія, не было произведено никакихъ ни прирѣзокъ, ни отрѣзокъ. Если кое-гдѣ отрѣзки и прирѣзки были произведены, то въ исключительныхъ случаяхъ такъ въ Зангезурскомъ у. прирѣзка земли была произведена для малоземельныхъ поселянъ; по указанію общества, эти земли отрѣзывались у односельцевъ, у которыхъ земли было больше. Пространство земельнаго надѣла опредѣлялось количествомъ высѣваемаго зерна, или количествомъ времени, потребнымъ для распашки, но ни тотъ, ни другой способъ не могъ гарантировать точности надѣленія. Одинъ и тотъ же участокъ засѣвался пшеницей или ячменемъ въ 3 года одинъ разъ; годъ участокъ эксплуатировался, 2 года отдыхалъ; чалтыкъ—въ 4 года разъ, ибо посѣвы чалтыка сильнѣе изнуряли землю. Земля не засѣянная превращалась въ мѣсто для пастьбы скота; въ бекскихъ имѣніяхъ Елисаветпольской губ. не было обязательнаго надѣленія.

Земли, состоящія въ пользованіи поселянъ, были обложены повинностями, которыя также значительно разнообразились по мѣстамъ, но не смотря на это въ нихъ можно уловить опредѣленную систему. Наиболѣе общей повинностью для всѣхъ мусульманскихъ провинцій слѣдуетъ признать *малджегатъ* въ другихъ она называется *багра*, повинность, состоящая въ платежѣ изъ части урожая земными произведеніями. Въ громадномъ большинствѣ мѣстъ эта повинность взымалась натурой и только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ деньгами, какъ Елисаветпольскомъ, Нухинскомъ,

напримѣръ; иногда эта повинность замѣнялась, какъ въ Елисаветпольскомъ у. рабочими днями; въ Шушинскомъ и Зангезурскомъ у. размѣръ повинности малджегатъ по соглашенію замѣнялся взносомъ денегъ, въ первомъ у. примѣнительно къ торговымъ цѣнамъ на продукты той мѣстности, куда должны были доставить продуктъ, во второмъ съ присоединеніемъ къ стоимости продуктовъ и стоимости доставки. Въ общемъ малджегатъ почти повсемѣстно въ мусульманскихъ провинціяхъ составлялъ $^1/_{10}$ урожая. Поселянамъ, за отсутствіемъ денегъ удобно было вносить повинности натурой; самый способъ взыманія повинности счетомъ сноповъ, взвѣшиваніемъ коконовъ представлялъ большія неудобства особенно для крупныхъ землевладѣльцевъ, которые замѣняли этотъ порядокъ способомъ нагляднаго опредѣленія по полюбовному соглашенію; малджегатъ съ виноградныхъ и тутовыхъ садовъ всегда собирался по наглядному обоюдному соглашенію, несмотря на всѣ неудобства повинности рѣдко перелагались на деньги. Въ бывшихъ татарскикъ дистанціяхъ Грузіи малджегатъ или багра взымалась также натурою, но бывали и исключенія; въ сел. Дюгорлюдатъ агалары получали съ дыма 2 р. 40 к., въ сел. Юхарлы-Айлы — 3 р. съ дыма. Съ садовъ сел. Камарлы, сплошь виноградныхъ — $^1/_{10}$ съ урожая; съ садовъ сел. Каймахлы и Асланбіеглы по соглашенію съ агаларами, смотря по урожаю, общая сумма —со всѣхъ виноградниковъ отъ 60 до 250 р., въ сел. Демурчиларъ съ фруктовыхъ садовъ агалары получали отъ 2 до 50 р., въ сел. Татлы—1 р. и т. д. Несмотря на всѣ неудобства, сопряженныя со взносами повинностей натурой поселяне не соглашались замѣнять этихъ взносовъ денежными. Въ Борчалинсломъ у., Тифисской губ. малджегатъ составлялъ $^1/_{10}$ урожая, который иногда замѣнялся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по взаимному соглашенію денежными взносами отъ 3 до 4 р. за четверть, смотря по урожаю, въ эту сумму включались и расходы по доставкѣ владѣльцу малджегата до 50 в. растоянія отъ мѣста сбора продукта; въ сел. Караотоларъ Сартачальскаго участка взималась $^1/_{10}$ и съ виноградныхъ садовъ. Въ Ахалцискомъ у., той же Тифлисской губ. багра, часть урожая съ земныхъ произведеній, вносилась зерновыми продуктами и уплачивалась въ зер-

нахъ, саманъ оставался въ пользу поселянина, багра сдавалась сборщику владѣльца, *юзбашу*; большею частью багра доставлялась владѣльцу средствами поселянина. Что касается части багры, то въ Ахалцискомъ у., какъ нигдѣ въ мусульманскихъ провинціяхъ, размѣръ багры не былъ опредѣленъ и представлялъ значительныя колебанія, взымалась $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_7$, $^1/_8$ съ урожая земныхъ произведеній; къ этимъ частямъ присоединялись приношенія сыромъ, птицей, барашками, деньгами, такая сравнительно высокая повинность отчасти объясняется тѣмъ, что въ Ахалцихскомъ у. не отбывали повинности рабочими днями. Относительно Ахалцихскаго у. вообще надо отмѣтить, что здѣсь правильныхъ отношеній въ отбываніи повинностей не было, все зависѣло отъ простого произвола помѣщиковъ и степени внимательнаго отношенія мѣстнаго начальства. За пахатныя земли, находящіяся въ непосредственномъ распоряженіи поселянъ, за земли, называемыя „чифтлыкъ", взыскивали съ пользующихся ими поселянъ $1/2$ урожая; мѣстныя власти настойчиво указывали на несоблюденіе многихъ правительственныхъ распоряженій, такъ распоряженіями кн. Нейдгардта 24 янв., 25 фев. и 15 іюня 1844 года установлено, что „разъясненіе поземельныхъ отношеній поселянъ къ владѣльцамъ только отчасти можетъ устранить тѣ споры и неудовольствія, которыя безпрестанно возникаютъ между ними; главная же причина заключается въ томъ, что поземельныя права собственности владѣльцевъ въ Ахалцихскомъ у. со времени присоединенія онаго къ Россійской Державѣ не были разсмострены и утверждены", многіе изъ владѣльцевъ пріобрѣли права отъ переселившихся въ Турцію бековъ, пріобрѣли „право пользованія частію доходовъ подъ названіемъ ахча, уже затѣмъ при русскомъ правительствѣ усвоили себѣ право собственности на самыя земли, занимаемыя казенными поселянами", и тогда еще Нейдгардтъ полагалъ, что „безотлагательное опредѣленіе поземельнаго права собственности въ Ахалцихскомъ у. составляетъ первостепенную важность". Однако, отношенія далеко улажены не были.

Кромѣ малджегата поселяне мусульманскихъ провинцій были обложены рядомъ весьма серьезныхъ повинностей.

6

Къ числу послѣднихъ относилась повинность по доставкѣ владѣльцу прислуги. Способъ отбыванія этой повинности не вездѣ былъ одинаковъ. По Елисаветпольскому у., въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, прислуга назначалась по очереди съ каждаго семейства, въ другихъ она назначалась обществомъ, съ согласія назначаемаго; иногда прислуга замѣнялась деньгами, въ такихъ случаяхъ каждые десять дворовъ платили въ годъ по 2 р.; въ Шушинскомъ у. прислуга назначалась самими поселянами изъ бѣднѣйшихъ семействъ по очереди или нанималась за счетъ поселянъ изъ постороннихъ лицъ или кочевьевъ; въ Зангезурскомъ у. прислуга не выставлялась вовсе, землевладѣльцы вмѣсто прислуги получали съ дыма по 2 р.; въ Нухинскомъ у., наконецъ, прислуга никогда не требовалась и деньги не взыскивались, за исключеніемъ дер. Гюрджабатъ. Со времени изданія Положенія 1847 г. давать женскую прислугу было запрещено и взамѣнъ ея требовались деньги. Такой же порядокъ существовалъ въ Борчалинскомъ у., Тифлисской губ. и Сартачальскомъ участкѣ, но семейство, выставляющее прислугу, обычно семейство не имѣющее своего хозяйства, освобождалось отъ всякихъ другихъ податей и повинностей, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ; въ бывшихъ татарскихъ дистанціяхъ Грузіи, Казахской и Шамшадильской прислуга эта обычно называлась *нукерами*; болѣе состоятельные поселяне отъ этой повинности были освобождены и падала она на бѣдныхъ; здѣсь нукеры брались отъ многодушныхъ поселянъ, тоже безхозяйственныхъ съ освобожденіемъ отъ податей; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вмѣсто поставки нукеровъ отдѣлывались денежными платежами отъ 25 до 35 руб. за каждаго нукера, въ сел. Пейкаплы и въ с. Шихилы вмѣсто нукеровъ платили агаларамъ по 2 р. съ дыма.

Наиболѣе обременительной была повинность рабочими днями или работа на помѣщика; эта повинность также представляла очень большія разнообразія. Въ Елисаветпольскомъ и Шушинскомъ у. поселяне работали въ имѣніи 18 дней и Положеніе 1847 г. эту норму не измѣнило, мало того „ни владѣльцамъ, ни поселянамъ отношеніе количества земли къ числу душъ, подлежащихъ надѣламъ", не было извѣстно; отношеніе между надѣленіемъ

поселянъ и количествомъ тѣхъ рабочихъ дней, которые должны быть отбываемы въ пользу владѣльца не устанавливалось; въ Зангезурскомъ у. рабочіе дни обычно замѣнялись деньгами. Во всѣхъ обществахъ Нухинскаго у., кромѣ двухъ деревень, проживающихъ въ имѣніяхъ бековъ, казенные поселяне не отбывали этихъ 18 дней ни натурою, ни деньгами и беки никогда не предъявляли претензій. Въ Елисаветпольскомъ и Шушинскомъ у. повинность рабочими днями замѣнялась денежными взносами тамъ, гдѣ были крупные землевладѣльцы, которые не занимались собственнымъ хозяйствомъ; поселяне такихъ владѣльцевъ уплачивали съ дыма по 3 р. 60 к. или 20 к. за рабочій день въ Зангезурскомъ у.—по 4 руб. съ дыма, считая въ той суммѣ и эврезъ. Цѣнность рабочаго дня въ Елисаветпольской губ. не вездѣ была одинакова и колебалась она по мѣстамъ, средняя стоимость составляла 50—70 к., высшая въ лѣтніе рабочіе дни доходила до 1 руб. Въ Шамшадильской и Казахской дистанціяхъ рабочіе дни большею частію отбывались натурой, средняя оцѣнка рабочаго дня была около 50 к.; сел. Шихилы обязаны были 8 рабочими днями и взамѣнъ ихъ платили 2 р. съ дыма, въ другихъ селеніяхъ отъ 2 р. до 2 р. 40 к., а въ сел. Крагъ-Кясаманъ вмѣсто 8 рабочихъ дней давали голову сахара или овцу. Въ Борчалинлинскомъ у. и Сартачальскомъ у. были нѣсколько иные порядки; отбывали въ сел. Шулаверъ на основаніи предписанія Намѣстника отъ 8 авг. 1852 г.—5 дней и это число дней осталось постояннымъ; въ нѣкоторыхъ агаларскихъ деревняхъ рабочіе дни по обоюдному соглашенію замѣнялись денежной платой по 20—40 к., сред-няя цѣна рабочаго дня составляла около 30 к.

Владѣльцамъ мусульманскихъ провинцій принадлежало право управленія деревнями, въ которыхъ они осуществляли свои административныя права, за что и облагали поселянъ сверхъ уже отмѣченныхъ повинностей, еще одной за управленіе деревнями; повинность эта называлась *эврезъ*; въ 1861 г. эта повинность была — упразднена и владѣльцы были освобождены отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей по управленію деревнями. Эврезъ въ общемъ строѣ поселянскихъ платежей занималъ довольно серьезное мѣсто. Эврезъ

или вспоможеніе мірскою сходкой въ Елисаветпольскомъ у. и Шушинскомъ у. отбывался натурой, Зангезурскомъ — деньгами, въ Нухинскомъ обязательнаго эвреза не было. На эврезъ выходили лѣтомъ на жатву, осенью на пахоту съ быками. Стоимость рабочаго дня во время жатвы опредѣлялась въ 65 к., хорошему жнецу въ день платили 1 р.; день пахоты съ быкомъ оцѣнивался 1 р., плугъ 3 р. Если владѣлецъ не нуждался въ эврезной работѣ, то онъ получалъ 20 к. съ дыма. Хотя въ Нухинскомъ у. обязательнаго эвреза не было, но владѣлецъ обращался съ просьбой о помощи и отказа не бывало; выходили по желанію въ продолженіи года 1—2 дня, иногда и 3 дня, получали довольствіе отъ владѣльца.

Повинности за сады, огороды.

Повинности за сады, огороды въ мусульманскихъ провинціяхъ представляли вопросъ спорный, неясный для администраторовъ того времени, наблюдавшихъ и изучавшихъ жизнь, обычное право въ этомъ вопросѣ оказалось крайне эластичнымъ и своеобразнымъ. Въ Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ. съ фруктовыхъ садовъ требовалась повинность или деньгами по расцѣнкѣ 2—3 добросовѣстныхъ лицъ, избранныхъ владѣльцами и поселянами или натурой; когда владѣльцы отказывались получать деньгами, тогда часть слѣдуемая владѣльцу, получалась на мѣстѣ, гдѣ фрукты произрастали. Въ Борчалинскомъ у. поселяне также устраивали виноградные и фруктовые сады въ агаларскихъ имѣніяхъ, но въ сел. Шулаверы сады на основаніи предписанія Намѣстника Кавказскаго, отъ 8 августа 1852 г. составляютъ неотъемлемую собственность поселянъ, но эти сады не устраивались отдѣльно, они входили въ составъ усадебной осѣдлости; плодовыя, орѣховыя деревья, растущія среди поселянскихъ пашенъ въ Елисаветпольскомъ и Зангезурскомъ уу. не подчинялись никакимъ правиламъ относительно ихъ пользованія, въ Шушинскомъ, наоборотъ, облагались $^1/_{10}$ съ урожая. Въ агаларскихъ имѣніяхъ Елисаветпольской губ. вообще относительно пользованія орѣховыми, тутовыми, фруктовыми насажденіями не было никакихъ правилъ.

Пастбища.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья значительное мѣсто занимало занятіе скотоводствомъ, по этому обычное право очень рано должно было разрѣшить право пользованія лѣтними и зимними пастбищами (*кишляги, эйляги*). Въ Елисаветпольскомъ, Нухинскомъ, Шушинскомъ у., Елисаветпольской губ. пастбища существовали внѣ бекскихъ имѣній. Эйляги принадлежали казнѣ, кромѣ небольшой части ихъ въ Шушинскомъ у.; по ханскимъ талагамъ у бековъ пастбища состояли на правѣ собственности. Зимнія пастбища большею частью тоже принадлежали казнѣ, кое-гдѣ попадались и ханскія пастбища, пожалованныя бекамъ ханами. За пользованіе казенными пастбищами, зимними или лѣтними поселяне платили казнѣ подать—*чопбаши*, которая входила въ общій окладъ податей. За ятаги, напримѣръ въ 100 дес. по условію платили владѣльцамъ при среднемъ урожаѣ травъ въ сѣв. части Шушинскаго у. — 100 р., южной — 60 р.; въ Зангезурскомъ у. съ каждыхъ 100 шт. барановъ владѣлецъ бралъ одну голову; въ Нухинскомъ у. беки, на земляхъ которыхъ жили владѣльцы, пастбищъ не имѣли; одинъ владѣлецъ въ сел. Гирадулъ, имѣя пастбищныя мѣста, взымалъ 5 коп. съ барана за сезонъ, съ прочаго скота ничего. Въ Эриванской губ. на пастбищахъ мюлькодаровъ поселяне платили сабалахо съ каждыхъ 100 головъ крупнаго и мелкаго скота по 1 головѣ; но поселяне предпочитали пасти на казенныхъ мѣстахъ, гдѣ съ головы крупнаго скота платили по 10 коп., свиней—5 к., овецъ и козъ—по 1 коп. за лѣтній періодъ пастьбы (эйляги) и зимній (кишляги). Въ Ахалцихскомъ у. за пастбищныя мѣста платили или деньгами или масломъ и сыромъ. Въ Борчалинскомъ у. и Сартачальскомъ уч., за исключеніемъ двухъ деревень Сартачальскаго уч., пастбищныхъ мѣстъ не было, а въ этихъ деревняхъ пастбищныя мѣста входили въ составъ надѣла.

Въ Ахалцихскомъ у. ни въ одномъ селеніи не было введено отправленіе поселянами въ пользу владѣльцевъ рабочихъ дней. Положеніе о 6 рабочихъ дняхъ оказалось невыгоднымъ; считая отбываніе рабочихъ дней для себя обре-

менительнымъ, поселяне охотно согласились замѣнять ихъ другими повинностями, а землевладѣльцы, пользуясь своимъ правомъ, налагали на поселянъ значительныя повинности. Въ Ахалцихскомъ у. одинъ рабочій во время жатвы и сѣнокоса нанимался за плату отъ 35 до 50 к.; одна арба съ 1—4 или 5 паръ воловъ для перевозки съ поля хлѣба въ снопахъ или сѣна нанималась за плату отъ 1 р. 50 к. до 2 р. Въ Агаларскихъ имѣніяхъ въ Елисаветпольской губ. при усадьбахъ устраивались загороженныя мѣста, называемыя *чаперъ*; эти мѣста служили какъ для сѣнокоса, такъ и для выпаса небольшого количества скота, необходимаго для хозяйственнаго обихода, эти мѣста входили въ разсчетъ надѣла. Выгоновъ исключительно для скота не было не только у отдѣльныхъ поселянскихъ дымовъ, но ихъ было очень мало и общихъ; общіе выгоны устраивались въ селеніяхъ, прилегающихъ къ гористой мѣстности. Вообще скотъ выпасали на мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ былъ уже снятъ, на прошлогоднихъ пашняхъ, потому что земля послѣ 2-хъ лѣтней распашки и засѣва отдыхала по два года. Въ имѣніяхъ агаларовъ и меликовъ въ Борчалинскомъ у. и Сартачальскомъ уч. относительно выгоновъ и мѣстъ для пастьбы домашняго скота не было особо установленыхъ обычаемъ правилъ на томъ простомъ основаніи, что выгоны и мѣста для пастьбы домашняго рабочаго скота состояли въ общемъ пользованіи поселянъ съ владѣльцами и если поселяне рѣшали устроить овчарни, то помѣщики разрѣшали безпрепятственно и безвозмездно; въ Елисаветпольской губ. въ агаларскихъ имѣніяхъ замѣчалось то же самое относительно выгоновъ и мѣстъ для пастбищъ, въ Эриванской губ. во всѣхъ мюлькодарскихъ деревняхъ былъ общій выгонъ между поселянами и владѣльцами.

Пользованіе водопоемъ.

Въ Эриванской губ. во всѣхъ малькодарскихъ деревняхъ водопои для скота были общіе для владѣльцевъ и поселянъ, и никакихъ изъятій изъ этого обычая или правила не существовало; также общимъ былъ водопой и въ Ахалцихскомъ у.

Пользованіе лѣсомъ.

Въ Елисаветпольской губ. всѣ лѣса были признаны казенными, но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ бековъ въ Шушинскомъ, Зангезурскомъ, Нухинскомъ уу. остались лѣса, которые продолжали считаться частной собственностью бековъ; для пользованія ими для построекъ или топлива владѣльцы Шушинскаго у. отпускали весь этотъ матеріалъ по условной цѣнѣ. Въ Зангезурскомъ у. были лѣса принадлежащіе на правѣ собственности наслѣдникамъ Ахмедъ-Хана-Давудъ-Бека, и въ Нухинскомъ у. поселяне пользовались лѣснымъ матеріаломъ безвозмездно; въ Эриванской губ. лѣсовъ въ точномъ смыслѣ въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ не было; для топлива поселяне приготовляли кизякъ, частью пользовались обрѣзками виноградныхъ лозъ, вѣтвями, старыми фруктовыми деревьями; для построекъ брали лѣсъ изъ казенныхъ дачъ за плату или обходились тополемъ изъ своихъ насажденій или вербами, или, наконецъ, изъ спеціально разведенныхъ рощъ тополя въ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ уу. съ платой въ первомъ отъ 30 до 80 к. съ самара, Нахичеванскомъ по 30 к. съ пудового мѣста. Въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ въ Ахалцихскомъ у. были лѣса, право пользованія которыми было представлено поселянамъ; если поселяне вывозили строевой лѣсъ на продажу, то платили владѣльцу съ бревна отъ 10 к. до 30 к. и 1 руб., за топливо для собственнаго пользованія въ однихъ имѣніяхъ съ поселянъ ничего не брали, въ другихъ заставляли поселянъ доставлять дрова владѣльцу по 1 и 2 вьюка; при вывозѣ топлива на продажу, землевладѣльцы взыскивали съ владѣльца отъ 80 к. до 1 р. 50 к. съ сажени.

Оросительныя канавы.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ благодаря высокой температурѣ особенное значеніе пріобрѣли искусственныя оросительныя канавы, безъ которыхъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ представлялось немыслимымъ. Канавы не составляли частной собственности, оросительныя средства должны были обслуживать всѣхъ, а потому на всѣхъ поселянъ ложилась повинность наблюденія и несенія извѣстныхъ тру-

довъ и затратъ на содержаніе и подержаніе въ приличномъ состояніи оросительныхъ канавъ. Обычно во многихъ мѣстахъ, эти повинности входили въ составъ эврезныхъ, или какъ самостоятельныя, или дополнительныя, въ Елисаветпольской губ.; въ составъ эврезныхъ, какъ составная часть, въ Казахской и Шамшадильской дистанціяхъ. Въ Елисаветпольской губ., въ агаларскихъ имѣніяхъ исправленіе канавъ, мостовъ и пр., было возложено на общество, въ этихъ работахъ землевладѣльцы участія не принимали; повинность эта не была строго опредѣленной, вызывались поселяне, когда того требовали обстоятельства; въ Ахалцихскомъ у. поливныя земли поддерживались трудами и издержками поселянъ, землевладѣльцы, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ пользовались оросительными средствами одинаково съ поселянами, хотя въ большинствѣ случаевъ никакихъ расходовъ или участія въ поддержаніи ихъ не принимали. Вода распредѣлялась по заблаговременно установленной очереди, и отпускалась, сообразно съ количествомъ земли у поселянина, за распредѣленіемъ воды въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ слѣдили *суджи*, они получали вознагражденіе, не опредѣленное обычаемъ, но по уговору съ обществомъ; въ Шамшадильской и Казахской дистанціяхъ въ агаларскихъ имѣніяхъ стоимость эвреза по исправленію или новому устройству канавъ, мостовъ, дорогъ составляла не менѣе 1 р. 50 к.; *джуваръ*—или *дарга* — распредѣлитель воды вездѣ былъ общій, въ вознагражденіе его принимали участіе, какъ агалары, такъ и поселяне; джуваръ въ однихъ мѣстахъ получалъ 1 или 2 *чанахъ* (12 ф. или 1/4 четверк.) съ тагары пшеницы въ 30 чапанаховъ, въ др. отъ 2 до 10 чапанаховъ съ гумна, въ третьихъ по 10 чапанаховъ зерна отъ сохи; кое-гдѣ 2 чапанаха пшеницы и 2 чапанаха ячменя; въ Эриванской губ. уравнительное пользованіе водой производили *мирабы* и *джувары*, избираемые обществомъ, въ распоряженіи котораго вообще находились оросительныя канавы, но относительно пользованія оросительными канавами никакихъ положительныхъ правилъ не существовало; въ бекскихъ имѣніяхъ Елисаветпольскаго у. съ пары быковъ въ сохѣ джуваръ получалъ 1/2 чувала въ годъ, 2 части пшеницей, одну ячменемъ; въ Зангезурскомъ у. джуваровъ не было въ виду того, что посѣвы про-

изводились на возвышенностяхъ, гдѣ не было возможности устраивать канавы, въ низменности канавы были небольшія; въ агаларскихъ имѣніяхъ Елисаветпольскаго у. поливныя канавы исправлялись поселянами, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ съ участіемъ агаларовъ; для наблюденія за канавами назначались джувары, дарга; они слѣдили за распредѣленіемъ воды, не различая агалара и поселянъ; нѣкоторыми канавами пользовалось нѣсколько селеній; тогда каждое общество избирало своего канавщика, въ качествѣ надзирателя и распредѣлителя воды. Въ Борчалинскомъ у. были тѣ же порядки, здѣсь въ вознагражденіи джувара участіе принимали вмѣстѣ съ поселянами и землевладѣльцы, платили джувару, по мѣстному обычаю за поливную десятину по 40 к.; джуваръ безъ различія всѣмъ и агаларамъ и поселянамъ отпускалъ воду по очереди; исправленіе канавъ лежало на обязанности поселянскаго общества безъ участія землевладѣльцевъ; если поселяне, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, найдутъ нужнымъ провести новую канаву изъ имѣнія своего владѣльца для орошенія своихъ угодій, владѣлецъ не вправѣ препятствовать имъ въ этомъ, но если предполагается проведеніе канавы изъ имѣнія одного владѣльца въ имѣніе другого, то владѣлецъ вправѣ воспретить пользованіе такою канавою.

Способъ отбыванія повинностей и пользованія землей.

По вопросу о способѣ отбыванія повинностей мы въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья не встрѣтимъ единообразія. Въ имѣніяхъ бековъ Елисаветпольской губ. всѣ повинности отбывались подымно; въ Борчалинскомъ у. и Сартачальскомъ уч. сѣнокосами и пашнями пользовались общинно; поселянское общество пользовалось правомъ распоряженія землею, дѣлило и передѣляло землю между членами общества, распоряжалось ими при упраздненіи участковъ, принимая на себя отвѣтственность за отбываніе повинностей предъ землевладѣльцами. Въ Елисаветпольскомъ у. за повинности отвѣчало каждое семейство отдѣльно. Въ Шушинскомъ у., если владѣлецъ опредѣлялъ взносъ малджегата по соглашенію безъ счета споповъ или взвѣшиванія

коконовъ, то отвѣтственность въ исправномъ платежѣ принимало на себя общество, которое уславливалось съ владѣльцемъ, само раскладывало повинность по дымамъ, затѣмъ каждый дымъ отъ себя лично доставлялъ владѣльцу; если землевладѣлецъ при выдѣлѣ малджегата считалъ снопы, то вступалъ въ сношеніе черезъ своего довѣреннаго съ отдѣльнымъ дымомъ и повинность отбывалась подымно; повинность рабочими днями, прислугой, эврезъ исполнялись гдѣ подъ отвѣтственностью общества, гдѣ отдѣльнаго дыма.

О переселеніи поселянъ.

Поселяне мусульманскихъ владѣльцевъ покидали нерѣдко земли, гдѣ они были водворены и переселялись; въ Елисаветпольскомъ у. при переселеніи поселянъ съ согласія владѣльца, земля переселяющагося поступала въ пользованіе общества, а строенія и сады въ распоряженіе владѣльца, въ Шушинскомъ у. — переселяющіеся поселяне уступали односельцамъ сады, строенія; если этого не дѣлали, что очень рѣдко происходило, то земля съ согласія владѣльца поступала бѣднымъ членамъ общества. Въ Нухинскомъ у. со времени изданія Положенія 1847 г. переселенія участились на казенныя и др. земли, другіе—переселялись на земли, пріобрѣтенныя покупкой; при переселеніи дома и строенія поступали въ распоряженіе бековъ. Въ Шамшадильскомъ участкѣ было немало случаевъ переселенія на казенныя земли; здѣсь цѣлыя общества, переселяясь, оставляли земли агаларамъ; пашни и сѣнокосы поступали въ собственность агаларовъ, послѣдніе раздавали ихъ малоземельнымъ и безземельнымъ поселянамъ; сады большей частью оставались въ рукахъ агаларовъ; въ Ахалцихскомъ у. переселенія поселянъ на казенныя и церковныя земли были рѣдки; при побѣгахъ и переселеніи въ Турцію, сады оставлялись землевладѣльцами въ своемъ распоряженіи, огороды и полевыя земли въ однихъ мѣстахъ переходили въ распоряженіе общества, въ другихъ—владѣльцевъ. Гдѣ земли переселившихся поселянъ оставляли владѣльцы за собой, тамъ поселяне оказывались обиженными, такъ какъ за бѣжавшихъ приходилось обществу платить повинности, землями же пользовались владѣльцы;

землевладѣльцы находили выгоднымъ для себя сдавать упразднившіеся участки поселянамъ или постороннимъ, потому что сдавали изъ $^1/_2$.

Денежная повинность кочевыхъ жителей.

Въ Елисаветпольскомъ, Шушинскомъ у. спеціальной повинности съ кочевыхъ жителей не существовало, потому что въ этихъ уѣздахъ кочевники имѣли, правда, въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, земли пахатныя, садовыя, огородныя, и платили они не только по 4 р. за право кочевья, но и поставляли прислугу натурой или деньгами, малджегатъ изъ $^1/_{10}$ урожая. У кочевыхъ земель было болѣе, чѣмъ у осѣдлыхъ и они распахивали не одно и то же количество и часто мѣняли пашни. Въ Зангезурскомъ у. два бекскія селенія не получили достаточнаго надѣла пахатной земли: сел. Чуллу и Хотананъ, въ первомъ поселяне имѣли 50 дес. надѣла и платили по 4 р. съ дыма и чопбаши; во второмъ, по неимѣнію достаточнаго количества земли давали только 4 р. за право зимовки. Въ Нухинскомъ у. кочующихъ обществъ, не получившихъ надѣла землею подъ пашни и сады, оказалось восемь, эти общества занимались скотоводствомъ, главнымъ образомъ овцеводствомъ, для чего нанимали пастбища. Кочевье, называемое Муртузали-бейлы изъ 7 дымовъ не водворялось на одномъ мѣстѣ и не кочевало по примѣру другихъ, а держалось земли одного владѣльца и платило ему за угодья не по 4 р. съ дыма, какъ было положено, а 20 р. въ годъ со всего кочевья, а находилось въ ихъ пользованіи 90 десятинъ.

Все безконечное разнообразіе отношеній между поселянами и владѣльцами, создавшееся обычнымъ правомъ, прочно укоренившееся въ сознаніи поселянъ должно было нивеллировать новое Поселянское Положеніе, подвести ихъ подъ однообразныя и типичныя формы, вмѣсто шаткаго обычнаго права установить прочныя нормы закона, создать правовой гражданскій строй. Задача была сложная и трудная и тѣ, которымъ пришлось практически осуществлять нормы Поселянскаго Положенія, среди невѣжественнаго населенія, не мало труда положили на осуществленіе задачи.

II.

Реформа сословно-поземельныхъ отношенiй въ Кубинскомъ у., Бакинской губ.

I.

Характеристика сословно-поземельныхъ отношенiй въ Кубинскомъ у., Бакинской губ.

Въ примѣч. 4 къ Высочайше утвержденному $^{14}/_{16}$ мая 1870 г. Положенiю о поземельномъ устройствѣ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословiя, а также меликовъ изъ армянъ въ губернiяхъ Закавказскаго края было постановлено, что примѣненiе новаго Положенiя къ Кубинскому уѣзду, Бакинской губ. предоставляется усмотрѣнiю Намѣстника Кавказскаго. Поводомъ къ изданiю этого примѣчанiя послужило соображенiе Комитета объ устройствѣ поселянъ, отъ 16 янв. 1869 г., по которому проектированное Поселянское Положенiе не признавалось возможнымъ распространить на Кубинскiй у. до тѣхъ поръ, пока не будутъ точно выяснены не только поземельныя права владѣльцевъ, но и поземельныя отношенiя между владѣльцами и поселянами въ этомъ уѣздѣ, необходимость такого выясненiя въ свою очередь обусловливалась, по мнѣнiю мѣстныхъ властей, отличительными чертами отношенiй въ Кубинскомъ у., сравнительно съ другими частями мусульманскихъ провинцiй Закавказья. Въ февралѣ 1873 г., начальникъ Главнаго Управленiя бар. Николаи и предложилъ Бакинскому губернатору доставить необходимыя свѣдѣнiя и соображенiя относительно того, на какихъ началахъ можетъ быть допущено примѣненiе Поселянскаго Положенiя къ Кубинскому у. Въ Бакинскомъ по поселянскимъ дѣламъ присутствiи никакихъ данныхъ не оказалось и начали поэтому собирать необходимыя свѣдѣнiя, на что ушло немало времени. Характернымъ является въ данномъ случаѣ то, что убѣжденiе о разницѣ въ условiяхъ жизни Кубинскаго у., сложилось у мѣстной администрацiи лишь на основанiи поверхностнаго

наблюденія, и не было слѣдствіемъ знакомства съ дѣломъ по существу. По постановленію, отъ 5 мая 1873 г. въ Кубинскій у., для ознакомленія съ мѣстными отношеніями, былъ командированъ Джеватскій Мировой Посредникъ шт. кап. Старцевъ.

Изслѣдованіе Старцева привело къ слѣдующимъ выводамъ: вся земля Кубинскаго ханства, покореннаго въ 1806 г., въ эпоху его самостоятельнаго существованія, составляла неотъемлемую собственность одного только хана, какъ верховнаго повелителя въ ханствѣ; на этихъ земляхъ были водворены поселяне, которые обрабатывали ее и обязаны были они хану однородными, разъ на всегда установленными, повинностями. Ханъ по своему усмотрѣнію предоставлялъ бекамъ право получать доходъ съ того или другого имѣнія, но это право всегда имѣло характеръ условный и временный, ибо оно давалось или за личныя услуги хану, или за какое-нибудь отличіе, или же, наконецъ, за общественную службу бека, такимъ образомъ, собственникомъ всегда оставался ханъ, онъ отчуждалъ бекамъ одни лишь доходы съ земель, и ни въ коемъ случаѣ бекъ не остановился собственникомъ земли, слѣдовательно, поселяне были связаны съ ханомъ, какъ собственникомъ земли, или бекомъ, который имѣлъ право пользованія землей, которыя отнюдь не затрагивали отношеній личныхъ. Послѣ присоединенія Кубинскаго ханства къ Россіи всѣ существовавшія отношенія между поселянами и владѣльцами въ существенныхъ чертахъ оставались неизмѣнными. Для установленія и регулированія правильныхъ отношеній между беками и поселянами Ермоловымъ была издана инструкція въ 1824 г., которая не потеряла своей силы до начала приступа къ реформѣ. Согласно съ инструкціей поселяне обязаны были выдавать $^1/_{10}$ часть, называемую *дагьекъ* (персидск. *дагъ* = 10, *ек* = одинъ или одинъ десятокъ); каждый дворъ поселянина долженъ былъ давать 2 арбы дровъ, по одной арбѣ саману или арбѣ сѣна; если въ магалахъ не было саману и сѣна, то бекъ не имѣлъ права требовать ни того, ни другого; каждые 10 дворовъ, въ случаѣ требованія, во время работы выставляли по одному рабочему; если бекъ строилъ домъ, то всѣ жители деревни работали на него 6 дней, бекъ въ такомъ случаѣ

не могъ требовать въ рабочее время людей. Когда бека требовала служба, или онъ выступалъ въ походъ, то поселяне давали вьючную лошадь, при этомъ лошадь выставляла лишь та деревня, въ которой состояло 30 или болѣе поселянскихъ дворовъ, по минованіи надобности лошадь возвращалась владѣльцамъ. Каждый цымъ обязанъ обдѣлывать для бека изъ 3 рубъ чалтыка, одну рубу чистаго сарачинскаго пшена, если только въ деревнѣ есть толчея, гдѣ толчеи нѣтъ, тамъ повинность эта слагается съ поселянъ. Бекъ можетъ требовать доставки своего хлѣба въ Кубу. Въ Барманскомъ магалѣ, который отстоялъ отъ города на значительномъ разстояніи и не имѣлъ арбъ, каждый дымъ доставлялъ только 2 рубы; деревни, изъ которыхъ въ одинъ день можно было доставиться въ Кубу, должны привозить каждый дворъ по 4 рубы, съ болѣе дальнихъ — по 2 рубы, отъ этой повинности освобождены три магала. Доходы бекъ собираетъ чрезъ старшину. Наконецъ, бекъ могъ взять изъ деревни по одному нукеру, по одному *редьжбару* (*речбару*) и по одному конюху; деревня, имѣющая менѣе 10 дворовъ ихъ не даетъ. Русское правительство, входя въ положеніе бѣдныхъ бековъ, изъ уваженія не требовало военнаго нукера, есаула, речбара изъ тѣхъ деревень, гдѣ обитали 10 дворовъ. Большихъ требованій беки предъявлять къ поселянамъ не могли, равно не могли требовать вмѣсто натуральныхъ повинностей денегъ.

Правительственныя распоряженія не касались поселянской земли, эта неприкосновенность создала совершенную обособленность быта поселянъ отъ бековъ и самостоятельность поселянъ, которые никакихъ отношеній не знали, кромѣ платежа строго ограниченнаго, какъ обычаемъ, такъ и правительственнымъ надзоромъ. Изданіе рескрипта 6 декабря 1846 г. признало наслѣдственное право владѣнія бековъ населенными имѣніями въ мусульманскихъ провинціяхъ; тогда беки Кубинскаго у. начали покупать, продавать свои имѣнія. Старцевъ полагаетъ, что этотъ рескриптъ не могъ имѣть такого полнаго примѣненія въ Кубинскомъ у., какъ въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья на томъ основаніи, что рескриптъ распространяется лишь на тѣ имѣнія, которыя находились въ обладаніи бековъ, въ Кубинскомъ у. беки только пользовались опредѣленными повинностями съ

поселянъ, и далѣе этого условнаго и строго ограниченнаго пользованія власть ихъ на имѣнія не распространялась. Въ Кубинскомъ у. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ бекскихъ селеній числилось 64, а владѣльцевъ имѣній 30, имѣній 36, соучастниковъ 70; незначительная часть селеній числилась за казной. Поселяне въ бекскихъ селеніяхъ всѣ были надѣлены усадебною осѣдлостью, пахатной землей не пользовались въ разныхъ селеніяхъ 139 дымовъ, „по бѣдности, неимѣнію скота и др. рабочихъ средствъ, а частью по малолѣтству“. Не пользовавшіеся пахатными землями не платили беку никакихъ поземельныхъ повинностей, но отбывали личныя повинности.

Отдѣльныя отъ поселянъ хозяйства беки имѣли въ 17 селеніяхъ. Въ остальныхъ селеніяхъ или вся земля находилась въ распоряженіи владѣльцевъ, которые ежегодно, по усмотрѣнію, отводили поселянамъ извѣстное количество земли, или вся земля состояла въ исключительномъ пользованіи однихъ поселянъ, которые распоряжались ими по своему усмотрѣнію. Земли въ исключительномъ распоряженіи владѣльцевъ оказались въ недавнее время, что видно изъ инструкціи коменданта Пономарева, которымъ въ 1812 г., т. е. вскорѣ послѣ присоединенія Кубинскаго ханства, было дозволено бекамъ имѣть свое хозяйство въ селеніяхъ, изъ этого мѣстная администрація дѣлала точный выводъ, что, очевидно, раньше этого права беки не имѣли, и этотъ порядокъ пользованія землей замѣчался преимущественно въ селеніяхъ, перешедшихъ путемъ продажи въ другія руки, къ новымъ владѣльцамъ, которые, не будучи ничѣмъ связаны съ народомъ, уничтожили чуждый и невыгодный для нихъ обычай, оставлявшій всю землю въ рукахъ поселянъ. Та же инструкція Пономарева, а съ другой то, что въ большинствѣ селеній земля находилась въ рукахъ поселянъ, свидѣтельствуетъ, что никакого обычая, ограничивающаго размѣры земли, оставляемой въ распоряженіи владѣльца, не было вообще, не было и въ моментъ реформы.

Поселянская усадебная осѣдлость въ большинствѣ случаевъ состояла изъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, какъ то: *парага*, загона для скота, *тавла*—конюшни и *саманлуга*—мякинника; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, напримѣръ, въ

Шарбани при домахъ устраивали и *харманы* — гумна. Особаго выпуска для скота не имѣлось, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ былъ особый выгонъ, а тамъ гдѣ выгона не было, скотъ пасли на земляхъ, которыя оставались свободными отъ посѣва. Живущіе въ бекскихъ селеніяхъ поселяне никакими фабриками, заводами или маслобойнями ни лавками не обладали, въ нѣкоторыхъ только селеніяхъ были устроены водяныя мельницы, отдѣльно отъ усадебъ и съ доходовъ отъ мельницъ никакихъ взносовъ бекамъ не дѣлали. Съ *бостановъ*, огородовъ поселяне бекамъ также ничего не платили, согласно со старыми обычаями.

Въ поселянскихъ имѣніяхъ обычаемъ или положеніемъ не былъ совершенно предусмотрѣнъ вопросъ о количествѣ земли подъ усадьбу поселянскаго дыма; поселянскія усадьбы, смотря по состоянію владѣльца бывали отъ 1 до $1^1/_2$ десятинъ на плоскости, и отъ $^1/_4$ до 1 десят. въ горахъ, гдѣ количество годной для посѣвовъ земли было незначительно, поэтому поселяне ограничивали размѣры усадьбы, расширяя за ихъ счетъ полевыя угодья. При продажѣ усадебныхъ мѣстъ обыкновенно принимались во вниманіе только строенія, прочность ихъ и т. п., но никакъ не земля, но при незначительности земли и бѣдности эти строенія обыкновенно ничего не стоили, мало того, гдѣ бы усадьба ни находилась: при большой ли дорогѣ или вдали, земля при продажѣ строеній не принималась въ разсчетъ, но цѣнилась одна постройка, тогда какъ въ другихъ частяхъ Закавказья усадьба въ цѣломъ и составляла самую цѣнную часть поселянскаго надѣла.

Совершенно особое положеніе занимали поселянскіе сады: фруктовые, тутовые, виноградные, которые охотно разводились. Опять таки достойно вниманія, что, въ противоположность обычному праву другихъ частей Закавказскаго края, поселяне никакихъ платежей съ садовъ въ пользу владѣльца не производили; при русскомъ правительствѣ, по инструкціи Ермолова это обычное право было такъ формулировано: въ пользу бека обложены взносами „посѣвы, а не насажденія" поселянъ.

Исключеніе составляло сел. Гендобъ, въ которомъ губернское начальство разрѣшило беку получать $^1/_{10}$ съ садовыхъ насажденій, такое распоряженіе явилось нововведеніемъ от-

нюдь не вытекавшимъ изъ обычныхъ воззрѣній. Что же касается тутовыхъ насажденій, то таковые облагались взносами въ размѣрѣ 1/10 урожая, какъ во время самостоятельнаго существованія, при ханахъ, такъ и при русскомъ правительствѣ. Въ старыхъ архивныхъ дѣлахъ не оказывается указаній на случаи продажи садовъ со стороны поселянъ, хотя они располагали правомъ отчужденія земель; съ 50-хъ годовъ, когда право свободнаго распоряженія землями перешло къ владѣльцамъ, поселяне не потеряли права передачи земель, но такія сдѣлки составляли, конечно, не куплю—продажу, а только передачу права пользованія садомъ. При такихъ сдѣлкахъ на цѣны оказывали вліяніе, какъ характеръ насажденій, такъ и плодородіе почвы и удобство орошенія. Беки также практиковали продажу своихъ садовъ, цѣнность которыхъ находилась въ зависимости, какъ отъ мѣста нахожденія сада т. е. отъ разстоянія сада отъ рынка, такъ отъ качества и количества деревьевъ, колебалась цѣна ихъ отъ 40 р. до 75 р. за дес., а тутовые, какъ болѣе доходные, цѣнились до 100 р. за дес.; виноградные сады не имѣли особой цѣнности вслѣдствіе того, что мусульмане не изготовляютъ вина, стоимость садовъ не превышала 40—50 р. за дес. Если среди пахатныхъ и сѣнокосныхъ полей попадались плодовыя и орѣховыя деревья, то поселяне распоряжались ими по своему усмотрѣнію, безъ участія въ доходахъ со стороны владѣльцевъ.

Большую важность представляетъ изученіе поземельнаго надѣленія поселянъ, — единообразной нормы надѣленія не существовало, и земельные подымные надѣлы представляли большія колебанія въ разныхъ селеніяхъ; наивысшій размѣръ составлялъ 38 д., наименьшій 2—3 д., между этими крайними нормами были и такія: 31 д., 20 - 25 д., 15—20, 10—15, 5—10, 4—5; получить нѣкоторую среднюю подымнаго надѣленія не оказывается возможнымъ, въ виду отрывочности и недостаточности цифрового матеріала, но весьма вѣроятно, что размѣры подымныхъ надѣловъ представляли значительную пестроту.

Порядокъ поземельнаго пользованія землей также не былъ однообразенъ; въ однихъ селеніяхъ полученное отъ

владѣльцевъ пространство дѣлилось по числу головъ скота, выставленнаго дымомъ на работу, число рабочаго скота являлось показателемъ хозяйственной мощи, съ чѣмъ и слѣдовало считаться при земельномъ надѣленіи; сѣнокосныя земли дѣлились по числу скота въ дымѣ вообще, слѣдовательно, чѣмъ болѣе головъ скота имѣлъ каждый отдѣльный дымъ, тѣмъ болѣе правъ онъ получалъ на сѣнокосные участки; въ другихъ мѣстахъ вся земля дѣлилась на подымные участки, т. е. каждый дымъ получалъ опредѣленный участокъ; участки эти располагались чрезполосно въ разныхъ мѣстахъ поселянскаго надѣла, на каждый дымъ приходилось по нѣсколько участковъ, отъ 2 до 5, иногда и болѣе, наконецъ, кое-гдѣ пахатныя земли были въ общемъ пользованіи, сѣнокосныя въ подымномъ. Въ обществахъ съ общиннымъ порядкомъ пользованія землею поселяне періодически, большею частью ежегодно, производили передѣлъ своихъ земель по числу дымовъ, въ случаѣ выхода кого либо изъ состава его общества, земля поступала въ общій надѣлъ и при первомъ же раздѣлѣ участокъ передѣлялся вмѣстѣ съ остальными.

Пахатныя и сѣнокосныя земли по цѣнности своей также сильно различались; смотря по мѣстности, земля въ Мюшкурѣ, въ сѣверной части у., цѣнилась дороже, потому что земля здѣсь отличалась урожайностью и была годна для разведенія марены, продукта цѣннаго; въ Шабрани земля отличалась меньшей плодородностью и не такъ годилась для обработки подъ марену, въ горахъ урожайность была еще ниже, тамъ воздѣлывалась лишь пшеница, ячмень, рѣдко просо; пшеница съ ячменемъ родилась въ очень скромномъ размѣрѣ. Въ Мюшкурѣ десятина пахатной земли оцѣнивалась въ 30 р., Шабрани 25 р., въ горной полосѣ даже 9 руб. Земли обыкновенно отдавались за извѣстную часть урожая, чаще изъ $^1/_{10}$; обычаемъ было установлено, что арендаторъ уплачивалъ дагьекъ, т. е. $^1/_{10}$ урожая. На десятину высѣвалось обыкновенно 9 пудовъ или одна руба мюшкурская, а урожай съ десятины въ Мюшкурѣ составлялъ 10 рубовъ т. е. 54 п., въ горахъ 3 руба—27 п. Въ дагьекъ поступалъ владѣльцу отъ съемщика земли въ Мюшкурѣ—9 п., Шабрани—5 п. 16 ф., горахъ 2 п. 28 ф., или

деньгами, по оцѣнкѣ пуда пшеницы въ 35 к., въ Мюшкурѣ 3 р. 15 к., Шабрани—1 р. 90 к., горахъ — 95 к., эта сумма обычно составляла наемную плату десятины; стоимость обработки десятины составляла: распашка 10 р., поливка 2 р., въ Мюшкурѣ и Шабрани; въ горной полосѣ, гдѣ не поливали, обработка десятины стоила 10 р., въ поливныхъ мѣстахъ 12 руб., валовой доходъ съ десятины составлялъ въ Мюшкурѣ 31 р. 50 к., Шабрани 18 р. 90 к., въ горной полосѣ 9 р. 45 коп.; цѣнность земли и обработки ея въ отношеніи къ ячменю нужно брать равной $^1/_2$, приведенныхъ разсчетовъ. Что касается сѣнокосныхъ земель, то принимая въ разсчетъ урожай сѣна съ десятины въ 4 арбы, стоющихъ 4 р., получимъ валовой доходъ съ сѣнокосной десятины, расходы по обработкѣ ея составляютъ 2 р. 40 к., слѣдовательно, чистый доходъ можно опредѣлить въ 1 р 60 к., арендная плата 40 к. Поселяне въ бекскихъ имѣніяхъ не выдѣляли $^1/_{10}$ съ урожая, по инструкціи Ермолова каждые два двора должны были платить беку одну арбу самана или сѣна; если у поселянина не было пары воловъ или онъ былъ бѣденъ, то освобождался отъ повинности.

Съ вопросомъ о поселянской усадебной осѣдлости были связаны, какъ извѣстно, многоразличныя статьи, которыя обычно въ Закавказьѣ служили предметомъ особаго законодательнаго разсмотрѣнія, къ числу таковыхъ принадлежалъ водопой для поселянскаго скота. Въ Кубинскомъ у. на этотъ счетъ особыхъ условій не было, водопои были общіе какъ для бековъ, такъ и для поселянъ, пользованіе водопоемъ было свободно отъ платы беку. Другой вопросъ, пользованіе лѣсомъ; въ Кубинскомъ у. частные лѣса были въ Мюшкурѣ, въ имѣніи Мирзоева, и въ горной полосѣ нѣкоторыхъ селеній; въ первомъ имѣніи поселяне пользовались лѣсомъ для построекъ, топлива, безъ всякаго вознагражденія владѣльцу, вырубать для продажи воспрещалось; въ горныхъ селеніяхъ поселяне пользовались лѣсомъ безъ всякой платы бекамъ и даже расчищали подъ пашни лѣсные участки, но въ послѣднее время лѣсничество стало воспрещать имъ пользованіе лѣсомъ, и поселяне продолжали пользоваться однѣми пашнями, а также землею подъ лѣсомъ для пастьбы скота, а такъ какъ пастбища состояли въ общемъ пользова-

ніи, то поселяне такимъ образомъ оказались лишенными права пользованія предоставленнымъ имъ лѣсомъ, т. е. права надѣленія односельцевъ участками подъ пашни и сѣнокосы.

Занятіе земледѣльческимъ хозяйствомъ въ Кубинскомъ у. обусловливалось правильнымъ устройствомъ оросительныхъ средствъ. Всѣ канавы для орошенія земель были устроены и поддерживались поселянами. Беки, считая себя собственниками земли, смотрѣли на канавы, какъ на принадлежность ихъ земель, потому во всѣхъ селеніяхъ сначала орошались земли бековъ, а потомъ уже поселянъ. Въ селеніяхъ, гдѣ иногда воды оказывалось въ недостаточномъ количествѣ, она дѣлилась по числу плуговъ, выставляемыхъ владѣльцами и поселянами на полевыя работы. Поселяне обычно воду дѣлили такъ: все общество дѣлилось на партіи, считая въ каждой—земли въ количествѣ, равномъ одному плугу т. е. 30 дес., и каждая партія по очереди одна за другой орошали принадлежащіе имъ участки, въ теченіи трехъ сутокъ, поселяне, состоящіе въ партіи, дѣлили воду для орошенія своихъ участковъ по жребію.

Таковы были уловія хозяйственной жизни поселянъ бекскихъ имѣній Кубинскаго у., въ нихъ ясно встаетъ своеобразное положеніе: поселяне не крѣпостные, а съемщики земли, условія найма выработаны обычаемъ, права бековъ по отношенію къ поселянамъ точно опредѣлены и не подлежатъ расширенію. Но въ положеніи бековъ, сравнительно съ тѣмъ, каково оно было до водворенія русской власти, произошли значительныя измѣненія. Высоч. утв. 19 дек. 1865 г. Положеніемъ Кавказскаго Комитета было постановлено: 1) бекамъ за каждое семейство поселянъ, подвластныхъ имъ прежде, а за тѣмъ поступившихъ въ казну, платить по 5 р. въ теченіи 25 л., какъ компенсацію за потерю правъ, 2) предоставить Намѣстнику уменьшать или вовсе уничтожить вознагражденіе смотря по тому, заслуживаетъ бекъ таковаго своимъ усердіемъ и поведеніемъ предъ русскимъ правительствомъ.

Мы уже указали, что въ Кубинскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ, поступившихъ въ подданство Россіи, до обнародованія Высочайшаго рескрипта

1846 г., земля не составляла собственности бековъ и беки не располагали наслѣдственнымъ правомъ пользованія, они получали съ поселенныхъ на ихъ земляхъ поселянъ опредѣленный доходъ повинностями, и послѣ поступленія въ подданство Россіи въ 1806 г. порядокъ землевладѣнія не измѣнялся до 1824 г., когда была издана инструкція Ермолова; инструкція основъ стараго землевладѣнія не измѣнила, она только опредѣленно регулировала повиностныя взаимоотношенія бековъ и поселянъ, замѣнивъ обычное право, болѣе точными писанными нормами.

Послѣ изданія рескрипта 6 дек. 1846 г. бывали случаи, что беки продавали и сами покупали населенныя имѣнія, но во всѣхъ такихъ пріобрѣтеніяхъ былъ одинъ специфическій признакъ, отличающій такія сдѣлки отъ пріобрѣтенія правъ собственности; продажа имѣній выражалась только въ переходѣ къ покупателю правъ пользованія повинностями, не измѣняя совершенно поземельныхъ отношеній поселянъ, которые владѣли своими надѣльными угодіями самостоятельно и обособленно отъ владѣльцевъ. Послѣ изданія Выс. рескрипта 6 дек. 1846 г. взаимныя отношенія землевладѣльцевъ и поселянъ, водворенныхъ на земляхъ бековъ были опредѣлены и организованы 20 апр. и 28 дек. 1847 г. особо изданными Положеніями, между тѣмъ, какъ Кубинскаго у. эти распоряженія не коснулись, отношенія бековъ и поселянъ сохранялись въ томъ же видѣ, какъ они были установлены инструкціей Ермолова 1824 г., такимъ образомъ, мѣры правительственныя относительно измѣненія порядка и способовъ землевладѣнія въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края не коснулись поселянъ Кубинскаго у., „не закрѣпили зависимости тамъ поселянъ за беками въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, чѣмъ эта зависимость издавна существовала и поземельный бытъ поселянъ всегда оставался со времени владѣнія хановъ до настоящей поры (за нѣкоторыми исключеніями) неизмѣнными". Поэтому мѣстныя власти и не находили возможнымъ примѣнять поселянское Положеніе 14 мая 1870 г. къ Кубинскому у. до выясненія поземельныхъ правъ владѣльцевъ и отношеній между владѣльцами и поселянами.

Для выполненія означенной задачи оказались необходи-

мыми свѣдѣнія, они показали, что въ Кубинскомъ у. числилось 64 имѣнія, принадлежащія 30 владѣльцамъ и 70 ихъ соучастникамъ, въ которыхъ было водворено 4.160 дымовъ государственныхъ поселянъ. Надѣлы этихъ поселянъ состояли изъ усадебной, садовой, полевыхъ угодій и пастбищныхъ мѣстъ; надѣлы были различной величины и въ большинствѣ имѣній ниже указанной нормы—5 д. на д. м. п. Причиной разнообразія нормъ поселянскихъ надѣловъ служили: неодинаковыя почвенныя условія мѣстности, рабочія силы отдѣльныхъ поселянскихъ дымовъ, наконецъ, „практика для каждой отдѣльной деревни установила ту норму надѣла, которая сложилась подъ вліяніемъ мѣстныхъ ея хозяйственныхъ условій". Въ нѣкоторыхъ немногихъ имѣніяхъ поселяне не имѣли постояннаго надѣла, имъ ежегодно отводилась надымъ земля по числу плуговъ въ хозяйствѣ, приблизительно 30 дес. на плугъ. Въ большинствѣ бекскихъ имѣній владѣльцы располагали однѣми лишь усадьбами, не занимались собственнымъ хозяйствомъ, а довольствовались доходами съ поселянъ. Повинности сохранились въ видѣ, установленномъ въ 1824 г. Ермоловымъ т. е. поселяне платили дагьекъ или $^{1}/_{10}$ съ урожая однихъ только хлѣбныхъ растеній, которыя владѣльцы получали въ необмолоченномъ видѣ, исполняли поселяне въ пользу владѣльца натуральныя повинности рабочими днями; пользованіе же поселянами фруктовыми, виноградными садами, пастбищными мѣстами—продолжалось по прежнему безвозмездно; лѣсными матеріалами изъ казенныхъ дачъ на топливо пользовались даромъ.

Наконецъ, въ личной зависимости 40 владѣльцевъ состояли 224 дыма речбаровъ, которые, составляя особое сословіе, находились „въ положеніи, хотя и ограниченной зависимости, но тѣмъ не менѣе не соотвѣтствующей основнымъ правиламъ Положеніе 19 февр. 1861 г.".

II.

Обсужденіе сословно-поземельной реформы въ Кубинскомъ у.

Послѣ того, какъ Старцевымъ были собраны свѣдѣнія о сословно-поземельныхъ отношеніяхъ въ Кубинскомъ у., бар. Николаи приказалъ передать все дѣло въ Канцелярію по устройству поселянъ, что и было исполнено 19 марта 1871 г., отсюда дѣло перешло въ Бакинское по поселянскимъ дѣламъ присутствіе, которое въ засѣданіи 15 марта 1875 г., въ присутствіи Старцева, имѣло сужденіе по слѣдующимъ вопросамъ: 1) можетъ ли быть приступлено и безотлагательно къ примѣненію къ Кубинскому у. Поселянскаго положенія $^{14}/_{16}$ мая 1870 г., 2) въ какомъ видѣ можетъ быть примѣнено означенное Положеніе т. е. въ полномъ составѣ или съ изъятіями и какими именно, и 3) какъ поступить съ существующимъ въ Кубинскомъ у. классомъ речбаръ, (объ этомъ сужденіе будемъ имѣть особо).

Разсматривая означенные вопросы, Присутствіе полагало, что примѣненіе Поселянскаго Положенія въ Кубинскомъ у. встрѣтило бы препятствіе въ неопредѣленности правъ землевладѣнія лицъ высшаго мусульманскаго сословія, а равно меликовъ изъ армянъ., если бы этотъ вопросъ не подвергался обсужденію съ 1840 г. и не былъ разрѣшенъ относительно бековъ и агаларовъ въ другихъ провинціяхъ Закавказья и для лицъ, владѣвшихъ землями на тѣхъ же основаніяхъ, что землевладѣльцы Кубинскаго у. Присутствіе находитъ, что рескриптъ 6 дек. 1846 г. повелѣваетъ признать поземельное право на имѣнія за тѣми владѣльцами, роды которыхъ ими обладали, это повелѣніе касалось всего Закавказья, Кубинскій у. тоже принадлежитъ къ Закавказью, слѣдовательно подвергать снова обсужденію вопросъ о юридической основѣ поземельнаго права бековъ въ этомъ уѣздѣ,

значило бы пытаться перерѣшать то, что рѣшено верховной властью, поэтому заключаетъ Присутствіе, остается признать Кубинскихъ бековъ съ такими же землевладѣльческими правами, съ какими въ силу Высочайшаго рескрипта признаны лица этого сословія въ другихъ мѣстахъ Закавказскаго края.

Другой вопросъ, владѣли ли Кубинскіе беки тѣми землями, которыми они нынѣ владѣютъ до присоединенія къ Россіи; за неимѣніемъ опровергающихъ данныхъ, отрицать это право Присутствіе не находитъ допустимымъ, особенно послѣ того, какъ наслѣдственное право владѣнія нѣкоторыми имѣніями признано Ермоловымъ въ 1824. Исходя изъ этихъ соображеній, Присутствіе большинствомъ голосовъ постановило, что нѣтъ никакихъ препятствій къ примѣненію Поселянскаго Положенія 14/16 мая 1870 г. къ Кубинскому у., Бакинской губ.

Управляющій Государственными имуществами Бакинской губ. д. с. с. Ивановъ заявилъ: „судя по народнымъ преданіямъ и фактамъ, почерпнутымъ изъ архивныхъ дѣлъ, нельзя признать за беками Кубинскаго у. наслѣдственнаго права собственности на земли, такъ какъ все значеніе бековъ выражалось однимъ лишь пользованіемъ съ поселянъ извѣстными повинностями, строго ограниченными обычаемъ; что беки не считались никогда собственниками земли, а пользовались доходами съ имѣній, какъ управляющіе или арендаторы и получали извѣстную ренту; что практика и жизнь ставили отношеніе бековъ къ поселянамъ въ такое положеніе, что первые никогда не могли касаться крестьянской земли, отчуждать ее, спорить о ней, какъ о собственной, продавать, дарить и т. п.; что предстоящая реформа должна быть не введеніемъ новыхъ, а продолженіемъ утвердившихся и окрѣпшихъ на исторической почвѣ бытовыхъ началъ, такъ какъ во всѣхъ мусульманскихъ, а тѣмъ болѣе Кубинской, провинціяхъ, цѣлые вѣка прошли, не дотронувшись до поселянской земли, безъ нея не мыслимъ крестьянинъ, положившій на обработку ея свою кровь и плоть, очистивъ ее отъ лѣса, занимавшаго сплошную массу Кубинской территоріи“, поэтому, по мнѣнію Иванова, „было бы исторически вѣрнѣе“, если бы „правительство, вмѣсто введенія поселянскаго Положенія въ Кубинскомъ у., само вступило во всѣ права полнаго собствен-

ника земли, которой пользуются крестьяне или предоставило бы таковую собственность послѣднимъ, а взамѣнъ получаемаго беками дагьека выплатило бы имъ извѣстную сумму, по переложеніи его на деньги и капитализаціи, оцѣненнаго по средней цѣнѣ дагьека и др. повинностей", а расходъ можно было бы покрыть въ извѣстное число лѣтъ посредствомъ обложенія крестьянъ усиленною въ казну податью.

Въ противоположность мнѣнію Иванова Старцевъ высказывался въ иномъ духѣ; онъ прежде всего указалъ, что въ Кубинскомъ у., Положеніе 1847 г. не было введено вслѣдствіе неопредѣленности правъ бековъ на состоящія въ пользованіи поселянъ земли, единственное основаніе, на которое опирались поземельныя отношенія владѣльцевъ и поселянъ была инструкція ген. Ермолова 1824 г., которая „опредѣляетъ только права бековъ на полученіе съ поселянъ повинностей и норму послѣднихъ, но не объ обязанностяхъ ихъ по отношенію къ поселянамъ т. е. о количествѣ земли, которую они должны дать поселянамъ и т. д.", а беки, какъ до, такъ и послѣ изданія инструкціи Ермолова, управлявшіе имѣніями, „не считались владѣльцами земли, а поселяне занимали ее безъ всякаго участія въ пользованіи ею со стороны бековъ", и вслѣдствіе этого вся земля во всѣхъ почти селеніяхъ, кромѣ немногихъ оказалась въ пользованіи однихъ поселянъ, а беки для своего хозяйства занимаютъ незначительное пространство, порядокъ этотъ оказался отмѣненнымъ только въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ изъ Баки-хановыхъ и Мирзоевыхъ, гдѣ поселяне совсѣмъ не имѣютъ надѣла, а владѣльцы ежегодно отводятъ по числу плуговъ, по 30 дес. на плугъ. Старцевъ и полагаетъ всю землю, состоящую въ пользованіи поселянъ Кубинскаго у., оставить въ ихъ пользованіи, не распространяя на владѣльцевъ права требовать отрѣзки отъ поселянскаго надѣла, далѣе ст. 9 Положенія съ примѣчаніемъ, не должна „распространяться на имѣнія въ Кубинскомъ у., въ которомъ въ пользованіи поселянъ оставляется вся земля, состоящая при селеніяхъ, отрѣзки же въ пользу владѣльцевъ дѣлаются не иначе, какъ по добровольному соглашенію съ поселянами", это право, по мнѣнію Старцева, необходимо ввести въ Кубинскомъ у. въ виду того, что беки никогда не были владѣльцами, почему установленіе для нихъ

права на отрѣзки было бы нарушеніемъ исконнаго права поселянъ, „постоянно нераздѣльно пользовавшихся всею землею", а также потому, что въ виду безземельности многихъ селеній, этимъ правомъ отрѣзки по ст. 9 Положенія могутъ воспользоваться весьма немногіе. Достаточнымъ обезпеченіемъ для бековъ можетъ служить получаемый ими поземельный доходъ, послѣ этого, по мнѣнію Старцева, и не могутъ быть распространены на Кубинскій у. ст. 29—40 Поселянскаго Положенія.

Старцевъ возражаетъ противъ распространенія на сады Положенія 1870 г. т. е. обложенія садовъ повинностями, потому что установленіе повинности неизвѣстной краю ничѣмъ не вызывается, на этомъ основаніи и 72 ст. должна быть соотвѣтствующимъ образомъ редактирована: „въ Кубинскомъ у. поселяне взносятъ дагьекъ т. е. $^{1}/_{10}$ часть съ однихъ полевыхъ произведеній, а не съ садовъ фруктовыхъ, виноградныхъ и тутовыхъ", за этими исключеніями, полагалъ Старцевъ, Поселянское Положеніе можетъ быть примѣнено къ Кубинскому у.

Далѣе, губернское Присутствіе нашло, что по инструкціи Ермолова поселяне отбывали въ пользу владѣльцевъ дагьекъ только съ земныхъ произведеній; принимая во вниманіе, что въ 1) Кубинскомъ у. поселяне не облагались дагьекомъ съ садовъ и огородовъ, то нѣтъ достаточныхъ основаній для нарушенія такого обычая, что въ 2) съ другой стороны, сады представляютъ большую доходность и если совсѣмъ освободить отъ дагьека, то при усиленномъ ихъ разведеніи поселянами, владѣльцы могутъ лишиться совсѣмъ поземельнаго дохода, и 3) въ видахъ огражденія крестьянскаго дароваго труда, справедливо было бы установить норму, въ какой со введеніемъ Положенія долженъ выдѣляться дагьекъ съ земныхъ произведеній, на основаніи этихъ доводовъ Губернское Присутствіе и проектировало, освобождая имѣющіеяся у поселянъ сады и огороды отъ дагьека, было бы необходимо, по долгу справедливости и интересовъ землевладѣльца, обложить дагьекомъ всѣ тѣ новые сады и огороды, которые будутъ разводимы поселянами на ихъ надѣлахъ послѣ введенія Положенія, но одновременно Присутствіе считаетъ необходимымъ принять мѣры

для огражденія крестьянъ отъ вымогательства дарового труда по молотьбѣ и очисткѣ разныхъ земныхъ произведеній при сдачѣ ихъ владѣльцамъ. Въ виду этихъ соображеній Губернское Присутствіе нашло, что Высочайше изданное Поселянское Положеніе 14/16 мая 1870 г. можетъ быть примѣнено цѣликомъ и къ Кубинскому у., но съ измѣненіемъ редакціи 72 ст., съ примѣчаніемъ и въ ст. 76 мѣстное названіе повинности малджегатъ замѣнить употребительнымъ въ Кубинскомъ у.—дагьекъ, а ст. 72 предлагаетъ редактировать такъ: „поселяне выдѣляютъ землевладѣльцу дагьекъ въ первобытномъ его видѣ со всѣхъ тѣхъ земныхъ произведеній, съ коихъ они имъ выдѣляли по обычаю до введенія настоящаго Положенія. Разводимые поселянами послѣ введенія сего Положенія сады, бостаны облагаются дагьекомъ".

Дѣло въ томъ, что Присутствіе постановило при обсужденіи правилъ объ устройствѣ отношеній государственныхъ поселянъ къ бекамъ въ Кубинскомъ у. руководствоваться Положеніемъ 14 мая 1870 г., съ тѣмъ, однако, чтобы „мнѣніе о неизмѣняемости существующаго порядка владѣнія было распространено на всѣ вопросы и предметы, обнимающіе во всей совокупности бытъ землевладѣльческаго населенія", на дѣлѣ Присутствіе стало уклоняться отъ сохраненія этой неизмѣняемости, правда, въ выгодномъ для бековъ смыслѣ, но невыгодномъ для быта поселянскаго населенія, такимъ образомъ вопросъ былъ поставленъ нѣсколько односторонне, почему поселянское положеніе могло подлежать измѣненіямъ, при неизмѣняемости таковаго владѣльческаго, объясненія не нашлось.

Бакинскому Присутствію, помимо указанныхъ основныхъ вопросовъ, надлежало заняться рѣшеніемъ ряда другихъ вопросовъ, имѣвшихъ существенное значеніе для проведенія реформы. Въ спискахъ бекскихъ имѣній Кубинскаго у. встрѣчались такого рода имѣнія, въ которыхъ совершенно не было поселянскихъ дымовъ, или попадались имѣнія, которыя были переданы въ казну; для рѣшенія этого вопроса на Губернское Присутствіе былъ возложенъ трудъ провѣрить списки имѣній въ натурѣ.

Далѣе, Присутствіе пришло къ тому выводу, что при

опредѣленіи размѣровъ поселянскихъ надѣловъ, необходимо принимать во вниманіе, что „между беками и поселянами въ Кубинскомъ у. искони и до настоящаго времени никогда не существовало поземельной зависимости, что поселянинъ былъ всегда свободенъ владѣть землею въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ находилъ для себя выгоднымъ и возможнымъ по своимъ силамъ и средствамъ“, „былъ всегда свободенъ оставить землю своему владѣльцу и переселиться въ другое мѣсто“, что правила рескрипта 6 дек. 1846 г., „хотя и дали возможность бекамъ устроить свои хозяйства на счетъ поселянской земли, но тѣмъ не менѣе въ теченіе 30 л. послѣ вступленія этихъ правилъ въ силу поселянская земля при всемъ стремленіи бековъ утвердить свои права на новыхъ выгодныхъ для нихъ началахъ, осталась, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, нетронутою въ томъ Положеніи, въ какомъ она находилась до обнародованія рескрипта“, однимъ словомъ, „цѣлые вѣка прошли, не дотронувшись поселянской земли и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, не можетъ поселянамъ не внушить и не укрѣпить въ нихъ убѣжденія, что земля ихъ пользованія должна навсегда оставаться неизмѣнною и неприкосновенною“; указывалось еще на то, что въ большинствѣ имѣній Кубинскаго у. поселянскіе надѣлы не достигали въ среднемъ 5 дес. на д. м. п., что въ весьма немногихъ бекскихъ имѣніяхъ существуютъ владѣльческія хозяйства и такія „имѣнія составляютъ лишь частныя исключенія изъ цѣлаго большинства, въ которыхъ беки владѣютъ лишь усадьбами и довольствуются полученіемъ доходовъ извѣстными повинностями съ поселянъ“. Въ силу этихъ признаковъ Присутствіе и пришло къ выводу, что примѣненіе къ Кубинскому у., ст. 9, 10 Поселянскаго Положенія относительно отрѣзокъ и прирѣзокъ не должно имѣть мѣста, такъ какъ не вызывается необходимостью и не оправдывается мѣстными нуждами и условіями поземельнаго владѣнія, напротивъ „сохраненіе неприкосновенности и неизмѣняемости поселянской земли въ томъ составѣ, въ какомъ она просуществовала цѣлые вѣка безусловно необходимо, чтобы не колебать издавна установившійся строй поземельныхъ отношеній между беками и поселянами“, конечно, эта неприкосновенность посе-

лянскаго надѣла по мнѣнію Присутствія, не можетъ препятствовать нѣкоторымъ перемѣнамъ по добровольнымъ соглашеніямъ бековъ и поселянъ, съ соблюденіемъ правилъ объ отказѣ поселянъ отъ земли.

Что же касается имѣній, гдѣ поселянамъ не отведены постоянные надѣлы, а отводится ежегодно въ разныхъ мѣстахъ по усмотрѣнію владѣльца и по числу поселянскихъ плуговъ, выходящихъ на работу, то Присутствіе высказывается за то, что поселянамъ долженъ быть отведенъ постоянный надѣлъ по разсчету по 5 дес. на д. м. п. наличнаго населенія, въ мѣстахъ, опредѣленныхъ по добровольнымъ соглашеніямъ или въ случаѣ спора мѣстными мировыми учрежденіями, съ тѣмъ чтобы „весь надѣлъ заключался въ одномъ обрубѣ и былъ пріуроченъ къ усадебной осѣдлости поселянъ и къ водопоямъ для скота".

Особенныя сужденія въ Бакинскомъ Присутствіи вызвалъ вопросъ о повинностяхъ. Присутствіе обратило вниманіе на то, что съ 30-хъ г.г. въ Кубинскомъ у. дѣйствовала инструкція Ермолова. Но принимая во вниманіе, что въ Кубинскомъ у., поселяне не облагались дагьекомъ съ садовъ и огородовъ, то Присутствіе и не находитъ никакихъ основаній къ нарушенію этого обычая; однако, Присутствіе не забываетъ, что сады представляютъ предметъ большой цѣнности и если на будущее время совсѣмъ освободить отъ обложенія, то при усиленномъ разведеніи садовъ въ будущемъ, могутъ пострадать матеріальные интересы владѣльцевъ; Присутствіе полагаетъ, что необходимо установить порядокъ, которымъ по введеніи Положенія при взиманіи дагьека поселяне должны сдавать владѣльцу хлѣбъ въ снопахъ, хлопчатникъ въ коробочкахъ; послѣ долгихъ разсужденій Присутствіе такъ формулируетъ свои мнѣнія: 1) освободить крестьянскіе сады и огороды, уже устроенные, отъ дагьека, но обложить тѣ сады и огороды, которые будутъ разведены поселянами на надѣлахъ по введеніи Положенія и 2) освободить поселянъ отъ доставки готовыхъ продуктовъ земныхъ произведеній, сообразно съ этимъ измѣнить ст. 72 и 76 Положенія, эти постановленія Присутствія не встрѣтили возраженія со стороны высшихъ властей.

Ст. 28 Поселянскаго Положенія Присутствіе постано-

вило дополнить примѣчаніемъ, съ указаніемъ, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ поселяне не имѣютъ постояннаго надѣла, а распахиваютъ владѣльческую землю по числу плуговъ и гдѣ имъ вновь отводится постоянный надѣлъ по 5 дес., въ мѣстахъ и границахъ по обоюдному соглашенію, таковой долженъ заключаться въ одномъ обрубѣ и пріуроченъ къ осѣдлости поселянъ.

Ст. 29 и 40, при условіи неизмѣняемости и неприкосновенности надѣла, не могутъ быть примѣнимы къ Кубинскому у., точно также не примѣнимы ст. 134, 135, ст. 78, 79, 80, 83.

Канцелярія по дѣламъ устройства крестьянъ такимъ образомъ формулировала основы реформы въ Кубинскомъ у.

Въ Кубинскомъ у. въ постоянномъ пользованіи, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ поселянъ оставляются всѣ тѣ усадьбы, фруктовые, виноградные, тутовые сады, полевыя земли, пахатныя и сѣнокосныя, которыми поселяне пользовались до реформы; земли и угодія оставляемыя въ постоянномъ пользованіи поселянъ образуютъ *поселянскій надѣлъ* „навсегда неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ“, право собственности на отведенныя поселянамъ земли остаются за владѣльцами этихъ земель. Право на земельный надѣлъ сохраняютъ всѣ приписанные къ имѣнію, какъ семейные, такъ и одинокіе. Въ имѣніяхъ, гдѣ поселяне не имѣли постояннаго надѣла получаютъ постоянный надѣлъ, по числу душъ мужескаго пола, по 5 дес. на д. м. п. За пользованіе надѣлами поселяне отбываютъ повинности земными произведеніями—дагьекъ, съ однихъ лишь земныхъ произведеній, въ сыромъ видѣ, первоначальномъ, снопами, и владѣльцы не вправѣ требовать ихъ обмолоченными. Пользованіе усадебными, садовыми, огородными (бостаны) угодіями, уже существующими въ надѣлѣ, для поселянъ безвозмездно, разводимые же послѣ введенія Положенія подобныя угодія уже всѣ облагаются дагьекомъ. Тамъ, гдѣ существовала повинность, отбываемая рабочими днями, замѣняется денежными взносами, или если онѣ замѣнялись какими-нибудь взносами, то поселяне взносятъ за каждую десятину, состоящей въ пользованіи ихъ удобной полевой земли по 30 коп.

На бекскія имѣнія распространяется дѣйствіе статей

12, 28, 41, 70, 78; 136—139 Положенія $^{14}/_{26}$ мая 1870 г. и всюду слово малджегатъ замѣняется выраженіемъ дагьекъ. Означенныя положенія удостоились одобренія Комитета объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ управленіи Намѣстника, (4 ноября 1876 г.); въ новомъ Положеніи точно были формулированы еще слѣдующіе вопросы: въ имѣніяхъ, гдѣ находились лѣса владѣльческіе или казенные поселяне имѣютъ право пользованія ими на условіяхъ существующаго обычая, точно также, согласно обычаю, оставлено право въѣзда въ лѣса; измѣненію подвергался только тотъ пунктъ Положенія, которымъ, какъ выше было указано, повинность рабочими днями замѣнялась денежными взносами. Комитетъ положилъ, что поселяне вносятъ за каждую десятину, усадебной и полевой земли не 30, а 20 коп., наконецъ Комитетъ находилъ возможнымъ, что, если бы поселяне пожелали замѣнить денежную повинность за рабочіе дни взносомъ дагьека, то такіе случаи слѣдовало утверждать, но съ условіемъ, что замѣна должна происходить по обоюдному соглашенію; размѣръ дагьека не долженъ былъ превышать $^{1}/_{10}$ урожая. Новое Положеніе для Кубинскаго у. получило санкцію Намѣстника 16 янв. 1877 г., а приведеніе въ исполненіе было отложено, „впредь до особаго распоряженія, которое могло послѣдовать по минованіи трудныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ времени“.

Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказскій Комитетъ въ соединенномъ Присутствіи утвердили Положеніе 20 февр. 1879 г.

Только 18 февр. 1880 г. послѣдовало торжественное обнародованіе Положенія. Намѣстникъ обратился, въ обычномъ порядкѣ съ возваніемъ къ бекамъ и поселянамъ, знакомилъ ихъ въ существенныхъ чертахъ съ основами реформъ, Намѣстникъ подчеркиваетъ то, что реформа не ломаетъ обычныхъ формъ отношеній, что она старается сохранить привычное: „сохраняя въ цѣлости, говорилъ Намѣстникъ, какъ право землевладѣнія и пользованія, такъ и роды повинностей, установленныя обычаями, правительство сочло необходимымъ обратить вниманіе на такія отношенія между поселянами и владѣльцами, которыя отмѣнены повсемѣстно въ имперіи и поэтому у васъ существовать не могутъ“, это

отбываніе поселянами повинностей рабочими днями „которое создаетъ, какъ бы личную зависимость поселянъ отъ землевладѣльцевъ“. Замѣняя денежнымъ взносомъ личную работу, новое Положеніе переноситъ ее на землю, замѣна „составилась изъ расцѣнки рабочихъ дней“ и перенесенія ея „на землю по ея пространству“.

Новое Положеніе предоставило поселянамъ право выкупа поземельныхъ повинностей, отбываемыхъ бекамъ.

Для наблюденія за составленіемъ уставнымъ грамотъ были назначены Мировые Посредники, а всѣ поселянскія дѣла въ Кубинскомъ у. переданы Бакинскому по поселянскимъ дѣламъ Присутствію.

III.

Попытка сословно-поземельной реформы въ Закатальскомъ округѣ.

I.

Сословно-поземельныя отношенія въ Закатальскомъ округѣ до реформы.

Мѣстная власть, занятая предварительнымъ изученіемъ сословно-поземельныхъ и зависимыхъ отношеній въ Закатальскомъ округѣ нашла что необходимо стремиться къ „возможному согласованію русскихъ законовъ съ мѣстными обычаями", въ этой мысли она укрѣплялась еще болѣе отъ того убѣжденія, что „всѣ выработанные до сихъ поръ проекты сословно-поземельнаго устройства различныхъ областей Кавказа сходны между собой въ общихъ чертахъ, такъ какъ они всѣ основаны на общихъ началахъ личной свободы и надѣленія поселянина землею, но вмѣстѣ съ тѣмъ они другъ отъ друга разнятся въ обстановкѣ и подробностяхъ". Если въ другихъ частяхъ Закавказья при проведеніи реформы оказывались на лицо многія затрудненія, неясность въ существующихъ отношеніяхъ, то въ Закатальскомъ округѣ мѣстная власть этого не испытывала, напротивъ, „нигдѣ поземельный строй не обрисовывается такъ ясно, какъ въ Закатальскомъ округѣ", утверждали лица занятыя разработкой основъ реформы. Здѣсь у лезгинъ „взаимныя отношенія поселянъ къ владѣльцамъ и права обществъ такъ ясно опредѣлены, что не подаютъ повода къ малѣйшему недоразумѣнію".

До подчиненія русскому правительству Закатальскій округъ состоялъ изъ двухъ независимыхъ владѣній: 1) *Елисуйскаго султанства*, подъ управленіемъ лица, избираемаго изъ членовъ мѣстной султанской фамиліи и 2) *Джаро-Белоканской области*, въ которой верховная власть принадлежала всему лезгинскому народу, лезгинской громадѣ, которая стекалась изъ разныхъ мѣстъ Дагестана и подчинила

коренное населеніе грузинъ, получившихъ наименованіе ингилойцевъ. Пришлые лезгины вытѣснили туземное населеніе, заняли подгорную полосу округа и обложили ингилойцевъ поземельными повинностями. Въ Елисуйскомъ султанствѣ поземельная повинность отбывалась въ пользу султана и его родственниковъ бековъ, въ Джаро-Белоканской области она поступала въ пользу всего легинскаго народа; лезгины подѣлили всѣ подчиненныя селенія и подвластныхъ людей между различными лезгинскими обществами, а нерѣдко между входящими въ составъ обществъ фамиліями и даже лицами. Въ Елисуйскомъ султанствѣ лезгины не пріобрѣтали подвластныхъ людей, какъ лезгины Джаро-Белоканской области, но, какъ помощники султана по устройству даннаго владѣнія, не отбывали никогда никакихъ повинностей ни султану, ни его бекамъ. Изъ коренныхъ жителей округа не всѣ покорились лезгинамъ, многіе предпочли переселеніе въ Кахетію, на освободившіяся мѣста лезгины стали приглашать мусульманъ изъ сосѣднихъ провинцій; впослѣдствіи эти переселенцы—мусульмане въ правахъ и обязанностяхъ были сравнены съ тѣми коренными жителями, которыхъ лезгины уже успѣли превратить въ своихъ зависимыхъ людей, такъ въ Закатальскомъ округѣ появился новый разрядъ зависимаго, подчиненнаго сословія *мугалъ*, мугалы это третій разрядъ послѣ названныхъ двухъ покорителей лезгинъ и туземцевъ, превращенныхъ въ подвластныхъ лезгинамъ людей; мугалъ было немного, число ихъ не превышало 2.000 дымовъ.

Одни изъ мугалъ разселились въ плоскости, въ районѣ поселеній людей подвластныхъ лезгинамъ и были обложены такими же повинностями, какъ мѣстные жители; другіе заняли подгорную часть, полосу лезгинскаго разселенія, и, отчасти смѣшались съ лезгинами, пріобрѣвъ одинаковыя съ ними поземельныя права; отчасти, пріобрѣтая покупкой или иными путями земельныя дачи, стали владѣть ими на правѣ полной собственности; одновременно съ этимъ третьи, поселившись въ лезгинскихъ селеніяхъ, не только никакой собственности не пріобрѣли, но не получили даже опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ; они принуждены были или арендовать

земли или, расчищая новыя угодія, платить владѣльцамъ разнообразныя и никакими условіями не гарантированныя повинности. Взаимныя отношенія между владѣльцами и побѣдителями (въ Джаро-Белоканской области) и разными поселянами селеній подвластныхъ лезгинамъ, селеній съ мѣстнымъ или пришлымъ населеніемъ, установились различныя въ двухъ названныхъ частяхъ Закатальскаго округа, а это вытекало изъ неодинаковыхъ условій политической организаціи частей.

Въ Джаро-Белоканской области лезгины, не желая вмѣшиваться во внутреннее управленіе землею сельскихъ дачъ, поставили единственное условіе—правильное поступленіе поземельнаго дохода; всѣ земли лезгинами были предоставлены мѣстному населенію съ обязательствомъ платежа натуральныхъ повинностей; размѣръ повинности соразмѣрялся съ количествомъ земли; повинности разъ на всегда распредѣлялись между поселянами сельскихъ дачъ. Сельскія же дачи дѣлились на равныя доли, называемыя *кешкелями;* повидимому первоначально число кешкелей равнялось числу поселянъ кешкельной дачи, но со временемъ равновѣсіе должно было нарушиться въ силу права распоряженія, наслѣдованія и т. п. кешкелями; такимъ образомъ кешкель одновременно и мѣра земельная, какъ показатель земельной доли и податная, ибо эта единица, съ которой учитывается поступленіе повинностей владѣльцу.

Въ бекскихъ селеніяхъ Елисуйскаго султанства поземельныя отношенія развивались при тѣхъ же условіяхъ и приняли почти такой же характеръ.

Утвержденіе русской власти не измѣнило отношеній между владѣльцами и поселянами въ Елисуйскомъ султанствѣ и Джаро-Белоканской области. Оставивъ въ неприкосновенности управленіе владѣніями, русское правительство обложило округъ данью въ 1,000 литровъ = 220 пуд. шелку; впослѣдствіи шелкъ перевели на деньги и хлѣбъ, считая литръ шелку въ 12 руб., а весь сборъ въ 13.200 руб. Въ 1830 г. Джаро-Белоканская область была занята русскими войсками въ виду неисправности платежей, и неисполненія условій и одновременно открыто Чарское Областное Правленіе, въ руководство которому Паскевичемъ были из-

даны правила 21 іюня 1830 г., касавшіяся военнаго и административнаго распорядка; правила „вводились въ видѣ временной мѣры". Желающимъ удалиться была предоставлена полная свобода и предоставлено право „продать свои имѣнія и всякую собственность"; остающимся жителямъ сохранены „прежнія права и преимущества, поколику сіе будетъ согласно съ общими узаконеніями и уставами россійской имперіи". Правила Паскевича вводили очень большую перемѣну: ими было предписано всѣ общественныя земли привести въ извѣстность и обратить въ казенную собственность. Цѣль правительства заключалась въ наказаніи лезгинъ, земли которыхъ обращались въ казенную собственность, и поддержаніи „порабощенныхъ" лезгинами ингилойцевъ, „распространеніемъ ихъ выгодъ (выгодъ лезгинъ на ингилойцевъ) и тѣмъ ослабить владычество непріязненныхъ лезгинъ".

Чрезвычайно важныя рѣшенія заключали правила 21 іюня 1830 г.; помимо указанныхъ уже новшествъ, ими предписывалось привести въ извѣстность права старшинъ и другихъ знатныхъ лезгинъ, которыми они пользовались въ отношеніи управленія ингилойскими деревнями, опредѣлить платежи, производимые поселянами ингилойцами, лезгинами, а на будущее время имѣть наблюденіе, чтобы платежи на ингилойцевъ не налагались произвольно. Благодаря реформѣ выигрывали ингилойцы по преимуществу; имъ даровалась личная свобода, при желаніи свобода переселенія на другія мѣста, но земли, сады, дома въ такомъ случаѣ должны были оставаться въ распоряженіи владѣльцевъ или деревень, при условіи, если послѣднія принимали на себя обязанность по платежу повинностей, которыя были возложены на переселенцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ было предусмотрѣно, что желающіе могутъ выкупать и обращать въ свою собственность занимаемыя ими земли, сады, дома и другія угодія, путемъ взноса владѣльцамъ 10 лѣтней сложности дохода съ выкупаемыхъ имуществъ. Такимъ образомъ, сословно-поземельныя отношенія, зависимость, какая издавна существовала между лезгинами и ингилойцами нарушалась самымъ основательнымъ образомъ; но этотъ переворотъ имѣлъ опредѣленныя основанія въ са-

мыхъ условіяхъ мѣстной жизни, которыя правда рельефно не выступали, но безспорно существовали и мѣстная власть оправдывала свои дѣйствія тѣмъ, что изданныя правила лишь систематизируютъ обычное право.

Подвластные или зависимые люди „и прежде не были крѣпостными и во всякое время могли переселяться куда имъ угодно". Кешкельная повинность была опредѣлена и лезгинскія общества не имѣли права произвольно ихъ увеличивать. Однако, не смотря на категорическое распоряженіе, общественныя имущества не были обращены въ казенную собственность.

Въ 1831 г., по случаю бунта лезгинъ убѣжища ихъ: сел. Джары, Закаталы, Каниздара, Белоканы были разорены, а жители ихъ выселены на плоскостную часть въ Тоначи, близь р. Алазани, въ Грузію; лезгинъ лишили подвластныхъ имъ мугалъ и ингилойцевъ; самыхъ лезгинъ и ихъ подвластныхъ причислили къ государственнымъ крестьянамъ и обложили государственною податью въ 1 р. 50 коп. съ дыма. Освобождались отъ поземельной зависимости лезгинъ не только жители кешкельныхъ селеній, но и тѣ мугалы, которые поселились въ лезгинскихъ селеніяхъ и считались зависимыми людьми частныхъ лицъ, на земляхъ которыхъ они сидѣли; они назывались *раятами*. Земли, обрабатываемыя мугалами, но принадлежащія лезгинамъ, были отняты у послѣднихъ и переданы „въ безусловное распоряженіе бывшихъ раятовъ", такимъ образомъ, „поземельный доходъ, получавшійся прежде лезгинами съ жителей кешкельныхъ селеній, принадлежавшихъ взбунтовавшимся обществамъ съ 1831 г. сталъ поступать въ казну; лезгинамъ, оставшимся вѣрными правительству, предполагалось выдавать изъ областного правленія пенсіонъ", сообразно съ доходами извлекаемыми изъ земельныхъ угодій, однако это предположеніе оказалось трудно выполнимымъ на дѣлѣ, и не участвовавшіе въ бунтѣ лезгины стали получать прежній поземельный доходъ. Окончательно этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ 1838 г. ген. Головинымъ, который для пресѣченія набѣговъ на мирныхъ жителей и для успокоенія, предоставилъ прежнимъ владѣльцамъ, наказаннымъ лезгинамъ, получать поземельный доходъ съ бывшихъ подвластныхъ ингилойцевъ и мугалъ въ томъ же размѣрѣ,

въ какомъ этотъ доходъ съ названныхъ разрядовъ населенія съ 1831 г. поступалъ въ казну.

Въ 1839 г. джарцы рѣшили продать 134 кешкеля Елисуйскому султану, но ген. Головинъ возсталъ противъ этого, разъяснивъ, что земли въ округѣ составляютъ казенную собственность, которою джарцы располагать не могутъ, что имъ принадлежатъ лишь доходы съ земель, которыми они и могутъ распоряжаться.

Въ 1844 г. случилось новое обстоятельство: бѣжалъ Елисуйскій Даніель Султанъ; все его имущество было конфисковано, а селенія въ предѣлахъ султанства: Кораганъ, Шатоваръ, Бабало съ разрѣшенія Нейдгардта были отданы джарцамъ со всѣми принадлежащими имъ земельными угодіями, а не одинъ только поземельный доходъ, какъ прочимъ ихъ соплеменникамъ въ 1838 г. Вслѣдъ за возвращеніемъ кешкельнаго дохода, согласно распоряженію ген. Головина 30 дек. 1839 г., достойнымъ джарцамъ разрѣшено водвориться на мѣста прежняго ихъ жительства. Управляющій областью ген. Анрепъ эту милость распространилъ на всѣхъ джарцевъ.

Когда въ 1844 г. вспыхнуло возстаніе въ Елисуйскомъ султанствѣ, то одновременно съ султаномъ бѣжали и беки и приближенные султана, т. е. земельная аристократія султанства; тогда же званіе султана было уничтожено навсегда, а Елисуйское султанство, какъ самостоятельная политическая организація, была упразднена и бывшее султанство было присоединено къ Джаро-Белоканскому округу, подъ названіемъ Елисуйскаго участка; высшій слой населенія, жители бекскаго происхожденія, были уравнены съ прочими жителями области, земли ихъ по конфискаціи поступили въ казну, а беки были обложены государственною повинностью, т. е. утратили значеніе первенствующаго сословія, уравнялись съ казенными крестьянами; тѣ изъ бѣглецовъ, которые возвращались назадъ, получали отъ правительства, какъ отнятыя у нихъ земли, такъ принадлежавшія имъ на эти земли права, слѣдовательно ни конфискація земель, ни упраздненіе бекскаго званія не имѣло безусловнаго и общаго характера, разъ возможно было возвращеніе правъ. Въ казенномъ управленіи остались лишь земли султана и оставшихся при немъ бековъ, въ этомъ случаѣ распоряженія русскаго правительства имѣли безусловную форму.

Изъ земель бывшаго Елисуйскаго султанства, за раздачей поселянамъ и возвратомъ вернувшимся бекамъвъ 1859 г., отведена часть ингилойцамъ, изъявившимъ желаніе избавиться отъ мусульманъ; этотъ фондъ долженъ былъ обезпечить поземельный бытъ ингилойцевъ христіанъ; правительство поддерживало ингилойцевъ еще изъ желанія „вообще возвысить ихъ (ингилойцевъ) въ глазахъ остального населенія округа".

6 дек. 1859 г. послѣдовала новая крупная мѣра, значительно видоизмѣнившая поземельныя отношенія; всѣ почти ненаселенныя казенныя земли, имѣнія населенныя мугалами были отданы бекамъ и др. мусульманамъ, взамѣнъ принадлежавшихъ этимъ лицамъ ингилойскихъ селеній. Выкупленныя имѣнія, какъ и казенныя, которыя находились въ рукахъ ингилойцевъ, съ которыхъ до 1859 г. поземельная повинность вносилась въ казну, были отданы принявшимъ въ округѣ христіанство „въ безплатное пользованіе, независимо отъ пожизненнаго освобожденія ихъ" отъ государственныхъ податей и временно на 6 лѣтъ отъ денежныхъ земскихъ повинностей.

Если внимательно присмотрѣться къ тѣмъ перемѣнамъ въ сословно-поземельныхъ отношеніяхъ въ Закатальскомъ округѣ, которыя произошли на протяженіи отъ 1831 г. по 1859 г., т. е. въ теченіи какихъ-нибудь 28 лѣтъ, то мы отмѣтимъ чрезвычайно важное явленіе, мы увидимъ, что въ перемѣнахъ 1831 г., 1844 г. 1852 г., которыя смѣняли другъ друга не было ни внутренней связи, ни внѣшней планомѣрности, нѣтъ въ нихъ единой строгой идеи, связывающей различныя мѣропріятія въ одно гармоничное цѣлое. Всякій разъ толчокъ къ реформамъ вытекалъ не изъ сущности ненормальныхъ правоотношеній въ поземельной сферѣ, а являлся извнѣ и не диктовался опредѣленными юридическими нормами. Обращеніе бекскихъ земель въ казенныя и переводъ бековъ въ разрядъ крестьянъ казенныхъ, правда, были вызваны актомъ мести бунтующимъ, но какъ реформа она не была правомѣрна; освобожденіе ингилойцевъ отъ зависимости бековъ имѣло свои серьезныя основанія, но возвратъ вновь земель бекамъ и передача имъ мугалъ, подвластнаго населенія, недавно освобожденнаго отъ зависимо-

сти тѣхъ же бековъ, въ 1859 г., явился нарушеніемъ ранѣе имъ данныхъ правъ, наконецъ, сама реформа 1859 г. была односторонней, милостивой для ингилойцевъ христіанъ, съ широкими для нихъ льготами и личной свободой и закрѣпощеніемъ въ то же самое время мугалъ, такимъ образомъ, реформа строилась не на объективныхъ основаніяхъ, она исходила изъ двухъ основаній примѣнительно къ двумъ разрядамъ населенія, одинаковаго до реформы въ правахъ своихъ предъ лезгинами, но различествуемаго теперь русскимъ правительствомъ по вѣроисповѣдности. Конечно, сословно поземельныя отношенія въ Закатальскомъ округѣ при темнотѣ и грубости населенія, болѣе знакомаго съ произволомъ сильнаго, были не вполнѣ нормальны, не были урегулированы, но то, что шло имъ на смѣну не имѣло твердаго, прочнаго основанія, не было послѣдовательно, а все это вносило сумятицу, сбивало съ толку населеніе, которое теряло возможность разобраться въ томъ, что происходило, но опыты, производимые надъ населеніемъ отнюдь не умиротворяли его, создавали основу постояннаго, длительнаго неудовольствія, нерасположенія къ новой власти, мѣшали мирному культурному преуспѣянію.

Въ результатѣ перемѣнъ сословно-поземельныя отношенія въ Закатальскомъ округѣ вылились въ слѣдующія формы. Поселяне округа по правамъ и обязанностямъ къ государству и землевладѣльцу могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) поселяне, не отбывавшіе никому поземельной повинности, такими были: а) лезгины, принятые въ составъ лезгинскихъ обществъ, пришлые переселенцы, такъ называемые мугалы, 7.900 дымовъ, б) мугальскія общества, владѣющія отдѣльными сельскими дачами на правѣ собственности, 330 дым., в) принявшіе православіе ингилойцы, получившіе занимаемыя ими земли отъ правительства въ безвозмездное пользованіе, 470 дым., всего въ первой категоріи 8.700 дымовъ. 2) Поселяне кешкельныхъ селеній, слишкомъ 3.000 дым. 3) Поселяне бекскихъ селеній до 900 дым.

Въ дачахъ поселянъ первой категоріи вся обработанная и предназначенная къ разработкѣ земля распредѣлялась между членами обществъ подымно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обществъ, преимущественно ингилойскихъ, сохранив-

шихъ общественный порядокъ пользованія пашнями. Поселяне этихъ же дачъ пользовались лѣтними пастбищами и лѣсами, при этомъ, угодія находились въ совмѣстномъ пользованіи отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, иногда даже нѣсколькихъ селеній, составляющихъ по праву пользованія названными угодіями одно нераздѣльное общество. Лѣтнія пастбища занимали вершины главнаго хребта и южные отроги его.

Лѣса были какъ въ плоскости, такъ и на горныхъ склонахъ. Лѣсныя пространства въ плоскости постепенно расчищались и обращались въ пашни, поэтому лѣса дѣлились на участки между отдѣльными членами обществъ. Лѣса на склонахъ, на покатостяхъ и ущельяхъ горъ въ виду недоступности ихъ оставались почти нетронутыми; не будучи удобными для пашни, эти пространства были весьма пригодны для весеннихъ и осеннихъ пастбищъ, при такихъ условіяхъ въ Закатальскомъ округѣ охотно занимались овцеводствомъ. Въ значительной степени овцеводы страдали отъ отсутствія собственныхъ зимнихъ пастбищъ, которыя ими нанимались у бековъ и другихъ частныхъ владѣльцевъ, какъ въ предѣлахъ округа, въ юговосточной его части, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, нѣкоторые изъ обществъ пользовались за опредѣленную плату казенными пастбищами, напримѣръ, въ Ширакскомъ приставствѣ. Исключенія составляли нѣсколько обществъ въ западной части округа, которыя имѣли собственныя зимнія пастбища въ нерасчищенныхъ лѣсахъ, на лѣвомъ берегу р. Алазани. Въ плоскостной части округа успѣли сохраниться лѣса, здѣсь оставались сравнительно большіе ихъ участки, это объясняется тѣмъ, что поселяне этой первой категоріи мало интересовались хлѣбопашествомъ и лишь за 10—15 л. до крестьянской реформы въ Закавказьѣ стали приниматься за земледѣліе, при такихъ условіяхъ на поселянскій дымъ приходилось въ среднемъ $10^1/_2$ дес., считая въ этой суммѣ нѣкоторую часть нетронутыхъ лѣсныхъ пространствъ.

Земли кешкельныхъ дачъ распредѣлялись между кешкельниками такъ, что каждый кешкельникъ пользовался опредѣленнымъ участкомъ земли, въ составъ котораго входили: усадьбы, садъ, пашни, обложенныя „опредѣленнымъ *неизмѣннымъ* натуральнымъ оброкомъ, составляющимъ по те-

перешнимъ цѣнамъ на хлѣбъ (конца 60-хъ гг.) среднимъ числомъ по 60 коп. съ дес.“, право лезгинъ, владѣльцевъ кешкелей, заключалось лишь въ полученіи поземельнаго дохода съ каждаго общества, по издавна уже опредѣленному числу кешкелей, за исключеніемъ этого никакими другими правами они не обладали, не могли ни вмѣшиваться въ порядокъ пользованія землею, ни распредѣлять ее между пользователями, ни отчуждать участковъ, предоставленныхъ въ пользованіе; кешкели переходятъ по наслѣдству между кешкельниками, какъ и всякая другая собственность; право пользованія выморочными кешкелями или частями его принадлежитъ не лезгинамъ, а кешкельнымъ обществамъ. Такимъ образомъ, „кешкельный порядокъ предоставляется для поселянъ пользователей вѣчной арендой на самыхъ выгодныхъ для нихъ и точно опредѣленныхъ условіяхъ, здѣсь они въ силу самаго права ограждены отъ произвола и чьего бы то ни было вмѣшательства въ ихъ поземельныя дѣла“. Наконецъ, поселяне третьей категоріи, на бекскихъ земляхъ, какъ и кешкельники лично ни отъ кого не зависѣли, а „обязательныя ихъ отношенія исключительно зависятъ отъ принадлежности занимаемой ими земли бекамъ“.

Въ однихъ поселянскихъ селеніяхъ надѣлы имѣли опредѣленный размѣръ и границы, въ другихъ они зависѣли отъ произвола владѣльцевъ. Но виды и размѣры повинностей въ бекскихъ поселеніяхъ не были достаточно опредѣлены, а это вмѣстѣ съ неопредѣленностью надѣловъ служило источникомъ недоразумѣній и неудовольствій. Право распоряженія землями вообще принадлежало бекамъ, за исключеніемъ усадебъ, устраиваемыхъ самими поселянами на лѣсныхъ росчистяхъ, которыя послѣ смерти поселянина обязательно переходили къ его наслѣдникамъ. Бекскіе поселяне не пользовались правомъ выкупа усадебъ или другихъ угодій.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, какъ глубоко различались въ правовомъ положеніи эти три категоріи населенія въ предѣлахъ небольшого Закатальскаго округа. Въ наихудшихъ условіяхъ находились поселяне бекскихъ владѣній, гдѣ произволъ бековъ собственно былъ безграниченъ. Поселяне ингилойцы, кешкельники составляли аристократическій слой населенія, сравнительно съ бекскими поселянами;

разница въ правовомъ положеніи между первыми двумя разрядами населенія и бекскими поселенцами ничѣмъ не сглаживалась, между ними существовала непроходимая пропасть, такимъ образомъ, живущіе бокъ о бокъ классы зависимыхъ людей управлялись совершенно различными нормами, неодинаково объективными и гарантирующими жизнь этихъ людей, ошибка правительства и заключалась въ сохраненіи такихъ ненормальностей, при цѣломъ рядѣ реформаторскихъ попытокъ.

Если мы теперь обратимся къ земельному надѣленію этихъ трехъ разрядовъ поселянъ, то получимъ слѣдующее: у поселянъ первой категоріи, не отбывавшихъ земельныхъ повинностей, находилось въ распоряженіи на 8.900 дымовъ—222.396 дес., считая въ этомъ числѣ жителей Самурскаго округа, въ сел. Кусирѣ, Джимджимахъ и Бачи-Джениxъ, 202 д., надѣленныхъ въ предѣлахъ Закатальскаго округа, на одинъ дымъ составитъ 25 дес. надѣленія. Если изъ принятой въ расчетъ 139.687 дес. горной полосы исключить $^1/_5$ т. е. 27.937 дес., считая въ томъ числѣ 4 бекскія и три казенныя (конфискованныя у бывшаго султана) лѣтнія пастбища, а также совершенно негодныя для обработки мѣста, какъ то: скалы, горныя кручи, то изъ оставшихся 194.459 дес. на каждый дымъ въ среднемъ будетъ приходиться 22 дес. Сравнивая три десятины горной земли изъ 139.687 дес., не считая неудобной по доходности, съ одной десятиной плоскостной земли и сложивъ по этому расчету 46.562 дес. въ горахъ съ 82.709 дес., находящимися въ плоскости, получимъ 129.271 дес. по достоинству плоскостной земли, при такомъ исчисленіи на дымъ придется немного болѣе $14^1/_2$ дес. Но чисто плоскостная земля, болѣе доходная, составляла не болѣе 82.709 дес. Если изъ общаго числа дымовъ 8.900 исключить 990 дым., не пользующихся землею на плоскости, получимъ 7.910 дым., слѣдовательно подымный надѣлъ составитъ $10^1/_2$ дес., безъ горныхъ частей.

Кешкельныхъ поселянъ числилось 3.092 дым., въ распоряженіи которыхъ состояли 32.917 дес. или $10^2/_3$ дес. на дымъ, съ присоединеніемъ къ нимъ 7.640 дес. казенной земли, предоставленныхъ въ пользованіе малоземельныхъ кешкельниковъ, въ среднемъ на дымъ получится немного болѣе 13 дес.

Бекскіе поселяне въ количествѣ 885 дымовъ владѣли 13.500 дес. или съ небольшимъ 15 дес. на дымъ, такъ какъ они же пользовались 1.000 дес. казенныхъ земель, то въ среднемъ на дымъ можно считать до 16½ дес.

Все пространство Закатальскаго округа составляло 336.765 дес., изъ этой суммы необходимо исключить земли ненаселенныя, зимнія пастбища—52.396 дес., принадлежащія частнымъ владѣльцамъ, бекамъ, и находящіяся въ личномъ распоряженіи этихъ владѣльцевъ 6.916 дес., а всего 59.312 десятинъ. Такимъ образомъ, поселянскаго надѣла окажется 277.453 дес. Всего поселянскаго населенія въ Закатальскомъ округѣ числилось 12.877 дым., въ томъ числѣ уже названные 202 дыма въ 3 селеніяхъ Самурскаго округа, слѣдовательно можно считать на дымъ 22½ дес.. Плоскостного надѣла на весь округъ числилось 137.766 дес., распредѣленныхъ между 11.877 дымами, имѣющими надѣлъ въ этой части, въ среднемъ на дымъ оказывалось 11⅔ дес., при расчетѣ 3 десятинъ горной земли равными 1 десятинѣ плоскостной, получимъ, что надѣлъ одного дыма не достигалъ 14⅓ дес., что при значительныхъ доляхъ горныхъ частей отнюдь нельзя признать высокимъ.

Для правильнаго уясненія сущности и характера сословно поземельныхъ отношеній этихъ данныхъ еще недостаточно, необходимо разсмотрѣть еще одинъ спеціальный вопросъ. Весьма важнымъ является изслѣдованіе вопроса о собственникахъ земель. Однѣ изъ земель принадлежали Елисуйскимъ бекамъ, другія земли, по преимуществу кешкельныя — лезгинскимъ обществамъ. Но у большей части тѣхъ и другихъ владѣльцевъ, земли, какъ уже было указано, за бунты и побѣги въ 30 и 40-хъ гг. были конфискованы, не только незанятыя, но и населенныя, съ обращеніемъ слѣдуемыхъ съ земель повинностей въ казну; мы уже знаемъ что спустя нѣкоторое время земли отобранныя русскимъ правительствомъ были возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Кому же при этихъ новыхъ обстоятельствахъ принадлежало безусловное право на земли. Оффиціальныя лица были того мнѣнія, что „какъ бы то ни было, но принадлежность лезгинскимъ обществамъ населенныхъ кешкельныхъ имѣній, есть фактъ и фактъ при томъ неопровержимый,

такъ какъ возстановленіе лезгинскихъ правъ утверждено правительствомъ", терминъ принадлежность отнюдь не указываетъ на юридическую природу владѣнія, но оффиціальные источники эту неточность исправляютъ поясненіемъ, что лезгинамъ возвращены *не кешкельныя земли*, а только *„опредѣленный, получавшійся и прежде доходъ съ кешкельныхъ поселянъ"*, иными словами, лезгины стали не владѣльцами съ безусловными правами на кешкельныя земли, а лишь получили право на поземельный доходъ, въ этомъ не было никакого новшества, ибо лезгины по обычному праву никогда, независимо отъ русской власти, не входили во внутреннее распоряженіе землями, а довольствовались, установленнымъ размѣромъ доходовъ безъ права увеличивать ихъ размѣры.

Предсѣдатель сословно-поземельной коммиссіи Закатальскаго округа артил. полк. Петандеръ и членъ коммиссіи ротм. Циммерманъ были того убѣжденія, что въ сословно-поземельныхъ отношеніяхъ необходимо произвести измѣненія; они прежде всего указывали на то, что земли находившіяся въ непосредственномъ пользованіи лезгинъ и земли не многихъ мугальскихъ обществъ должны быть „закрѣплены за ними въ полную собственность", на томъ основаніи, что русское правительство, отнимая у прежнихъ владѣтелей политическую самостоятельность, „никогда не отнимало у нихъ принадлежавшихъ имъ поземельныхъ вотчинныхъ правъ", кромѣ бунтовщиковъ и государственныхъ преступниковъ. Въ Джаро-Белоканской области политическая власть и владѣльческія права принадлежали всему лезгинскому народу, который чутко слѣдитъ за ходомъ реформъ въ сословно-поземельныхъ осношеніяхъ и „увѣрены (лезгины), что принадлежавшія имъ издавна на правѣ полной собственности земли въ томъ же видѣ будутъ утверждены за ними". Еще въ 1868 г. лезгинскія общества въ Белоканахъ и Закаталахъ просили „объ учрежденіи коммиссіи для разбора и окончательнаго закрѣпленія признанныхъ за ними правъ"; исходя изъ этого, предсѣдатель сословно-поземельной коммиссіи утверждалъ, что послѣ заявленныхъ лезгинами мнѣній невозможно „допустить и мысли о признаніи казенными какихъ бы то ни было земель, находящихся въ безспорномъ и, можно сказать, вѣчномъ владѣніи обществъ".

Въ виду преобразованія сословно-поземельныхъ отношеній въ краѣ, необходимо было въ эту цѣпь преобразованій включить и Закатальскій округъ. Сословно-поземельная коммиссія, детально изучавшая вопросъ, прежде всего формулировала вопросы по поземельному устройству Закатальскаго округа, разрѣшеніе которыхъ жизненно уже назрѣло.

Въ первую очередь, по мнѣнію коммиссіи, поселяне округа, не отбывающіе никому поземельныхъ повинностей, ингилойцы, 470 дым., получившіе казенныя земли въ безплатное пользованіе, должны получить данныя, утверждающія за ними названныя земли, должны быть эти земли за ними утверждены. Подобныя утвержденія въ правахъ владѣнія существующихъ надѣловъ должны получить и кешкельные поселяне, которымъ сверхъ того должно быть предоставлено право выкупа надѣловъ, по принятой въ Закавказскомъ краѣ капитализаціи изъ 6%, что будетъ соотвѣствовать среднему (6,18%) по совершеннымъ кешкельниками, по добровольному соглашенію съ владѣльцами, выкупамъ. Наконецъ, къ бекскимъ поселянамъ должно быть примѣнено Выс. утв. положеніе 14 мая 1870 г., лишь съ незначительными измѣненіями, вызванными мѣстными условіями жизни Закатальскаго округа.

Въ юго-восточной части Закатальскаго округа въ составъ сельскихъ дачъ входили зимнія пастбищныя мѣста, принадлежавщія Елисуйскимъ бекамъ и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, лезгинамъ. Сословно-поземельная коммиссія была того мнѣнія, что эти земельныя угодія наравнѣ съ прочими должны быть утверждены за нынѣшними ихъ владѣльцами.

Сословно-поземельной коммиссіи предстояло разрѣшить рядъ сложныхъ вопросовъ, однимъ изъ такихъ былъ вопросъ о хуторахъ, но не входящихъ въ составъ сельскихъ дачъ. Въ Закатальскомъ округѣ выработался *адатъ*, обычай, по которому, если кто-либо съ разрѣшенія владѣльца устраивалъ на его землѣ осѣдлость и устроитель, какъ поселянинъ, исправно отбывалъ положенныя повинности, то владѣлецъ не имѣлъ права гнать его съ своей земли. Земли, на которыхъ не оказывалось усадебной осѣдлости, согласно съ условіями, признавались на ходя-

щимися въ вѣчной арендѣ; если никакого обусловливающаго договора не было, владѣлецъ могъ отобрать землю, на которой нѣтъ усадебной осѣдлости въ свое пользованіе, съ ограниченіемъ, что пашни расчищенныя изъ подъ лѣса, съ дозволенія владѣльца, „во всякомъ случаѣ должны оставаться въ пользу расчистившаго ихъ въ теченіе извѣстнаго льготнаго срока, обыкновенно 6 или 7 лѣтъ“. При такихъ обычныхъ отношеніяхъ эти земли не входили въ поселянскій надѣлъ, но включеніе участковъ, на которыхъ нѣтъ усадебной осѣдлости въ надѣлъ, могло зависѣть лишь отъ добровольнаго соглашенія. Разсматривая эти случаи, коммиссія пришла къ такому выводу: если на участкахъ не входящихъ въ составъ сельскихъ дачъ, устроены хотя бы временныя усадьбы, на которыхъ поселяне остаются часть года, а остальную проводятъ на своихъ дачахъ, то при отсутствіи условій относительно ихъ, хутора эти „по требованію поселянъ должны быть включены въ надѣлъ“, и къ нимъ должны быть примѣнены всѣ постановленія, которыя будутъ относиться къ надѣламъ сельскихъ дачъ. Если опять таки не состоялись предварительныя соглашенія относительно размѣра земли, предоставляемаго поселянамъ на хуторѣ, то въ надѣлъ должны быть обращены: 1) устроенныя поселянами усадьбы съ садами и *курухами* (поливными сѣнокосными мѣстами), 2) расчищенныя ими пашни, 3) для округленія надѣла должно было отрѣзываться такое пространство необработанныхъ земель, чтобы сложность этихъ участковъ съ удобными землями сельской дачи составили 15 дес. на дымъ.

Въ числѣ поселянъ, которые заняли участки и устроили хутора внѣ своихъ сельскихъ дачъ видное мѣсто занимали православные ингилойцы. Когда ингилойцы были освобождены отъ повинностей въ пользу лезгинъ, правительство выкупило однѣ сельскія дачи, занятыя же внѣ ихъ частныя земли, хутора остались невыкупленными и ингилойцы продолжали платить за эти земли арендную плату, между тѣмъ ингилойцы, которые внѣ своихъ сельскихъ дачъ арендовали казенныя, бывшія султанскія, земли, были освобождены отъ слѣдуемыхъ съ нихъ повинностей. Коммиссія высказалась въ пользу той мысли, что

при обращеніи казенныхъ земель въ полную собственность ингилойцевъ, необходимо положить такой же предѣлъ пространству включаемыхъ въ надѣлъ участковъ, какой указанъ относительно частныхъ земель, занятыхъ поселянами внѣ ихъ сельскихъ дачъ.

Нами неоднократно указывалось на то, что землевладѣніе въ Закавказскомъ краѣ страдало въ сильной степени отъ неразмежеванности земель. Сословно поземельная коммиссія вполнѣ правильно поставила успѣхъ поземельной реформы въ зависимость отъ скорѣйшаго размежеванія земель. Для разбора поземельныхъ споровъ, которые естественно возникли бы при межеваніи къ составу коммиссіи т. е. учрежденія, занятаго этими вопросами, должны быть присоединены „выбранные народомъ диванъ-беги и казіи Закатальскаго окружнаго и главнаго народнаго судовъ, на которыхъ по нынѣ существующему положенію для управленія Закатальскимъ округовъ возлагается разборъ всѣхъ вообще гражданскихъ дѣлъ въ томъ числѣ и поземельныхъ споровъ"; а дѣятельность ихъ „ограничится исключительно разборомъ по мѣстнымъ адатамъ частныхъ поземельныхъ споровъ".

Мнѣнія свои сословно-поземельная коммиссія формулировала въ особомъ проектѣ. Нужно сказать, что для разбора сословно-поземельныхъ отношеній въ Закатальскомъ округѣ коммиссія была учреждена 1869 г., а свой проектъ реформы она представила 10/24 мая 1874 г.

II.

Проектъ реформы сословно-поземельныхъ отношеній въ Закатальскомъ округѣ.

Кавказское Горское управленіе весьма просто смотрѣло на реформу въ названномъ округѣ. Оно было убѣждено, что „изъ всѣхъ областей Кавказа нигдѣ поземельный строй не обрисовывается такъ ясно, какъ въ Закатальскомъ округѣ", гдѣ „у лезгинъ взаимоотношенія поселянъ къ владѣльцамъ и права общества такъ ясно опредѣлены, что не подаютъ повода къ малѣйшему недоразумѣнію". Проектъ реформы заключался „въ утвержденіи за лезгинами права собственности на земли, находящіяся въ ихъ непосредственномъ пользованіи, включая сюда лѣса и горныя пастбища", „мы, заявляютъ составители проекта, не видимъ, чтобы лицамъ податного сословія, и еще менѣе цѣлымъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, присвоено было право владѣнія населенными владѣніями, какъ въ Закатальскомъ округѣ, гдѣ лезгинскія общества въ цѣломъ своемъ составѣ владѣютъ на правѣ полной собственности землями, на которыхъ поселено осѣдлое населеніе и получаютъ съ нихъ установленный ими самими разъ навсегда доходъ"; основную цѣль реформы они видятъ въ стремленіи къ тому, что бы „успокоить ихъ (лезгинъ), привлечь ихъ къ трудолюбію, поднять ихъ нравственный уровень и упрочить довѣріе ихъ къ верховной власти", поэтому составители проекта считаютъ необходимымъ признать начала его, „которыя прямо вытекаютъ изъ историческаго развитія лезгинскаго народа, иначе лезгины будутъ вправѣ думать, что мы ихъ до сихъ поръ обманывали, что они управляются не закономъ, а произволомъ, и разрушатся сразу успѣхи десятилѣтнихъ трудовъ военно-народнаго управленія, вспыхнетъ съ новою силою

неугасшее еще стремленіе къ переселенію, большая и лучшая часть населенія округа двинется окончательно въ Турцію, а неудовольствіе лезгинъ отзовется неминуемо на Дагестанѣ, которому Закатальскій округъ служитъ, такъ сказать преддверіемъ".

Эта основная точка зрѣнія, предпосланная проекту сословно-поземельной реформы, раздѣляемая не однимъ Кавказскимъ горскимъ управленіемъ, а всей почти администраціей края, достойна вниманія. Реформа предпринимается не самостоятельно для урегулированія не вполнѣ нормальныхъ, неспокойныхъ поземельныхъ отношеній, по существу нуждающихся въ прочныхъ узаконеніяхъ, а по соображеніямъ чисто политическаго характера, для умиротворенія населенія; близорукость не позволяла мѣстной администраціи видѣть, что основа неурядицъ, политическаго броженія, какъ разъ и есть продуктъ сословно-поземельной сумятицы; самая сущность соціальныхъ условій для установленія мирныхъ формъ общежитія, требовала радикальныхъ реформъ; между тѣмъ реформа въ сословно-поземельномъ строѣ разсматривалась съ точки зрѣнія служебной, тогда какъ она должна была быть разсматриваема, какъ довлѣющая себѣ, и только при такомъ масштабѣ зрѣнія реформа могла имѣть значеніе.

Въ Закатальскомъ округѣ беки составляли привилегированное сословіе и по происхожденію своему дѣлились на 4 разряда: 1) беки, потомки цахурскихъ и елисуйскихъ владѣльцевъ, въ этой группѣ въ свою очередь различались происшедшіе какъ отъ законныхъ женъ султановъ, такъ и наложницъ, отъ такихъ бекскихъ женъ, которыя по происхожденію своему не могли передавать дѣтямъ бекскихъ правъ мужа, 2) беки, переселившіеся въ султанство изъ другихъ мѣстъ, гдѣ предки ихъ пользовались правами бековъ, 3) беки возведенные въ это званіе изъ податныхъ сословій султанами, 4) беки, пріобрѣвшіе дворянскія права личною службою русскому правительству.

Поселяне дѣлились на два сословія: 1) на вольныхъ лезгинъ, сподвижниковъ султана по образованію владѣнія, собственниковъ занятыхъ земель, свободныхъ отъ повинностей и податей за пользованіе землями въ пользу султановъ или бековъ, обязанныхъ нести однѣ государственныя подати и

повинности; 2) на раятовъ, отбывавшихъ повинность уплатой части урожая съ земныхъ повинностей отъ $^1/_4$ до $^1/_{10}$, а кое гдѣ раяты несли и личныя обязанности.

Особый разрядъ въ средѣ поселянъ составляли: *маафы*, *муллы* и *сейды*.

Въ 1847 г., по представленію кн. М. С. Воронцова, было утверждено положеніе о маафахъ; маафы вообще составляли классъ людей, свободныхъ отъ повинностей и податей, но несли полицейскую и кордонную службу. Маафы въ Закатальскомъ округѣ русскимъ правительствомъ были причислены къ поселянамъ, обязаннымъ нести подати и повинности наравнѣ съ ними. У лезгинъ же маафами назывались поселяне, освобожденные отъ податей.

Духовенство (муллы) въ силу своего положенія пользовалось привиллегіями и не несло никакихъ податей. Сейды считали себя за потомковъ Магомета и домогались освобожденія отъ повинностей.

Проектъ новаго положенія упростилъ дѣленіе по сословнымъ признакамъ.

Проектъ Положенія объ устройствѣ поселянъ Закатальскаго округа раздѣляетъ все населеніе на три разряда: 1) на поселянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, 2) кешкельныхъ поселянъ, отбывающихъ землевладѣльцамъ лезгинамъ разъ на всегда опредѣленную кешкельную повинность, 3) и поселянъ, водворенныхъ на бекскихъ земляхъ.

Поселянскіе надѣлы.

За поселянами, водворенными на собственныхъ земляхъ утверждаются всѣ находящіяся въ ихъ владѣніи угодія и земли, на владѣніе ими каждому сельскому обществу выдается данная, составляемая и утверждаемая по правиламъ, имѣющимъ быть изданными Главнокомандующимъ Кавказской арміей. Относительно ингилойцевъ, принявшихъ православіе была сдѣлана оговорка, по которой означенныя правила примѣняются только къ сельскимъ дачамъ. Въ казенныхъ же хуторахъ, въ которыхъ нѣкоторые ингилойцы, независимо отъ земли сельскихъ дачъ, имѣютъ хлѣбопашество и временную осѣдлость въ безплатномъ пользованіи, за по-

селянами оставляются всѣ обработанные участки; если сложность этихъ участковъ и удобныхъ земель не составляетъ 15 дес. на дымъ, то выдается дополнительный до означеннаго размѣра надѣлъ въ тѣхъ же казенныхъ хуторахъ, изъ смежныхъ невоздѣланныхъ земель. Обществамъ поселянъ собственниковъ предоставляется пользованіе и распоряженіе утвержденными за ними землями по собственному усмотрѣнію, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ, безъ исключенія поселяне, водворенные въ средѣ названныхъ обществъ пріобрѣли одинаковое участіе въ распоряженіи и пользованіи неразработанными общественными землями.

Сельскимъ обществамъ, пользующимся отдѣльными, не входящими въ составъ сельскихъ ихъ дачъ казенными землями, оставляются неприкосновенными только сельскія дачи. Если въ послѣднихъ окажется у обществъ, менѣе 15 дес. на дымъ, то дополнительное надѣленіе производится изъ казенныхъ земель. При этомъ опредѣленіе размѣра повинностей за дополнительные надѣлы предоставляется Главнокомандующему Кавказской арміей; ему же предоставляется изданіе особыхъ правилъ о времени и порядкѣ пастьбы для тѣхъ обществъ, которыя занимаются скотоводствомъ. Поселяне, водворенные въ бекскихъ селеніяхъ и имѣющіе усадебную осѣдлость въ бекскихъ хуторахъ получаютъ въ постоянное пользованіе опредѣленный земельный надѣлъ за установленныя повинности съ правомъ выкупа; поселянамъ, водвореннымъ въ кешкельныхъ селеніяхъ, оставляются всѣ земли и угодія, которыми они владѣютъ на кешкельномъ правѣ, съ правомъ выкупа.

Пространство поселянскаго надѣла въ бекскихъ имѣніяхъ опредѣляется по взаимному соглашенію, но съ условіемъ, чтобы въ общемъ надѣлѣ каждаго поселянскаго надѣла „ни въ какомъ случаѣ“ не приходилось менѣе 5 дес. на дымъ. При отсутствіи соглашенія, должны руководствоваться слѣдующими правилами: селенія, дачи, имѣнія, находившіяся до обнародованія Положенія, въ исключительномъ пользованіи поселянъ, въ полномъ „составѣ обращаются въ поселянскій надѣлъ“.

Въ дачахъ и имѣніяхъ, гдѣ кромѣ поселянъ опредѣленными частями имѣнія пользовались и владѣльцы, въ

поселянскій надѣлъ обращаются тѣ части имѣній, которыя до обнародованія Положенія находились въ исключительномъ пользованіи поселянъ, но „во всякомъ случаѣ никому изъ отдѣльныхъ владѣльцевъ не должно быть оставлено менѣе двойнаго поселянскаго надѣла“. Въ тѣхъ же дачахъ и имѣніяхъ, въ которыхъ при совмѣстномъ пользованіи владѣльцевъ и поселянъ пользованіе не было строго разграничено, тамъ поселянскій надѣлъ опредѣляется въ 15 дес. на поселянскій дымъ, но опять съ условіемъ, чтобы въ непосредственномъ распоряженіи владѣльцевъ осталось не менѣе $^1/_3$ всей совокупности удобныхъ при томъ имѣніи земель, если за выдѣломъ 15 дес. поселянскихъ нормальныхъ надѣловъ у владѣльцевъ останется менѣе $^1/_3$, то размѣръ поселянскаго надѣла ограничивается остальными $^2/_3$. Но владѣльцы имѣній могутъ сохранить за собой и менѣе $^1/_3$ удобныхъ при имѣніи земель, если за выдѣломъ этой части, поселянскій надѣлъ составилъ бы въ общей сложности менѣе 5 дес. на дымъ, то и въ этомъ случаѣ каждому дыму должно быть оставлено не менѣе 5 десят. Ненаселенные участки, не входящіе въ составъ сельскихъ дачъ и другихъ населенныхъ поселянами имѣній, могутъ быть включаемы въ поселянскій надѣлъ, только по взаимному соглашенію поселянъ и владѣльцевъ, а также въ томъ случаѣ, если эти участки, по заключеннымъ со владѣльцами, письменнымъ или устнымъ соглашеніямъ, предоставлены въ постоянное пользованіе поселянамъ.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ дореформенное пользованіе поселянъ не было строго разграничено и гдѣ земли находились въ общемъ пользованіи поселянъ и владѣльцевъ, и гдѣ сельскія дачи должны быть выдѣлены, тамъ въ составъ поселянскаго надѣла входятъ: 1) всѣ поселянскія усадьбы съ тѣми садами и *курухами* (находящимися у садовъ поливными сѣнокосными мѣстами), которыя состоятъ въ дѣйствительномъ пользованіи поселянъ, 2) всѣ пашни, находившіяся до утвержденія Положенія въ исключительномъ пользованіи поселянъ, 3) если за отводомъ упомянутыхъ угодій въ бекскихъ имѣніяхъ не будетъ доставать до нормальнаго надѣла, то отводится соотвѣтствующая часть прочихъ угодій имѣнія: выгоновъ, пастбищъ, лѣсовъ,

сѣнокосовъ, камышовыхъ мѣстъ, а также такихъ пашенъ, которыя, по усмотрѣнію владѣльца, могутъ обрабатываться или имъ самимъ водворенными въ имѣніи поселянами, или посторонними лицами; въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя находятся въ общемъ пользованіи владѣльцевъ и поселянъ, въ которыхъ на основаніи вышесказаннаго лѣса, выгоны, пастбища могутъ быть включены въ поселянскій надѣлъ, угодія эти и на будущее время могутъ оставаться въ общемъ пользованіи, которое можетъ быть прекращаемо въ случаѣ заявленія одной изъ сторонъ. Лѣса, выгоны, пастбища и т. п., не включенные въ надѣлъ и не оставленные въ общемъ пользованіи, поступаютъ въ полное распоряженіе владѣльца; если поселяне будутъ изъявлять желаніе на занятіе ими, то относительно порядка и условія пользованія должны состояться особыя соглашенія.

Въ составъ поселянскаго надѣла входитъ и вода существующихъ оросительныхъ канавъ. При выдѣлѣ поселянамъ части имѣнія, находившагося до утвержденія Положенія въ общемъ пользованіи владѣльцевъ и поселянъ, количество воды, поступающее въ надѣльное пользованіе будетъ опредѣляться по тѣмъ правиламъ, которыя будутъ изданы Главнокомандующимъ Кавказскою арміею, „примѣняясь къ существующему порядку пользованія“.

Въ кешкельныхъ владѣніяхъ въ составъ поселянскаго надѣла включаются всѣ кешкельныя земли и такія изъ не кешкельныхъ земель, которыя по заключеннымъ съ владѣльцами условіямъ предоставлены въ постоянное пользованіе кешкельникамъ. Тѣ общества малоземельныхъ кешкельныхъ селеній, которыя до обнародованія Положенія пользовались казенными землями на правомъ берегу р. Алазани, могутъ при желаніи получить изъ тѣхъ земель добавочное надѣленіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы весь поселянскій надѣлъ, считая кешкельныя земли, частныя, казенныя въ общей сложности составилъ до 15 дес. на дымъ.

На первоначальное утвержденіе поселянскаго надѣла назначается 2-хъ годичный срокъ со дня обнародованія Положенія. Требованіе одной изъ сторонъ о разграниченіи и разверстаніи угодій къ одному мѣсту, дѣлаетъ обязательнымъ для другой стороны раздѣлъ оросительныхъ канавъ.

Пріемъ надѣльныхъ земель не является для поселянъ обязательнымъ. Отдѣльный поселянскій дымъ можетъ отказаться отъ всего поселянскаго надѣла, безразлично, переходитъ ли онъ въ другое сословіе или остается въ своемъ, отказъ можетъ касаться и части надѣла, превышающей 5 дес., принимая во вниманіе не только ту часть надѣла, которая находится въ подворномъ владѣніи, но и приходящуюся на дымъ часть общественной земли. Участки эти, если ихъ не возьмутъ наслѣдники, поступаютъ въ распоряженіе поселянскаго общества, которое сдаетъ въ наслѣдственное пользованіе другимъ нуждающимся въ землѣ поселянамъ, или оставляетъ въ общественномъ пользованіи; если откажется и общество, то продаются съ публичныхъ торговъ или при неуспѣхѣ ихъ, присоединяются къ владѣльческой землѣ.

Въ бекскихъ имѣніяхъ поселянское общество по соглашенію съ владѣльцами можетъ отказаться отъ части надѣла, но при такихъ отказахъ пространство надѣла не должно уменьшиться болѣе, какъ на $^1/_6$, „остальная часть обращается въ неприкосновенную мірскую землю поселянскаго надѣла, предназначенную для постояннаго обезпеченія быта всего поселянскаго общества“. Общество же не имѣетъ права отказаться отъ части надѣла, если отказъ можетъ повлечь уменьшеніе общаго пространства ниже $^1/_3$ нормальнаго размѣра. Нормальнымъ размѣромъ надѣленія на дымъ признанъ 15 десятинъ.

Повинности за поселянскіе надѣлы.

Земли, которыя получаютъ поселяне и пока они отбываютъ повинности съ долей урожая земными произведеніями, должны засѣваться не менѣе, какъ въ половинномъ размѣрѣ.

Наиболѣе важнымъ является опредѣленіе повинности за земельный надѣлъ. Размѣръ повинностей за поселянскій надѣлъ, отведенный обществамъ Положеніе сохраняетъ старый; въ имѣніяхъ же, гдѣ до изданія Положенія не былъ введенъ еще оброчный порядокъ или часть повинностей уплачивалась въ видѣ оброка, всѣ повинности должны быть переведены на денежный оброкъ или натуральный, по

желанію поселянъ; правила же для замѣны существующихъ повинностей денежнымъ оброкомъ поручаются выработать Главнокомандующему Кавказскою арміей.

Кешкельная дача или селеніе раздѣляется на опредѣленное разъ на всегда число кешкелей и съ каждаго кешкеля уплачивается опредѣленный оброкъ отъ 1 до 8 четв. хлѣба, смотря по величинѣ кешкеля или установившемуся обычаю. Иначе обстоитъ дѣло въ бекскихъ селеніяхъ, въ которыхъ повинности трехъ родовъ: 1) садовая—за усадебную осѣдлость, 2) хлѣбная—за пашни, 3) мелкія—за право пользованія др. угодіями. Садовая повинность отбывается или деньгами отъ 40 до 50 коп. или размотаннымъ шелкомъ отъ 1 до 3 стилей т. е. отъ $^2/_3$ до 2 ф. съ каждаго сада или кешкеля. Хлѣбная повинность можетъ быть или оброчной или малджегатной. Оброкъ составляетъ отъ 1 до $4^1/_2$ четв. хлѣба съ дыма или кешкеля; *малджегатъ*—$^1/_{10}$ или $^1/_7$ урожая; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ къ повинности въ пользу владѣльца земли прибавляется нѣкоторая часть въ пользу отмѣривающаго, *даргалукъ*, отъ $^1/_{30}$ до 1 четв. хлѣба съ дыма. Этотъ оброчный или малджегатный хлѣбъ доставляется владѣльцу на домъ, если бы даже онъ не проживалъ въ томъ селеніи, въ которомъ собранъ хлѣбъ, но самое дальнее разстояніе, на которое можетъ быть доставленъ хлѣбъ 25 в. Мелкія повинности различны въ разныхъ мѣстахъ, въ иныхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Главная изъ мелкихъ повинностей: 1) аробная; арбы доставляются поселянами бекамъ при переѣздѣ ихъ на лѣтнія кочевки, и обратно на зимнія мѣста. Обыкновенно поселяне давали со двора по 1 или по 2 быка, арбу, вьючную, или верховую лошадь, 2) угощеніе бековъ, семейства и прислуги ихъ во время перекочевокъ 2 раза въ годъ, а также во время случайныхъ пріѣздовъ бековъ; 3) условная, иногда произвольная, плата деньгами или вещами при выходѣ поселянскихъ дочерей замужъ, 4) конвоированіе бековъ и поставка нарочныхъ для посылокъ, 5) приношенія масломъ, курами, виноградомъ, овощами, сѣномъ „по мѣрѣ надобности и востребованію“.

Повинности каждымъ домохозяиномъ вносятся за себя „прямо землевладѣльцу“. За общественныя угодія, которыя

ежегодно по приговору обществъ распредѣляются между его членами и за упразднившіеся подворные участки, впредь до передачи другому поселянину въ постоянное или личное распоряженіе, повинности вносятся всѣмъ поселянскимъ обществомъ за круговою порукою, но и здѣсь по обоюдному соглашенію поселянъ и владѣльцевъ можетъ быть допущенъ подымный взносъ.

Выкупъ надѣловъ и поселянскія учрежденія.

Положеніе предусмотрѣло вопросъ о пріобрѣтеніи поселянами въ собственность земельныхъ надѣловъ. Выкупъ надѣловъ допускается, „какъ съ согласія землевладѣльцевъ, такъ и по требованію однихъ поселянъ". При выкупѣ надѣла съ согласія землевладѣльца „опредѣленіе пространства выкупаемыхъ участковъ, размѣра выкупной суммы и порядка взноса оной землевладѣльцамъ вполнѣ зависитъ отъ обоюднаго соглашенія договаривающихся сторонъ", когда добровольнаго соглашенія не будетъ, „поселяне, какъ цѣлымъ обществомъ, такъ и отдѣльными дымами имѣютъ право выкупать въ собственность отведенные имъ по уставнымъ грамотамъ надѣлы и безъ согласія землевладѣльца". Выкупныя суммы будутъ вычисляться по капитализаціи изъ 6% всѣхъ отбываемыхъ поселянами владѣльцамъ повинностей, по предварительной денежной оцѣнкѣ натуральныхъ повинностей. Выкупъ считается совершеннымъ „только по единовременномъ взносѣ поселянами" всей выкупной суммы.

На поселянскіе надѣлы должны быть составляемы уставныя грамоты по правиламъ, которыя будутъ изданы Главнокомандующимъ Кавказскою арміею; если земли не размежеваны, то составляются „временныя уставныя грамоты" или вносятся „въ постоянныя грамоты временныя условія".

Наконецъ, для проведенія въ жизнь новыхъ правилъ о сословно поземельномъ устройствѣ, Положеніе проектируетъ временное учрежденіе: изъ помощника начальника округа „по поземельному устройству поселянъ", двухъ Мировыхъ Посредниковъ, трехъ переводчиковъ и межевого члена, эти лица подчиняются начальнику Закатальскаго округа, на котораго возлагается общее наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе Положенія. По дѣламъ же, подле-

жащимъ въ другихъ частяхъ края вѣдѣнію Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, учреждается для Закатальскаго округа *„Главное Межевое и по Поселянскимъ дѣламъ присутствіе“*, подъ предсѣдательствомъ Начальника Кавказскаго Горскаго управленія и состоитъ изъ инспекторовъ межевыхъ работъ названнаго управленія и помощника его. Для рѣшенія межевыхъ и поселянскихъ дѣлъ меньшей важности учреждается *„Окружное по поселянскимъ дѣламъ присутствіе“*, подъ предсѣдательствомъ Начальника округа, изъ помощника по поземельному устройству поселянъ и межевого члена.

III.

Возраженія А. П. Николаи на проектъ реформы.

Проектъ Положенія вызвалъ серьезный разборъ начальника Главнаго Управленія А. Николаи. А Николаи признаетъ „совершенную своеобразность этихъ началъ (проекта Положенія) и приводимыхъ въ подкрѣпленіи ихъ доводовъ (со стороны составителей), не находящую подобія не только въ частныхъ законоположеніяхъ, изданныхъ для другихъ частей Закавказья, но и въ законодательствѣ какъ Россійской имперіи и всѣхъ государствъ европейскихъ, въ особенности въ томъ, что касается опредѣленія существенныхъ признаковъ отличающихъ право собственности поземельной". Прежде всего А. Николаи выдѣляетъ вопросъ о правѣ собственности бековъ и отношенія ихъ къ поселеннымъ на ихъ земляхъ поселянъ, такъ какъ этотъ вопросъ разрѣшается зак. 6 дек. 1846 г. и 14 мая 1870 г., слѣдовательно по отноношенію къ нимъ нѣтъ надобности для особаго законоположенія, „опредѣляющаго отношеніе государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ бековъ Закатальскаго округа" и вполнѣ справедливымъ кажется А. Николаи распространеніе на нихъ Пол. 14 мая 1871 г.

Закатальская сословно поземельная Коммиссія и Начальникъ Горскаго Управленія высказались въ пользу укрѣпленія за лезгинскими обществами всѣхъ земель и угодій, какъ находящихся въ ихъ непосредственномъ пользованіи, такъ и въ пользованіи кешкельныхъ поселянъ, въ виду несомнѣнности ихъ правъ, это предположеніе нашло выраженіе и въ проектѣ Положенія. А. Николаи, ссылаясь на ст. ст. 420, 421, 699, 406, 696 Св. Зак., т. X, ч. I, въ которыхъ указаны признаки права собственности и способы его пріобрѣ-

тенія, заключаетъ, что, „присваиваемое лезгинскимъ обществамъ поземельное право собственности, очевидно, не подходитъ подъ эти признаки, оно выводится изъ другого начала, а именно изъ начала завоеванія", „въ соображеніяхъ, изложенныхъ Закатальской сословно поземельной Коммиссіей въ запискѣ, говоритъ А. Николаи, существуетъ смѣшеніе о правѣ собственности частной съ понятіемъ о правѣ территоріальнаго владѣнія и что всѣ доводы, приведенные въ защиту существующаго будто бы права собственности лезгинскихъ обществъ на земли Закатальскаго округа, суть ничто иное, какъ доказательства того территоріальнаго права владѣнія, которое безспорно принадлежало этимъ обществамъ до 1830 г. т. е. до того дня, пока это самое пріобрѣтенное завоеваніемъ право, перешло къ новому завоевателю т. е. къ Россійскому государству. Лезгины же, переставая быть членами вольныхъ обществъ и поступивши въ подданство Россіи, сдѣлались государственными поселянами и на томъ же самомъ основаніи, какъ и всѣ государственные крестьяне Закавказскаго края, поселенные во владѣніяхъ, разновременно присоединеныхъ къ Россійской имперіи."

„Я, продолжаетъ А. Николаи, не могу усмотрѣть ни одного правительственнаго акта, который создалъ бы для лезгинскихъ обществъ Закатальскаго округа особыхъ отъ всѣхъ другихъ подданныхъ имперіи права на земли, на которыхъ они водворены, распоряженія же главной въ краѣ мѣстной власти (24 іюня 1836 г., 1859 г.) только свидѣтельствуютъ о той осторожности и, можно сказать, измѣнчивости въ частныхъ распоряженіяхъ, которыя были вынуждены политическими и военными условіями края." „Размѣръ платимой въ Закавказскомъ краѣ государственными поселянами подати не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія отношеній платящихъ оную къ землѣ", а установленіе размѣровъ подати, по мнѣнію А. Николаи, зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Снисхожденіе же оказываемое жителямъ Закатальскаго округа относительно размѣра подымной подати, которая не подвергалась измѣненіямъ съ 1831 г., есть случайность.

Обращеніе въ собственность ингилойскихъ и лезгинскихъ обществъ усадебныхъ, пахатныхъ, сѣнокосныхъ земель, паст-

бищъ, находящихся въ общественномъ пользованіи возможно лишь Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ. „Не подобало бы, смѣю думать, продолжаетъ А. Николаи, достоинству русскаго правительства спокойствіе и одобреніе горсти безпокойныхъ горцевъ пріобрѣтать уступкою несомнѣнныхъ правъ своихъ на государственныя имущества формальнымъ на вѣчное время закабаленіемъ равноправныхъ имъ русскихъ поданныхъ, наконецъ, созданіемъ какого-то привилегированнаго въ государствѣ сословія", поэтому, изданіе особаго законоположенія о поземельномъ устройствѣ для Закатальскаго округа А. Николаи признаетъ не только ненужнымъ, но и вреднымъ, ненужнымъ потому, что устройство поселянъ можетъ „совершиться на основаніи общихъ законовъ вполнѣ достаточныхъ", вреднымъ же потому, что „изданіе такого Положенія вынуждаетъ нѣкоторымъ образомъ правительство разрѣшать законодательнымъ путемъ такой вопросъ, теоретическое возбужденіе котораго нежелательно и ставитъ законодательную власть въ необходимость либо торжественно разсѣять заблужденія, которыми населеніе быть можетъ дорожитъ, либо узаконить въ угожденіе онымъ то, что противно и его интересамъ, и основнымъ законамъ имперіи"; разойдясь въ общихъ руководящихъ взглядахъ на сущность сословно-поземельной реформы, ставъ на защиту идеи государственной, которую никто умалять не собирался, А. Николаи предложилъ свои практическія мѣры. Въ первую очередь онъ выдвинулъ необходимость хозяйственнаго межеванія казенныхъ земель Закатальскаго округа и составленія межевыхъ плановъ отдѣльныхъ дачъ крестьянскихъ обществъ, для осуществленія этой цѣли онъ рекомендуетъ принять за основаніе „сохраненіе неприкосновенности существующихъ надѣловъ"; такъ какъ неприкосновенность земельныхъ надѣловъ кешкельныхъ селеній не оспаривалась, то предложилъ межевать и ихъ; лѣса и пастбища снимать на планъ особо, какъ имущество, которое должно поступить въ казну; для обезпеченія населенія лѣсомъ для домашнихъ нуждъ закономъ должно быть представлено либо безплатное изъ общихъ казенныхъ лѣсовъ пользованіе, либо, гдѣ возможно, пользованіе крестьянскими общественными лѣсными участками (ст. 824, 826, 829, Св. Зак. т. VIII, ч. I Уст. Лѣсн.).

А. Николаи считаетъ, что не представится затрудненій для включенія въ предѣлы крестьянскихъ надѣловъ, гдѣ они недостаточны плоскостныхъ лѣсныхъ пространствъ, которыя возможно расчистить подъ пахатныя земли, и такіе участки, предоставленные къ сплошной вырубкѣ, должны быть предоставлены въ полное распоряженіе крестьянскихъ обществъ, безъ подчиненія пользованія ими правиламъ лѣсного хозяйства; точно также пастбищныя мѣста должны поступить въ казенное управленіе и если окажется необходимымъ предоставить ихъ временно въ безплатное пользованіе крестьянскихъ обществъ, какъ это освящено обычаемъ только для цѣлей домашняго хозяйственнаго пользованія, а не для цѣлей промышленныхъ; такимъ образомъ, заключаетъ А. Николаи, „преимущественно административными и исполнительными мѣрами, вполнѣ согласными съ дѣйствующими законами, достигнется... безъ потрясеній и затрудненій, поземельное устройство жителей Закатальскаго округа, а также полное успокоеніе ихъ въ томъ, что находящіяся въ ихъ пользованіи усадебныя, сѣнокосныя, пахатныя, садовыя земли, останутся въ неприкосновенномъ ихъ владѣніи, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они существуютъ и что прочность этого пользованія не подвергнется въ будущемъ никакимъ измѣненіямъ“.

А. Николаи ничего не имѣетъ противъ того, что если окажутся свободныя казенныя земли, таковыми дополнительно надѣлялись нуждающіеся по утвержденію Намѣстника.

Реформа сословно-поземельныхъ отношеній не была доведена до конца, все дѣло ограничилось вышеизложеннымъ.

IV.

Освобожденіе речбаровъ въ Кубинскомъ у., Бакинской губ.

Речбары, ихъ происхожденіе и правовое положеніе.

Въ Кубинскомъ у., рядомъ съ государственными поселянами, водворенными на казенныхъ и владѣльческихъ земляхъ, проживало особое сословіе, подъ названіемъ *речбаръ (реджбаръ)*; сословіе это находилось въ личной зависимости бековъ и лицъ другого званія изъ мусульманъ. Всѣхъ речбаровъ въ Кубинскомъ у. состояло 224 дыма, обязанныхъ личными и денежными повинностями 40 владѣльцамъ.

Въ числѣ наградъ и пожалованій, которыя раздавали ханы въ эпоху своего самостоятельнаго политическаго существованія была раздача и людей тому или другому лицу, безъ различія, къ какому бы сословію жалуемое ханской милостью лицо не принадлежало, былъ ли то бекъ или простой поселянинъ; все опредѣлялось ханской милостью, поэтому полученіе речбаровъ не было привилегіей. Мировой посредникъ Старцевъ, изучавшій этотъ вопросъ спеціально, утверждаетъ, что „право на полученіе речбара не было принадлежностію, привилегіею какого-либо сословія, былъ то бекъ, простой поселянинъ, всякій имѣлъ на это право, лишь бы на то была милость ханская; речбары давались всякому, къ какому бы сословію онъ не принадлежалъ". Речбары не составляли какого-либо особаго класса или сословія; „поставленныя въ личныя обязательныя отношенія къ тому или другому лицу, они не выходили изъ своего общества, а оставались по прежнему въ немъ, и если выдѣлялись чѣмъ-нибудь изъ своей среды, то развѣ только тѣмъ, что не платили податей, да и то не всѣ, а весьма рѣдкіе, большей частію, напротивъ, платили". Извѣстно, что изъ речбаровъ одни жаловались потомственно, другіе пожизненно, третьи составляли принадлежность какой-либо должности, какъ-то магальныхъ наибовъ, т. е., пока лицо занимало извѣстную должность, речбаръ состоялъ при немъ, а со смѣщеніемъ

лица, услугами речбара пользовался замѣститель. Когда въ Кубинскій у. вступили русскія власти, речбары раздавались за услуги безъ различія сословія, потомственно и пожизненно, какъ при ханахъ, опредѣляли при должностяхъ, слѣдовательно, никакихъ перемѣнъ въ положеніи речбаровъ на первыхъ порахъ не произошло; мало того, речбары русскимъ правительствомъ жаловались за военныя и иныя заслуги; если пожалованное лицо находило для себя пожалованнаго речбара непригоднымъ, или если речбаръ не желалъ служить, то бекамъ разрѣшено было просить о замѣнѣ речбара; назначеніе речбаровъ зависѣло отъ военно-окружнаго начальника „не лицамъ, но собственно мѣстамъ ими занимаемымъ", такъ главному казію въ провинціи и всѣмъ магальнымъ наибамъ каждому назначалось по 20 человѣкъ речбаровъ, освобожденныхъ отъ всякихъ податей и повинностей въ казну.

Речбары дѣлились на платящихъ и не платящихъ повинностей; платящіе вносили всегда повинности деньгами, а не натурой. Въ то время какъ поселяне платили 1 р. 50 к., одну рубу пшеницы и 1/2 рубы ячменя, речбары всегда вносили деньгами по 4 р. въ годъ, и болѣе никакихъ повинностей не отбывали, такъ по крайней мѣрѣ, было до 40-хъ гг.; съ 1872 г. уже „всѣ речбары, по распоряженію начальства, никакой подати въ казну не платятъ, а только лишь одинъ земскій сборъ".

Обязанности речбара по отношенію къ лицамъ, къ которымъ они были назначены, состояли въ слѣдующемъ: вопервыхъ, бекъ снабжалъ речбара парой буйволовъ и пшеницей отъ 8 до 10 рубовъ, это составляло хозяйственное обзаведеніе речбара; речбаръ, засѣвая на общественной землѣ участокъ, отдавалъ беку урожай, за исключеніемъ части, причитающейся жнецамъ за работу, самъ речбаръ себѣ оставлялъ саманъ и то для того, чтобы откармливать скотъ бека; если бекъ имѣлъ речбара въ собственной деревнѣ, то давалъ ему отъ 24 до 30 рубовъ пшеницы и 3 пары буйволовъ, къ которымъ речбаръ припрягалъ свою пару; по уборкѣ урожая 1/4 собраннаго хлѣба речбаръ оставлялъ себѣ, остальное отдавалъ беку; эта обязанность была установлена обычаемъ и при русскомъ правительствѣ рѣдко исполнялась, а была замѣнена по обоюдному согласію и безъ письменныхъ условій ежегоднымъ взносомъ беку опредѣленнаго размѣра хлѣб-

наго урожая или речбаръ отбывалъ личныя повинности. Но речбары, находясь въ личной зависимости отъ бековъ, являлись „постоянными работниками у своихъ господъ и отправляя имъ личную службу при домахъ, надзираютъ кромѣ того по хозяйству за ихъ (бековъ) стадами барановъ или табунами лошадей", въ нѣкоторыхъ случаяхъ „занимаются и хлѣбопашествомъ", „въ случаѣ же неблагонадежности или уменьшенія членовъ речбарскаго семейства, владѣльцы съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, перемѣняютъ ихъ и тогда, исключенный речбаръ, возвращаясь въ первобытное званіе, принимаетъ на себя прежнія обязанности казеннаго поселянина", такимъ образомъ, изъ нѣсколько сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ свѣдѣній можно установить, что речбары исполняли наряду съ личными повинностями, въ качествѣ какъ бы дворовыхъ, и полевыя работы, при этомъ рѣзкой грани между этими обязанностями проведено не было.

Обязанности речбара не имѣли никакого отношенія къ землѣ, которую онъ занималъ; речбаръ отправляетъ свои обязанности передъ бекомъ и при этомъ никто не принималъ во вниманіе того, былъ ли данный речбаръ казенный поселянинъ, жилъ ли онъ на землѣ того лица, которому онъ былъ назначенъ, или былъ водворенъ въ имѣніе бека и пользовался его землею; одно только было ясно и опредѣлено, что такой речбаръ не платилъ дагьека, т. е. платы изъ части съ урожая въ пользу владѣльца; неяснымъ остается только одно, разрабатывалъ ли речбаръ свой надѣльный участокъ, да и сохранялся ли за нимъ вообще земельный надѣлъ.

На речбаровъ русское правительство обратило вниманіе при Ермоловѣ въ 1824 г.; Ермоловъ, отъ 24 марта 1824 г., предписалъ Дагестанскому военно-окружному начальнику: „безконечную вѣдомость речбарамъ, коими пользуются отъ казны духовныя особы, беки и другія лица и которые даны имъ присвоенною себѣ комендантами властію, не рѣдко безъ всякаго разбора, людямъ безполезнымъ, не по заслугамъ" отмѣнить; тогда же Ермоловъ опредѣлилъ кому и сколько речбаровъ можетъ быть предоставлено; въ этомъ случаѣ руководился подвигами, проявленными лицами или заслугами, способностью быть полезнымъ

на службѣ, бѣдностью. Ген. Ермоловъ раздѣлилъ всѣхъ речбаровъ на свободныхъ отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей и на обязанныхъ, взамѣнъ повинностей и податей, по 4 р. въ годъ, на какомъ основанiи Ермоловъ произвелъ такое дѣленiе неизвѣстно; ген. Ермоловъ предписалъ руководиться на будущее время особыми правилами, по нимъ: 1) умноженiе речбаровъ или лишенiе ихъ у тѣхъ, кому они принадлежатъ, зависитъ отъ военно-окружного начальника, 2) коменданты лишены власти давать кому-либо речбаровъ, 3) назначенiе речбаровъ зависитъ отъ военно-окружного начальника. Позже речбары, сохраняя въ отношенiе казенныхъ податей права, предоставленныя имъ ген. Ермоловымъ, со времени преобразованiя гражданскаго управленiя Закавказскимъ краемъ, вносили денежную земскую повинность безъ различiя, наравнѣ со всѣми поселянами Кубинскаго у. Бывшая Дербентская коммиссiя требовала отъ владѣльцевъ документы на право пользованiя речбарами, пожалованными ханами и изъ владѣльцевъ только одинъ представилъ ханскую талагу на одного речбара, когда ихъ у него было 6 чел., остальные заявили, что документы ими утрачены и ссылались на свое право, признанное ген. Ермоловымъ, а также на распоряженiя русскихъ начальственныхъ лицъ, которыми предоставлялись разнымъ лицамъ речбары.

Изъ спецiально составленной вѣдомости оказалось, что владѣльческихъ семействъ, пользующихся речбарами числилось 40, зависимыхъ отъ нихъ речбаровъ 229 чел., платящихъ въ казну податей по 4 р. въ годъ 45, не платящихъ 184. Въ этомъ числѣ значилось поступившихъ въ речбары изъ: 1) деревень исключительно казенныхъ—126, 2) изъ деревень, въ которыхъ владѣльцы речбаровъ имѣли другихъ подвластныхъ и получали съ нихъ поземельные сборы—45; 3) изъ деревень, гдѣ владѣльцы, хотя кромѣ речбаровъ не имѣли другихъ подвластныхъ, но оказывались владѣльцы, которые получали съ подвластныхъ своихъ поселянъ поземельный доходъ — 58, всего 229, изъ этого числа по Ермоловской вѣдомости показаны: пожалованными при ханахъ—85, при русскомъ правительствѣ—106; однако, въ Ермоловской вѣдомости не показаны, но тѣмъ не менѣе зна-

чатся пожалованными при русскомъ правительствѣ въ разное время, послѣ составленія вѣдомости—37; 11 речбаровъ были отданы владѣльцамъ въ пожизненное пользованіе, 1—по наслѣдству съ ханскихъ временъ.

Вопросъ объ упраздненіи сословія речбаровъ возникалъ неоднократно, такъ бывшій Дербентскій военный губернаторъ ген. м. Минквицъ полагалъ наилучшимъ вознаградить владѣльцевъ речбаровъ землей изъ казеннаго фонда, по возможности изъ мѣстъ ближайшихъ къ мѣсту постояннаго жительства по 5 дес. за речбара, распростанивъ такое вознагражденіе: 1) на лицъ, имѣющихъ речбаровъ по наслѣдству съ времени ханскаго управленія, 2) на лицъ, къ которымъ до Выс. рескрипта 6 дек. 1846 г. перешло по наслѣдству право владѣнія речбарами, при русскомъ правительствѣ назначеннымъ отцамъ и предкамъ ихъ по прямой восходящей линіи, 4) исключить владѣльцевъ, имѣющихъ речбаровъ въ собственныхъ деревняхъ, потому что, по существовавшимъ правиламъ речбаръ освобожденный изъ этого званія обращался въ поселянина, обязаннаго отбывать беку хлѣбную и другія повинности, отъ землепашца слѣдуемыя; Минквицъ и предлагалъ освобождаемыхъ речбаровъ оставить въ зависимости землевладѣльцевъ; 5) исключить изъ числа вознаграждаемыхъ лицъ тѣхъ, которые пользовались до момента предполагаемыхъ реформъ речбарами, предоставленными имъ при русскомъ правительствѣ за услуги, ибо никто изъ владѣльцевъ не имѣетъ въ своей зависимости речбаровъ менѣе какъ 12 л. Съ преобразованіемъ въ 1840 г. гражданскаго управленія прекратилось награжденіе бековъ речбарами, а 12 л. срокъ службы речбаровъ былъ признанъ достаточнымъ для вознагражденія заслугъ, за которыя обыкновенно жаловались такіе работники.

Управляющій гражданской частью въ Прикаспійскомъ краѣ ген. ад. кн. Орбеліани, соглашался съ ген. Минквицемъ въ томъ, что владѣльцы речбаровъ, пожалованныхъ имъ русскимъ правительствомъ за службу или по бѣдности, не могутъ требовать какого-либо вознагражденія за отбираемыхъ речбаровъ, потому что речбары имъ жаловались не потомственно, тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что коль скоро предполагается дать вознагражденіе другимъ владѣльцамъ, между

прочимъ такимъ, которые не сами заслужили речбаръ, а получили ихъ по наслѣдству отъ лицъ, которымъ речбары жаловались тоже за заслуги, то справедливость требуетъ, по мнѣнію Орбеліани, вознаградить всѣхъ вообще владѣльцевъ речбаровъ. На основаніи §§ 7, 8 рескрипта 6 дек. 1846 г. повинности поселянъ бекамъ должны истекать изъ права бековъ на земли, а не изъ личной зависимости отъ нихъ поселянъ; опираясь на это, Воронцовъ освободилъ поселянъ отъ бековъ, связанныхъ съ ними по личной зависимости; эта мѣра лишила безземельныхъ бековъ серьезныхъ источниковъ существованія, тогда Воронцовъ обратился въ Кавказскій Комитетъ съ ходатайствомъ о вознагражденіи безземельныхъ бековъ за потерю тѣхъ доходовъ, которыхъ они лишались за освобожденіе лично отъ нихъ зависимыхъ поселянъ, за каждое семейство по 5 р. въ теченіе 25 л., Воронцовъ испрашивалъ это вознагражденіе въ видѣ Монаршей милости „не владѣльцамъ земли, а тѣмъ, кои, не имѣя земли, пользовались доходами отъ поселянъ по личному на нихъ праву“. Ходатайство это повторяли позже намѣстники Кавказа Муравьевъ, Барятинскій; благодаря ходатайствамъ въ Кавказскомъ Комитетѣ состоялось Высочайше утвержденное Положеніе 19 дек. 1856 г., на этомъ основаніи, по журналу Совѣта Намѣстника, 24 янв. 1863 г., утвержденному и. о. Намѣстника Орбеліани вознагражденіе было назначено только тѣмъ бекамъ, которые: 1) кромѣ крестьянъ, бывшихъ въ личной отъ нихъ зависимости, никого не имѣли, 2) которые хотя и имѣли населенныя имѣнія, но слишкомъ незначительныя, съ доходами не превышающими тѣхъ, которые они получали отъ крестьянъ состоящихъ въ личной зависимости, 3) которые по заслугамъ, многочисленности семейства или бѣдности, заслуживали особаго вниманія; тѣмъ изъ бековъ, отъ которыхъ отошли поселяне числомъ болѣе 3-хъ семействъ назначено вознагражденіе по 5 р. въ теченіе 25 л., тѣмъ бекамъ, которые съ освобожденіемъ лично зависимыхъ отъ нихъ поселянъ, оставались при достаточныхъ средствахъ, а гдѣ и при богатыхъ, располагали населенными землями на правахъ бековъ — вознагражденія постановлено было не выдавать; вознагражденіе постановлено выдать тѣмъ бекамъ, которые, хотя имѣли средства

къ существованію, но у которыхъ число отошедшихъ значительно менѣе оставшихся во владѣніи бековъ. Коммиссія при Департаментѣ Государственныхъ имуществъ, усматривала, что повинности поселянъ бекамъ должны проистекать исключительно изъ права послѣднихъ на земли, а не изъ личной зависимости поселянъ, и на этомъ основаніи всѣ такіе поселяне въ Шушинскомъ, Нухинскомъ, Шемахинскомъ и Ленкоранскомъ уу. должны быть освобождены и эта мѣра должна распространиться и на Кубинскій у., „гдѣ поселяне подъ названіемъ речбаръ отправляютъ также личныя повинности разнымъ лицамъ, не только высшаго мусульманскаго сословія, но и низшаго званія, не пользуясь ихъ землею"; еще ранѣе Дербентская Коммиссія на основаніи постановленія Совѣта Намѣстника, 26 января 1863 г., высказала мнѣніе, что сословіе речбаровъ, какъ явно противорѣчащее началамъ законоположенія 19 февраля 1861 г. съ перваго же дня примѣненія въ Кубинскомъ у. Поселянскаго Положенія должно быть отмѣнено съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Коммиссія при Департаментѣ Государственныхъ имуществъ вполнѣ присоединилась къ этому мнѣнію, „съ тѣмъ однако же, чтобы речбары эти со времени освобожденія отъ личной зависимости владѣльцевъ были обложены казенными податями, наравнѣ съ поселянами тѣхъ деревень, гдѣ они состоятъ записанными". Коммиссія по вопросу о вознагражденіи пришла къ тому заключенію, что подъ условіе о вознагражденіи по 5 р. съ дыма въ теченіе 25 л. могутъ подойти такіе владѣльцы, которые пользуются речбарами, данными имъ какъ при ханскомъ правленіи, такъ и при водвореніи русской власти; 1) если такіе речбары предоставлены имъ не по должностямъ главныхъ казіевъ и магальныхъ наибовъ, а за особыя заслуги, 2) если пожалованы не пожизненно, а на неопредѣленное время, 3) если владѣлецъ не имѣетъ другихъ подвластныхъ или населенныхъ земель, 4) если число предполагаемыхъ къ освобожденію речбаровъ болѣе 3-хъ чел.; владѣльцевъ, не имѣющихъ права на вознагражденіе оказалось 5 чел., а у нихъ проживали 24 речбара. Не получали вознагражденіе 19 владѣльцевъ съ 133 речбарами, потому что владѣли населенными и ненаселенными землями, т. е. располагали средствами.

Все дѣло о речбарахъ началось въ управленіи Государственныхъ Имуществъ въ 1871 г. Закончилось въ 1873 г.; когда на Кубинскій у. было распространено Поселянское Положеніе 1870 г.

По этому закону речбары были освобождены отъ всякой личной зависимости владѣльцевъ на всегда, потому что съ введеніемъ Положенія 14/26 мая 1870 г. „всякія личныя обязательныя отношенія, не вытекающія изъ земельнаго пользованія должны прекратиться". Тѣ изъ речбаровъ, которые имѣли осѣдлостъ и были приписаны къ имѣніямъ владѣльческимъ или казеннымъ получили поземельное устройство на одинаковыхъ основаніяхъ съ поселянами; на тѣхъ речбаровъ, которые не имѣли собственной осѣдлости и которые состояли въ такой же зависимости отъ владѣльцевъ, какъ бывшіе дворовые люди, распространили дѣйствіе Положенія 19 февр. 1861 г. объ устройствѣ дворовыхъ людей, какъ въ отношеніи приписки ихъ къ обществамъ, такъ и въ отношеніи льготъ ими при этомъ получаемыхъ.

V.

Тіульное и мюлькодарское право.

I.

Основы тіульнаго и мюлькодарскаго права.

Въ виду того, что поземельныя отношенія между владѣльцами земель и находящимися на этихъ земляхъ поселянами были не вездѣ одинаковыми, имѣли свои отличительные признаки, высшая власть въ Закавказьѣ реформировала существующій поземельный строй разновременно; но въ порядкѣ проведенія реформы не было никакой послѣдовательности. Въ Эриванской губ. и въ Ахалцихскомъ у. Тифлисской губ. землей владѣли на, такъ называемомъ, тіульномъ правѣ. Еще генералъ маіоръ князь Бебутовъ въ представленіи бар. Розену, главноуправляющему краемъ, 14 мая 1836 г., давалъ характеристику существующаго въ Эриванской губ. права на земельную собственность. Бебутовъ отмѣчаетъ въ Эриванской губ. 4 вида *тіуловъ*. *Тіулъ*-слово татарское, перешедшее къ персіянамъ и означало въ историческомъ своемъ существованіи всякое имѣніе, пожалованное государемъ кому либо изъ своихъ чиновниковъ; недвижимое же имущество всякаго рода называлось *мюлькъ* (арабское слово), а владѣлецъ *мюлькодаромъ*. Въ тіулахъ часто селили государственныхъ крестьянъ; иногда въ тіулъ отдавались, т. е. жертвовались казенные крестьяне безъ казенной земли и получавшему предоставлялось размѣщать ихъ на земляхъ, тогда эти крестьяне отбывали тіулисту, получившему пожалованіе, подати и повинности, слѣдуемыя съ нихъ въ казну; поэтому нерѣдко случалось, что казенные крестьяне поселенные на чьей либо землѣ вмѣстѣ съ этимъ отдавались въ тіулъ какому нибудь должностному лицу; такіе пожалованные крестьяне за право пользованія землей уплачивали условленныя повинности владѣльцу земли, а личныя повинности тіулисту; для такихъ случаевъ была, выработана

формула: мюлькъ (земля) принадлежитъ *А*, а тіулъ (пожалованъ) *В*.

Тіулы были потомственные и пожизненные. Одни тіулы, по мѣрѣ заслугъ, жаловались какому-нибудь должностному лицу въ потомственное пользованіе, или пожалованныя земли утверждались послѣдующими повелителями въ потомственное пользованіе. Отъ тіульнаго права въ существѣ своемъ условнаго, слѣдуетъ отличать мюлькодарское право; земли на мюлькодарскомъ правѣ составляли „неотъемлемую сихъ (мюлькодаровъ) собственность..., хотя владѣніе сими землями дѣйствительно связано съ нѣкоторыми ограниченіями, состоящими въ томъ, что мюлькодаръ не могъ требовать съ поселянина на землѣ его живущаго болѣе положенной части урожая и самъ былъ обязанъ платить въ казну поземельную подать“, но это ограниченіе, обусловленное обычнымъ правомъ, не мѣшало мюлькодару распоряжаться землей въ другихъ отношеніяхъ.

Кн. Бебутовъ, какъ уже было сказано, различаетъ 4 вида тіуловъ; 1) тіулы наслѣдственные, 2) тіулы-*магавузи*, т. е. замѣненные; случалось, что въ одной и той же деревнѣ были земли казенныя и частныхъ владѣльцевъ; для того, чтобы избѣжать запутанности въ счетѣ платежей повинностей съ этихъ имѣній, происходилъ обмѣнъ; частные владѣльцы, мюлькодары получали, въ замѣнъ своихъ, казенныя деревни, тіулъ съ которыхъ равнялся прежнему мюльку; 3) тіулы, пожалованные за службу, вмѣсто денежнаго жалованія, пожизненно или до конца срока службы и 4) тіулы Эчміадзинскаго монастыря. Тіулисты пользовались съ земель всѣми доходами, безъ участія казны, одновременно съ этимъ тіулисты осуществляли свои права по отношенію къ поселеннымъ на пожалованныхъ имъ земляхъ безъ участія властей; тіульныя владѣнія имѣли нѣкоторый характеръ иммунитетнаго владѣнія, поскольку доступъ и вмѣшательство въ земли былъ воспрещенъ казнѣ и агентамъ власти. Такой порядокъ былъ признанъ положеніемъ Выс. утв. 5 іюля 1836 г. Русская власть не удовлетворялась признаніемъ существующихъ отношеній, особенно потому, что не все въ нихъ было ясно и извѣстно. Потому ген. Бебутовъ въ 1836 г. разработалъ проектъ, который пытался привести въ извѣст-

ность права тѣхъ тіулистовъ, которые получили наслѣдственныя пожалованія при Персидскомъ правительствѣ; но возможно было, что не всѣ тіулисты доказали бы свои права; по мнѣнію Бебутова, наслѣдникамъ такихъ владѣльцевъ должно быть опредѣлено вознагражденіе. Что же касается тіуловъ магавузи, то такія владѣнія проектируетъ Бебутовъ отобрать, и возвратить мюлькодарамъ ихъ земли, состоящія въ казенномъ вѣдомствѣ. Тіулы розданные, вмѣсто жалованія, должны оставаться въ пожизненномъ пользованіи. Деревни на тіульномъ правѣ, состоящія во владѣніи Эчміадзинскаго монастыря оставляются въ старомъ владѣніи. По проекту Бебутова повинности съ тіульныхъ деревень, за исключеніемъ платежей на содержаніе почты и вознагражденія смотрителей за распредѣленіемъ воды, дожны поступать въ пользу владѣльцевъ тіулами, безъ права вмѣшательства казны или какихъ нибудь другихъ учрежденій. Ревизовавшій Закавказскій край сенаторъ Ганъ во всеподданѣйшимъ рапортѣ отъ 29 іюля 1838 г. не согласился съ предложеніями Бебутова и нашелъ ихъ „неимѣющими справедливаго основанія, гибельными для благосостоянія поселянъ, противными выгодамъ правительства и клонящимися къ нарушенію справедливой мѣры, Высочайше одобренной по представленію ген. фелдм. кн. Варшавскаго“; Ганъ думаетъ, что „тіулы суть казенныя деревни, съ коихъ доходы предоставлялись безраздѣльно въ пользу тѣхъ лицъ, коимъ онѣ пожалованы, а мюльки, подобно арендамъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, суть наслѣдственныя имѣнія, владѣльцы коихъ получаютъ изъ дохода $^2/_5$ части, а $^3/_5$ поступаютъ въ казну“; продолжая свои сужденія, сен. Ганъ утверждаетъ, что бар. Розенъ, „разрѣшивъ мюлькодарамъ имѣтъ своихъ *серкяровъ*, (сборщиковъ) далъ имъ новый способъ угнетать поселянъ и вынуждать къ уступкѣ земель, съ коихъ они платятъ подати и казнѣ и мюлкодарамъ и къ отдачѣ симъ послѣднимъ, не взирая на воспрещеніе, части сѣна, іонжи, сѣмянъ, хлопчатой бумаги и плодовъ“

Серкяры или сборщики податей въ мюлькодарскихъ деревняхъ были дѣйствительно допущены бар. Розеномъ и, какъ удостовѣряетъ Совѣтъ Главнаго Управленія въ 1838 г., по просьбѣ мюлькодаровъ; и они должны были содержаться на

средства мюлькодаровъ. Тіулы, по утвержденію Совѣта Главнаго Управленія, давались не только на казенныя деревни, но и на мюлькодарскія, но въ такихъ случаяхъ доходы, принадлежащіе казнѣ, предоставлялись владѣльцамъ, т. е., говоря иначе, правительство передавало свои права частнымъ владѣльцамъ, и этимъ признакомъ тіульное право приближалось къ иммунитету. По Выс. повелѣнію въ Армянской области наслѣдникамъ умершихъ тіулистовъ оставлялись тѣ части имѣнія, которыми отцы ихъ владѣли на правѣ мюлькодарскомъ; по прямому значенію тіула въ казну должны были поступать только казенные доходы, предоставляемые тіулисту во временное пользованіе, мюлькъ ни въ коемъ случаѣ не подлежалъ такому распоряженію. Въ результатѣ выясненія всѣхъ особенностей тіульнаго права владѣнія Совѣтъ Главнаго Управленія 28 апр. 1839 года вынесъ весьма серьезное постановленіе; Совѣтъ признаетъ, что при Персидскомъ правительствѣ существовали наслѣдственные тіулы, но въ дальнѣйшемъ Совѣтъ не находитъ возможнымъ сохранить это право и лишать казну доходовъ съ деревень, но вмѣстѣ съ тѣмъ не находитъ допустимымъ выдачу вознагражденія тіулистамъ за потерю правъ. Отмѣнивъ право наслѣдованія тіуловъ, Совѣтъ, въ интересахъ справедливости, распоряжается сохранить тіулы въ пожизненномъ владѣніи, но со смертью мюлькодаровъ, наслѣдникамъ сохраняется мюлькъ, а въ казну передаются всѣ казенныя подати. Совѣтъ считаетъ необходимымъ привлечь тіулистовъ къ несенію земскихъ повинностей. Наконецъ, производится распоряженіе объ установленіи числа тіуловъ магавузи, и числа тѣхъ магавузи, которые должны быть обращены въ казну послѣ смерти наслѣдниковъ.

Признавая за мюлькодарами право свободнаго распоряженія, Совѣтъ Главнаго Управленія ставитъ въ обязанность мѣстнымъ начальникамъ наблюдать, чтобы мюлькодары не требовали поселянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, на работы, обязать мюлькодаровъ вносить совмѣстно съ поселянами опредѣленную часть окладного сбора съ урожая въ казну и участвовать въ издержкахъ по сохраненію въ исправности водопроводныхъ канавъ. Мнѣніе Совѣта Главнаго Управленія было сообщено бывшему пред-

сѣдателю Комитета объ устройствѣ Закавказскаго края ген.-ад. Чернышеву 20 іюня 1839 г., а отъ него все дѣло перешло на заключеніе Министра Государственныхъ имуществъ, который почти во всемъ согласился съ Совѣтомъ Главнаго Управленія; мюлькодары, по предложенію Министра Госуд. имуществъ, должны признаваться не владѣльцами земель и не временными арендаторами государственныхъ земель, „но потомственными пайщиками казны, имѣющими право получать 4/30 дохода съ мюлькодарскихъ селеній", эти 4/30 сбора разрѣшалось производить со всѣхъ вообще произведеній, не исключая сѣна, самана, іюнжи, сѣмянъ хлопчатой бумаги и т. п.

Министерство Госуд. Имуществъ не возражало противъ того, чтобы мюлькодары содержали въ имѣніяхъ своихъ серкяровъ, и соглашалось оставить ихъ на 6 лѣтъ, согласно Выс. утв. 5 іюля 1836 г., съ правомъ возобновленія этой должности еще на 4 года до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены въ извѣстность доходы съ казенныхъ и мюлькодарскихъ земель, эти свѣдѣнія были крайне необходимы для того, чтобы имѣть матеріалы для будущаго обложенія; попутно мѣстной администраціи было предложено узнать, не пожелаютъ ли мюлькодары, вмѣсто 4/30 дохода, получить въ полную собственность 4/30 общаго пространства мюлькодарскихъ земель; мюлькодарамъ предоставлялось право производить собственныя запашки на существовавшихъ основаніяхъ, т. е. съ согласія мірскихъ обществъ, но съ категорическимъ запрещеніемъ производить захватъ поселянскихъ земель. Заключенія Министра Госуд. Имуществъ были сообщены главноуправляющему краемъ ген. Головину, 19 января 1840 г., который въ свою очередь передалъ ихъ на разсмотрѣніе Совѣту Главнаго Управленія. Совѣтъ для того, чтобы не оказалось какихъ нибудь противорѣчій и несогласій передалъ соображеніе Мин. Гос. Имуществъ въ Палату Госуд. Имуществъ, изъ палаты поступило особое мнѣніе главноуправляющему черезъ 4 года, 23 ноября 1844.

Проектъ Положенія удостоившійся санкціи кн. М. С. Воронцова, 21/28 мая 1848 г. былъ направленъ въ Кавказскій Комитетъ. Мюлькодары Эриванскаго и Нахичеванскаго уу.

смотрѣли на землю, какъ на неотъемлемую свою, собственность, объясняетъ новый проектъ, но какъ „земледѣльцы поселяны на правахъ вольныхъ хлѣбопашцевъ;“ мюлькодары имѣли право продать земли, составляющія мюлькъ, заложить, подарить, „на крестьянъ никакого вліянія не имѣли“; отношенія между поселянами и владѣльцами, говоритъ проектъ, обусловленныя еще въ эпоху персидскаго владычества были таковы, что разъ навсегда установленныхъ условій между сторонами не было; существовалъ только обычай, по которому съ хлопчатой бумаги въ багру и казенную подать поступало $^6/_{30}$, а мюлькодару $^4/_{30}$, со всѣхъ же прочихъ произведеній изъ $^7/_{30}$ въ багру, казенную подать $^3/_{30}$, мюлькодару $^4/_{30}$.

Проектъ положенія полагаетъ что, тіулы были жалуемы бекамъ на правахъ аренды пожизненно или потомственно, что всегда оговаривалось въ грамотахъ. Тіулъ слѣдуетъ разсматривать какъ доходъ, который прежде поступалъ въ казну и если лицо получившее тіулъ имѣло мюлькъ въ той же деревнѣ, то деревня, въ казну ничего не платила, а все поступало въ пользу мюлькодара. Признаетъ проектъ потомственные и пожалованные тіулы; и вноситъ одну очень важную деталь въ понятія о тіулѣ магавузи, а именно мюлькодары имѣли право въ любое время уничтожить замѣну, такое условіе было словесное и заключалось съ сардаремъ. Владѣтели тіуловъ могли распоряжаться землей въ пожалованныхъ ими деревняхъ, по личному усмотрѣнію, управлять безъ участія земской власти, но ни въ какомъ случаѣ не могли оставлять поселянъ безъ земли. Тіульные владѣльцы получали $^1/_3$ всего урожая, иногда по особымъ условіямъ $^1/_2$, и къ тому же пользовались правомъ требовать денежныя подати съ поселянъ. Правительство русское признало законными доходами тіулистовъ по 2 р. 50 к. подымной подати, изъ 30 частей, 7 отъ всѣхъ произведеній земли; по 80 коп. за каждое самарное мѣсто, отведенное подъ огороды бостани, сады (самаръ заключаетъ 3 пуда посѣва пшеницы).

Поселяне имѣли право пользоваться 2 халварами земли съ каждой ахчи (каждая деревня въ Армянской области состояла изъ ахчей или дангъ). Халваръ = 30 пуд. посѣва

или 10 самарамъ = 4 дес., самаръ = 10 батманамъ посѣва, батманъ = 12 стилямъ, стиль = 1 ф. За самарную землю, занятую для посадки деревьевъ разнаго рода или разведенія лѣса, владѣльцы взыскивали 80 к.; всѣ беки требовали съ поселянъ доставки на домъ повинности съ земныхъ произведеній; на поселянъ была возложена обязанность содержать серкяровъ съ лошадьми; они же платили деньги за пользованіе овчарникали и зимовниками. Мюлькодары дѣлились на два ранга: на мюлькодаровъ-бековъ и мюлькодаровъ-поселянъ; въ Гокчинскомъ участкѣ Эриванскаго у. проживали агалары, переселившіеся при персидскомъ правительствѣ въ бывшее Эриванское ханство. Тіулистовъ пожизненныхъ и потомственныхъ въ Эриванской губ. было нѣсколько человѣкъ, большинство пользовалось правами мюлькодаровъ.

По Ахалцихскому у. владѣльцы имѣли земли въ полномъ своемъ распоряженіи и назывались они чифтлыки. Поселяне платили владѣльцамъ въ багру 1/5 урожая, а остальная часть дѣлилась пополамъ между поселяниномъ и владѣльцемъ земли.

Отличительнымъ признакомъ по земельному владѣнію въ Ахалцихскомъ уѣздѣ было то, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ встрѣчались, такъ называемыя, *тапныя* земли, т. е земли купленныя по *баратамъ*, документамъ, выдаваемымъ султанами, узаконяющими сдѣлку и *касріатамъ* тоже документамъ, но документамъ, выдаваемымъ уже отъ владѣльцевъ. Урожай съ такихъ земель дѣлился пополамъ между тапщикомъ и поселяниномъ.

За сады на владѣльческихъ земляхъ платили по соглашенію или по положенію багру или махту.

За мельницы на владѣльческихъ земляхъ, какъ поселяне, имѣющіе усадебную осѣдлость, такъ и посторонніе платили владѣльцу по 1 р. 30 к. въ годъ съ каждаго камня.

За право пастьбы на владѣльческихъ угодіяхъ поселяне уплачивали: съ каждой дойной коровы по 1 1/2 ф. масла, съ каждыхъ 4 овецъ—по одной; съ 20 козлятъ по одному; съ пчелинаго роя по 1 1/2 ф. меду; съ дыма по 1 курицѣ, съ пары быковъ—по 1 бревну, съ 1 лошади или осла—по 1 вьюку дровъ; наконецъ, поселяне доставляли владѣльцу

багру и дрова на мѣсто жительства на разстояніи дневного пути, отъ мѣста сбора.

Переуступка тапъ безъ засвидѣтельствованія Ахалцихскаго правленія признается недѣйствительной, ибо „сдѣлки сіи подаютъ тапщикамъ право собственности на земли, которыя остаются казенными“. Пріобрѣтенія земель по тапамъ должно быть дозволено поселянамъ въ такомъ только количествѣ, которое необходимо для удовлетворенія нуждъ поселянина, но отдача для обрабатыванія изъ какихъ нибудь долей должна быть воспрещена. Жителямъ г. Ахалциха, которые имѣли земли въ разныхъ санджакахъ назначается 3-хъ лѣтній срокъ для продажи своего права поселянамъ тѣхъ деревень, къ которымъ принадлежатъ участки или тѣмъ, кто будетъ водворяться въ тѣхъ деревняхъ. Эти распоряженія не могли относиться къ садамъ, мельницамъ, заводамъ и т. п. заведеніямъ; всѣ такія сооруженія въ провинціи оставляются въ полномъ распоряженіи тапщиковъ, съ правомъ продажи.

Въ Совѣтѣ Главнаго Управленія особое вниманіе удѣлено было вопросу о томъ, кому именно принадлежала земля въ Ахалцихскомъ у., кого слѣдуетъ считать верховнымъ ея собственникомъ; Совѣтъ пришелъ къ тому заключенію, что „нельзя сомнѣваться въ томъ, что земля *принадлежала* казнѣ, а не поселянамъ, ибо въ такомъ случаѣ владѣльцы баратовъ не могли бы передавать участки земель во владѣніе постороннихъ лицъ, а напротивъ того, это право принадлежало бы самимъ поселянамъ, чего впрочемъ допускаемо не было. Вообще право владѣнія въ Ахалцихскомъ пашалыкѣ нельзя основывать на началахъ собственности въ России существующихъ и нельзя полагать, чтобы поселяне откупившіеся отъ ахчей могутъ входить въ состояніе свободныхъ людей или государственныхъ поселянъ, въ Турціи не существовавшихъ, ни даже того, что поселяне могли отъ ахчей откупаться. Земля, какъ самые жители, принадлежала казнѣ.“ Утвержденія Сов. Главн. Управленія было справедливо поскольку вообще не было понятія о частной собственности; собственники земель ханъ, султанъ, остальные имѣютъ лишь право пользованія; съ этой точки зрѣнія, между мусульманскимъ понятіямъ о правѣ собственности, которое вклю-

чало право распоряженія въ ограниченныхъ рамкахъ, но не привязывало личности пользователя къ нимъ, и правомъ собственности, была несомнѣнно большая разница.

Поселяне за право пользованія землями были обложены повинностями и податями; владѣлецъ баратовъ на землю, т. е. владѣлецъ земли получалъ съ поселянъ $^1/_5$ съ земныхъ доходовъ, а владѣльцы обязывались нести обязанности управляющихъ имѣніями. Но такъ какъ бараты т. е. документы на право владѣнія землями были взяты подъ подозрѣніе русскимъ правительствомъ, то началась ихъ провѣрка, послѣдняя вызвала множество споровъ, и оказалась весьма затруднительной; Совѣтъ Гл. Упр. тогда призналъ возможнымъ предоставить всѣмъ Ахалцихскимъ бекамъ, у которыхъ состояли въ управленіи имѣнія, пользоваться доходами съ нихъ, вмѣстѣ съ этимъ признано возможнымъ, взамѣнъ доходовъ съ имѣній, произвести денежную плату бекамъ и агаларамъ, съ прекращеніемъ права пользованія наслѣдниками доходовъ съ имѣнія"; для Совѣта Главнаго Управленія было очевидно, что бараты не давали правъ наслѣдственнаго владѣнія. Что именно убѣдило Совѣтъ Главнаго Управленія сказать трудно, но внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ въ данномъ случаѣ серьезно ошибался. За невозможностью пересмотрѣть бараты, или жалованныя письма, мы изъ укоренившагося и въ Грузіи и въ мусульманскихъ провинціяхъ обычая знаемъ, что бараты, вѣрнѣе жалованныя грамоты, во-первыхъ, почти при каждомъ новомъ правителѣ возобновлялись, и очень часто бараты устанавливали наслѣдственное право владѣнія или пользованія; утвержденіе Совѣта Гл. Управленія мало-доказательно, это обстоятельство объясняется тѣмъ, что првительство хотѣло перевести всѣхъ поселянъ въ разрядъ государственныхъ крестьянъ, признать земли казенной собственностью и въ этомъ направленіи оно очень рѣшительно дѣйствовало, и поэтому часто поспѣшно рѣшало сложные вопросы.

Относительно опредѣленія типичныхъ признаковъ тіуловъ представители высшей власти въ Закавказьѣ далеко не сходились въ своихъ имѣніяхъ; Начальникъ Главнаго Управленія указываетъ на существованіе четырехъ мнѣній; одни изъ представителей власти полагали, что наслѣдственности

тіуловъ не существовало, что мюлькъ не заключаетъ въ себѣ права собственности на землю (Медоксъ), другіе (кн. Бебутовъ), наоборотъ утверждали, что были тіулы разныхъ родовъ, въ томъ числѣ наслѣдственные, что „мюлькъ есть право собственности на землю", а мюлькодаръ владѣлецъ земли; третьи, какъ бар. Ганъ, основываясь на мнѣніи Медокса, (предсѣдателя коммиссіи въ Эриванской губ. приводившаго въ 1828 г. въ извѣстность существовавшіе при персидскомъ правительствѣ налоги), полемизируя съ кн. Бебутовымъ, утверждалъ, что тіулъ т. е. доходъ съ казенныхъ деревень былъ жалуемъ частнымъ лицамъ на время или пожизненно, а мюлькъ — арендное право, подобно арендѣ Прибалтійскихъ губ. Начальникъ главнаго управленія А. Николаи не раздѣляетъ точки зрѣнія бар. Гана онъ думаетъ, что и Медоксъ, какъ предсѣдатель коммиссіи для приведенія въ извѣстность казенныхъ доходовъ въ Армянской области, и Ганъ, какъ предсѣдатель коммиссіи для введенія въ Закавказьѣ новой финансовой системы „стремились къ одной цѣли, къ возможному увеличенію цифры казеннаго дохода и потому, *дабы явственнѣе обозначить заслуги свои*, старались не о сохраненіи и не утвержденіи права собственности за частными лицами, но о присвоеніи этихъ правъ казнѣ, въ особенности тамъ, гдѣ они выражались словами не получившими мѣста въ нашемъ русскомъ законодательствѣ"; четвертые (Министръ Госуд. Имуществъ), отвергая наслѣдственность тіуловъ, мюлькодаровъ признавали не за владѣльцевъ земли, а за пайщиковъ казны, имѣвшихъ право только на $^4/_{30}$ части доходовъ или урожая.

Владѣльцы и крестьяне въ Ахалцихскомъ у., Тифлисской губ.

Въ небольшомъ уѣздѣ Ахалцихскомъ, Тифлисской губ. отношенія между владѣльцами земли и находящимися на нихъ поселянами имѣли нѣкоторыя отличительныя черты, въ силу чего они стали предметомъ совершенно самостоятельныхъ сужденій.

Турецкое правительство по завоеваніи Ахалцихскаго пашалыка въ XVI в. исчислило доходы съ деревень и раздѣлило ихъ на *ахчи* т. е. части и обязало населеніе $^1/_5$ ахчей

вносить въ казну. Ахчи, доходы съ деревень, предоставлялись турецкимъ правительствомъ бекамъ и другимъ лицамъ принимавшимъ участіе въ защитѣ пашалыка отъ непріятелей и несущимъ какую нибудь общественную или государственную службу. Право пользованія ахчами каждый разъ утверждалось особыми баратами т. е. жалованными письмами или грамотами, выдаваемыми султанами. Ахчи могли быть продаваемы, но съ переводомъ на покупателя всѣхъ обязанностей продавца.

Когда въ 1828 г. Ахалцихскій пашалыкъ былъ занятъ Паскевичемъ, то немедленно было объявлено бекамъ, что желающіе переселиться въ Турцію могутъ продать свои земли; по продажа совершалась неправильно; законносоставленныхъ актовъ не было, создавалась большая путаница въ правѣ пользованія и владѣнія землями; во избѣжаніе большой сумятицы въ поземельныхъ отношеніяхъ, Совѣтъ Главнаго Управленія въ апрѣлѣ 1839 г. имѣлъ сужденіе о цѣлесообразности перечислить всѣ имѣнія въ государственную собственность, устранить всѣхъ купившихъ земли отъ пользованія ими и вознаградить тѣхъ изъ нихъ, которые пріобрѣтали земли по невѣдѣнію или невѣжеству своему. Радикальная мѣра, влекущая за собой слишкомъ рѣзкія перемѣны въ поземельныхъ отношеніяхъ нуждалась въ санкціи центральныхъ органовъ власти; постановленіемъ сената отъ 23 апрѣля 1843 г. было поручено Главноуправляющему краемъ передать уѣздному суду въ Ахалцихскомъ у. рѣшать вопросъ о законности права поземельнаго владѣнія частныхъ лицъ, а равно законность права пріобрѣтенія; такое рѣшеніе Сената, рѣзко разошедшагося въ вопросѣ о рѣшеніи правъ бековъ на земельныя владѣнія, было болѣе справедливымъ; Ахалцихскій уѣздный судъ нашелъ, что право владѣнія бековъ еще при турецкомъ правительствѣ было сомнительнымъ; судъ нашелъ вообще поземельныя права крайне шаткими; поэтому по Выс. повелѣнію указомъ Правит. Сената 14 ноября 1844 г. было предписано главноуправляющему заняться разборомъ тѣхъ актовъ, которыми удостовѣрялась законность земельныхъ покупокъ. Съ своей стороны Министръ Госуд. Имуществъ, уже знакомый съ предположеніями Совѣта Главнаго Управленія, предложилъ

рядъ мѣръ для установленія правильныхъ земельныхъ отношеній; послѣдній предполагалъ предложить поселянамъ, владѣвшимъ казенными землями *по тапамъ*, пользоваться ими свободно по прежнему, но съ обязательствомъ платежа въ казну багры, чистой поземельной платы; поселянамъ предоставлено право передачи земель, но непремѣнно поселянамъ тѣхъ деревень или санджака, къ которому земля принадлежитъ.

24 января 1844 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которое внесло новый порядокъ въ отбываніе повинностей поселянами; поселяне за пользованіе казенными землями, принадлежащими помѣщикамъ должны разъ навсегда отбывать $^1/_{10}$ со всѣхъ произведеній земли, всѣ прочіе сборы съ предметовъ домашняго хозяйства и промышленности отмѣняются, но за потерю этихъ доходовъ помѣщики были вознаграждены новой повинностью: поселяне обязаны работать на владѣльцевъ земли 6 дней въ годъ; этими рабочими днями владѣлецъ можетъ пользоваться исключительно для полевыхъ работъ; это постановленіе не распространялось на коренныхъ бековъ Ахалцихскаго пашалыка, владѣвшихъ имѣніями еще при турецкомъ правительствѣ. Этимъ бекамъ была продлена Высочайшая льгота: поселяне на земляхъ коренныхъ бековъ, начиная съ 1844 г. были освобождены отъ платежей въ казну, а беки могли получать $^1/_5$ земныхъ произведеній, съ уничтоженіемъ всѣхъ остальныхъ мелочныхъ сборовъ и предоставленіемъ 6 рабочихъ дней; съ истеченіемъ 10 лѣтъ на названныхъ бековъ распространялось общее положеніе. Владѣльцамъ дозволяется, вмѣсто рабочихъ дней получать съ поселянъ, по соглашенію, денежное вознагражденіе или земныя произведенія, но ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать поселянъ для личныхъ услугъ.

Взаимоотшенія между беками и поселянами были въ хаотическомъ состояніи, подчинялись исключительно обычному праву и русское правительство, рѣшительно вознамѣрившееся упорядочить поземельныя отношенія не ограничилось указанными нововведеніями: 19 апрѣля и 6 мая 1844 г. главноуправляющій ген. Нейдгардтъ утвердилъ постановленія Совѣта Главнаго Управленія. Въ Ахалцих-

скомъ у. были сады, разведенные на владѣльческихъ земляхъ поселянами. Здѣсь же они имѣли усадебную осѣдлость; такія садовыя насажденія были обложены повинностью въ пользу владѣльца въ размѣрѣ $^1/_{10}$; съ тѣхъ садовъ и насажденій, при которыхъ не было поселянской осѣдлости—уплачивалась $^1/_5$, такую часть получали владѣльцы и ранѣе, такимъ образомъ нерушимой оставалась старина. Повинности съ садовъ, вновь разводимыхъ, должны устанавливаться по соглашенію, съ увѣдомленіемъ объ условіяхъ соглашенія каждый разъ мѣстнаго начальства. Поселянскіе надѣлы не должны быть уменьшаемы и остаются въ предѣлахъ существующихъ размѣровъ. Въ имѣніяхъ, гдѣ вся земля распредѣлена между поселянами и владѣльцами, поселяне не въ правѣ требовать болѣе того количества земли, которое можетъ быть вспахано поселянами въ теченіе двухъ рабочихъ дней, имѣющимися у нихъ плугами. Если владѣлецъ имѣетъ достаточное количество свободной земли, владѣлецъ не вправѣ требовать отъ поселянъ запашекъ болѣе того, что онъ можетъ вспахать въ теченіи двухъ рабочихъ дней. Правительство, не желая стѣснять владѣльцевъ и поселянъ, разрѣшаетъ имъ по соглашенію, „но не иначе какъ въ составѣ цѣлаго общества", устанавливать характеръ пользованія землей и порядокъ отбыванія повинностей.

Если внимательно присмотрѣться къ правительственнымъ мѣропріятіямъ касательно поземельныхъ отношеній въ Эриванской губ. и въ Ахалцихскомъ у., то нельзя не отмѣтить двухъ особенностей этихъ мѣропріятій: первое, это чрезвычайная медленность, второе — частичность принимаемыхъ мѣръ, которыя касались только отдѣльныхъ сторонъ жизни, и конечно не достигали цѣли, которая преслѣдовалась реформаторами. Первый, кто рѣшительно взялся за дѣло и хотѣлъ разъ навсегда установить строго опредѣленный, нормированный порядокъ, это былъ первый намѣстникъ Кавказа кн. М. С. Воронцовъ.

II.

Проектъ Положенія о взаимныхъ отношеніяхъ бековъ и поселянъ въ Эриванской губ. и Ахалцихскомъ у.

Взаимоотношенія между беками и поселянами, водворенными на ихъ земляхъ въ Эриванской губ. и Ахалцихскомъ у. регулировались частичными распоряженіями, которыя далеко не охватывали всей совокупности поземельныхъ отношеній. Принимая во вниманіе такое положеніе вещей, кн. М. С. Воронцовъ поручилъ Совѣту Главнаго Управленія заняться изготовленіемъ подходящаго проекта; въ 1851 г. *„Проектъ Положенія о взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ живущихъ на владѣльческихъ земляхъ и владѣльцевъ тѣхъ земель въ Эриванской губ. и Ахалцихскомъ у. Кутаиской губ., (позже Тифлисской) равно объ отношеніяхъ Куртинскихъ племенъ и ихъ родовыхъ старинъ"*, былъ готовъ.

Категоріи владѣльцевъ.

Проектъ Положенія различаетъ слѣдующія категоріи владѣльцевъ; въ Эриванской губ.: 1) *мюлькодаровъ* или имѣющихъ право мюлька т. е. получающихъ съ принадлежащихъ имъ земель извѣстную часть урожая; 2) *тіулистовъ потомственныхъ*, которымъ потомственно предоставлена часть доходовъ съ земель, собственно казнѣ принадлежащихъ; 3) *тіулистовъ пожизненныхъ*, имѣющихъ право пользованія доходами пожизненно, 4) *агаларовъ*, или управляющихъ селеніями на одинаковыхъ правахъ съ агаларами бывшихъ татарскихъ дистанцій, съ управителями въ Гокчинскомъ участкѣ Эриванской у., 5) *родовыхъ старшинъ* кочующихъ куртинскихъ племемъ.

Въ Ахалцихскомъ у.: 1) *бековъ* владѣющихъ по праву тапному или *чифтлыку*, т. е. по праву полнаго распоряже-

нія землею; 2) *лицъ владѣющихъ землями по праву касріатному* т. е. по купчимъ крѣпостямъ, совершеннымъ до и послѣ утвержденія въ Ахалцихскомъ у. русской власти.

О поземельныхъ правахъ владѣльцевъ.

Проектъ Положенія признаетъ, что мюлькодарамъ должно быть предоставлено право, за надѣленіемъ поселянъ землею, располагать остальными участками по своему личному усмотрѣнію; опредѣленіе размѣра поселянскихъ надѣловъ въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ Положеніе проектируетъ поручить Главному Кавказскому начальству, послѣ того какъ будутъ собраны необходимыя свѣдѣнія, характеризующія вообще нормы надѣленія.

Проектъ Положенія сливаетъ право потомственнаго тіулиста съ правомъ мюлькодара съ тѣмъ, чтобы существованіе тіула отдѣльно отъ мюлька упразднить. Право пожизненнаго тіула проектомъ упраздняется со смертью такого тіулиста, а часть тіульнаго дохода обращается въ собственность казны.

Агалары Гокчинскаго участка, беки Ахалцихскаго у. подчиняются одинаковымъ правиламъ по владѣнію землями съ мюлькодарами, за небольшими исключеніями. Родовые старшины кочующихъ куртинскихъ племенъ по проекту должны были пользоваться особыми правами по управленію кочующими обществами; тѣ изъ старшинъ, которые перейдутъ къ осѣдлой жизни въ казенныхъ земляхъ, могутъ быть сравнены въ правахъ своихъ съ мюлькодарами, если мѣстными властями будетъ удостовѣрено, что общества не враждебны правительству, послушны властямъ и дѣйствительно переходятъ къ осѣдлой жизни.

Повинности поселянъ.

Повинности проектомъ положенія признаются натуральныя, въ видѣ частей съ урожая и работъ на владѣльцевъ. Въ Эриванской губ. повинность должна равняться $^{4}/_{30}$ съ земныхъ произведеній. Если владѣлецъ снабжаетъ поселянина скотомъ, земледѣльческими орудіями, сѣменами на

посѣвъ, то вознагражденіе владѣльцу, размѣръ повинности, долженъ устанавливаться по обоюдному соглашенію, при свидѣтеляхъ. Въ Ахалцихскомъ у. Тифлисской губ. владѣлецъ земли получаетъ багры = 1/10 урожая всѣхъ земныхъ произведеній. Коренные беки бывшаго Ахалцихскаго пашалыка, владѣвшіе имѣніями еще при турецкомъ правительствѣ на основ. Выс. повелѣнія отъ янв. 1844 г. получили право взимать съ поселянъ 1/5 всѣхъ произведеній земли, это право сохраняетъ положеніе еще на 10 л., до 1854 г., съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока повинности не превышали 1/10.

Поселяне обязываются доставлять мюлькъ владѣльцу, если мѣсто жительства владѣльца или мѣсто склада продуктовъ его не отстоитъ далѣе 10 в. отъ хозяйства поселянина, если далѣе 10 в., самъ владѣлецъ долженъ распорядится о перевозкѣ, не требуя помощи отъ поселянина и не оставляя храненія мюлька долѣе трехъ дней послѣ выдѣла части, причитающейся мюлькодару, если только не будетъ дано согласія поселяниномъ при свидѣтеляхъ.

Вмѣстѣ съ натуральными повинностями поселяне обязываются выставлять работниковъ въ пользу гокчинскихъ агаларовъ и бековъ Ахалцихскаго у., а равно исправлять эврезъ согл. ст. 18—12 Пол. 28 дек. 1847 г., съ той лишь разницей, что въ Ахалцихскомъ у., вмѣсто 8 рабочихъ дней, устанавливается 6: 1 день на распашку владѣльческихъ полей, 1—на посѣвъ, 2—на жатву, 2—на уборку и молотьбу садовъ, огородовъ; за каждое пространство, засѣваемое 10 батманами пшеницы или 3 п., поселяне должны уплачивать 80 коп. мюлькодарамъ; пожизненные тіулисты получаютъ въ годъ 2 р. 50 к. съ дыма, эта повинность со смертью тіулиста должна перейти въ пользу казны.

Денежную повинность несутъ и кочующіе куртины, родоначальники общества или потомственные старшины по 4 руб. съ семейства, эту повинность кочующіе куртины отбываютъ лишь до тѣхъ поръ, пока они находятся въ кочевомъ состояніи, съ переходомъ къ осѣдлой жизни они приравниваются къ поселянамъ; вмѣсто денежныхъ взносовъ проектъ Положенія дозволяетъ куртинамъ производить платежи скотомъ и продуктами скотоводства.

Проектъ Положенія 1851 г. по существу производилъ

очень скромную работу, онъ лишь систематизировалъ повинности и платежи, а равно отношенія, которыя существовали между мюлькодарами и тіулистами и устранилъ спорные вопросы, особенно касательно толкованія признаковъ тіульнаго права. Вмѣстѣ съ этимъ въ двухъ существенныхъ вопросахъ Проектъ Положенія сталъ на неправильную точку зрѣнія и не устранилъ причинъ нѣкоторой правовой неустойчивости поселянъ. Самый существенный вопросъ о взаимоотношеніи мюлькодаровъ и поселянъ, о размѣрѣ поселянскаго надѣла остался открытымъ. Проектъ Положенія отказался фиксировать норму надѣла, что всегда мы находимъ въ аналогичныхъ проектахъ и передалъ разрѣшеніе этого вопроса Главному Кавказскому начальству, на которое проектомъ возлагается обязанность до разрѣшенія вопроса собрать необходимыя свѣдѣнія; принимая во вниманія тѣ трудности, съ какой вообще собирались статистическія свѣдѣнія, приходится признать, что благополучное рѣшеніе всего дѣла откладывалось на продолжительное время. Такъ какъ Проектъ Положенія обошелъ вопросъ о нормахъ поселянскаго надѣленія, то естественно изъ проекта исчезли всѣ тѣ статьи, которыя касались измѣненій размѣровъ надѣла и которыя являлись предметомъ очень сложныхъ трактовокъ въ другихъ проектахъ Положенія. Другой, не менѣе важный вопросъ, о размѣрѣ повинности мюлькодарамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда поселянинъ получалъ подмогу отъ мюлькодара, проектъ Положенія также оставляетъ безъ особаго вниманія, всецѣло предоставляя его обоюдному соглашенію сторонъ, при участій свидѣтелей.

III.

Проектъ Положенія въ Кавказскомъ Комитетѣ.

Кавказскій Комитетъ разсматривалъ Проектъ положенія о взаимоотношеніяхъ бековъ и поселянъ въ Эриванской губ. и Ахалцихскаго у. и 8 іюля 1851 г. мнѣніе Комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Комитетъ, разсмотрѣвъ свѣдѣнія доставленныя намѣстникомъ кн. М. С. Воронцовымъ, объясненія Министра Госуд. Им., пришелъ къ заключенію, что „ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не содержится положительнаго доказательства о существѣ владѣнія и правахъ владѣльцевъ въ Эриванской губ.“, но Комитетъ не находитъ возможнымъ входить въ разборъ этого предмета, и такое рѣшеніе мотивируется отсутствіемъ необходимаго фактическаго матеріала; чрезвычайно любопытнымъ тѣмъ не менѣе являются дальнѣйшія рѣшенія Комитета; хотя для Комитета неясна сущность права мюлькодаровъ, однако, оставляя рѣшеніе основнаго вопроса въ сторонѣ, узаконяетъ вытекавшія изъ главнаго вопроса послѣдствія.

Кавказскій Комитетъ обратилъ вниманіе на недостаточную разработку въ проектѣ Положенія Намѣстника статей о поселянскомъ надѣленіи; не внося ничего новаго, Комитетъ находитъ, что „поселяне надѣляются землею подъ хлѣбопашество, сады, скотоводство, огороды, примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ въ положеніяхъ, изданныхъ 20 апр. и 28 дек. 1847 г.“, Закавказской власти вмѣняется въ обязанность по накопленіи надлежащихъ свѣдѣній и послѣ производства межеванія опредѣлить „норму надѣленія полнымъ, соотвѣтственно ихъ потребностямъ и возможности, по пространству земель, принадлежащихъ селеніямъ, количествомъ угодій;“ Кавказскій комитетъ постановляетъ, что

у „поселянъ преимущественно оставляются участки, состоящіе въ ихъ пользованіи съ устраненіемъ всякаго произвольнаго распоряженія оными мюлькодаровъ."

Оставшеюся за надѣленіемъ поселянъ землею мюлькодары распоряжаются самостоятельно. При умноженіи числа поселянъ, для сохраненія равновѣсія земельнаго надѣленія, мюлькодары выдѣляютъ на каждую прибылую душу, начиная съ 15 л. возраста „нормальную пропорцію", пользуясь съ этихъ надѣловъ установленными повинностями безъ увеличенія ихъ размѣровъ подъ угрозой отвѣтственности, „хотя бы подобная сдѣлка прикрывалась и добровольнымъ согласіемъ поселянина", такимъ образомъ, Кавказскій Комитетъ значительно исправилъ недочеты проекта Главнаго управленія намѣстника Кавказскаго, но тѣмъ не менѣе опредѣленно не фиксировалъ высшей нормы надѣла, предоставивъ все обычному пользованію.

Не оставилъ Кавказскій Комитетъ безъ вниманія и тѣхъ случаевъ вознагражденія, когда поселянинъ получалъ подмогу скотомъ, сѣменами и т. п. отъ мюлькодара; Комитетъ признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ вознагражденіе производить на точномъ основаніи ст. 87 Пол. 27 апр. 1847 г., но съ условіемъ, чтобы высшая мѣра вознагражденія мюлькодаровъ не превышала $^1/_5$ урожая.

Комитетъ предоставляетъ Главному Кавказскому начальству разработать условія объ уравненіи поселянъ мюлькодарскихъ имѣній съ поселянами другихъ частей Закавказья; до утвержденія такихъ правилъ поселяне вносятъ мюлькъ въ размѣрѣ, установленномъ Положеніемъ.

Проектъ положенія 1851 г., получившій Высочайшее одобреніе, введенъ въ дѣйствіе не былъ по случаю войны 1854 г. Въ 1859 г. дѣлу былъ данъ опять ходъ, но безъ послѣдствій, въ виду того, что въ совѣтѣ Главнаго Управленія Намѣстника былъ поднятъ общій вопросъ о поземельныхъ правахъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія въ краѣ, въ 1865 г. опять было возбуждено дѣло; тѣмъ временемъ успѣли разработать общее Поселянское Положеніе $^{14}/_{26}$ мая 1870 г., сила котораго была распространена на Эриванскую губ. и Ахалцихскій у.; и вся работа по выработкѣ Положенія 1851 г. и въ особенности касательно по-

земельныхъ отношеній въ Эриванской губ. и Ахалцихскомъ у., надъ выяснененіемъ которыхъ трудились съ 1836 г. была оставлена безъ вниманія, все было нивеллировано Положеніемъ 1870 г.

Всѣхъ тіулистовъ, агаларовъ, бековъ въ Эриванской губ. въ 5 у. числилось 1852 семейства или дыма, д. о. п. —12.159.

